воспоминанія ЮРІЯ АРНОЛЬДА.

"Wenn Einer eine Reise thut, So kaun er was erzählen". Matthias Claudius ("Wasdabecter Hote").

("Кто путешествіє свершиль, тому есть что повъдать").

BEITTYCK'S I.

MOCKBA.

Продается въ книжномъ магазинъ Эед Адр. Богданова:
интрожена авша, Ж. 5.

1802.

Изъ сочиненій Ю. К. АРНОЛЬДА изданы слъдующія отдъльными книгами и брошюрами:

А. На русскомъ языкъ:

Теорія музыкальнаго сочиненія. С.-Петербургъ 1841, у Карла Гольцъ.

Теорія древне-русскаго церковнаго и народнаго пінія, на основаніи автентических трактатов и акустическаго анализа. Выпускъ І. Теорія православнаго церковнаго пінія вообще, по ученію эллинских и византійских писателей. Москва, 1880. Изданіе редакціи журнала "Православное Обозрівніе".

Продолженіемъ этой иниги служить:

Гармонизація древно-русскаго церковнаго пінія по эллинской и византійской теоріи и акустическому анализу. Москва 1886. Изданіе псаломщика Мих. Дмитр. Разумовскаго.

В. На нъмецкомъ языкъ:

1867. Leipzig, Paul Rhode:

- 1) Der Einfluss des Zeitgeistes auf die Entwickelung der Tonkunst.
- 2) Über Schulen für musikalische Kunst.
- Die Tonkunst in Russland bis zur Einführung i abendländischen Musik- und Notensystems.
- Betrachtungen über die Kunst der Darstellung im Musikdrama.
- 1868. Über Franz Liszt's Oratorium "Die heilige Elisabeth". Leipzig Paul Rhode.
- 1878. Die alten Kirchenmodi, historisch und akustisch entwickelt. Leipzig, C. F. Kahnt.

Безчисленныя болье или менье пространныя статьи музыкально историческаго, теоретическаго, эстетическаго и критическаго содержанія находятся въ разныхъ журналахъ на русскомъ, нъмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Arnold, ju.k. ВОСНОМИНАНІЯ

MARGRORAR RIAM.

"Wenn Einer eine Reise thut, So kann er was erzählen".

Mavéhias Claud.u. ("Wandsbecker Bote").

("Кто путешествіе свершиль, тому есть что повъдать").

выпускъ і.

МОСКВА.

Продается въ книжномъ магазинѣ Өед. Адр. Богданова.

пвтровския линия, № 5.

1892.

ML 410 A743 A3 1892

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа. Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. Лисскера.

A-55 Stacks Eyek Set acad of Si 12-3-74 1084636-293

ПОСВЯЩАЕТСЯ

МОЕМУ ДРУГУ

И

BURILLEMY YTEHNKY

Петру Ивановичу Серебрякову.

•

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Имя Юрія Карловича Арнольда настолько изв'єстно въ учено-музыкальной литератур'є (не только у насъ въ Россіи, но и за границей), что говорить о немъ излишне. Бол'є или мен'є полныя біографіи Ю. К. встр'єчаются въ русскихъ и иностранныхъ энциклопедическихъ и музыкальныхъ лексиконахъ.

Кому случалось слышать изъ устъ маститаго ученаго музыканта живые и занимательные разсказы изъ его юности или вообще изъ жизни его, тотъ давно уже зналъ, какимъ неисчерпаемымъ запасомъ интересныхъ и разнообразныхъ фактовъ обладаетъ авторъ предлежащихъ "Воспоминаній". Да и стоитъ только просмотрѣть приложенную къ первому выпуску общую программу, чтобы убѣдиться въ томъ, сколько въ этомъ обширномъ трудѣ находится интереснаго историческаго и другаго разнаго матеріала.

И такъ, собственно говоря, книга эта вовсе и не нуждается въ предисловіи. Не лишнимъ будетъ только замѣтить, что побужденіемъ къ письменному изложенію этихъ "Воспоминаній" послужили настойчивыя просьбы друзей, бывшихъ учениковъ и знакомыхъ глубокоуважаемаго старца-музыканта-литератора. И вотъ, наконецъ, такъ сказать, на закатѣ дней своихъ онъ предпринялъ этотъ нелегкій и обширный, но уже давно ожидаемый трудъ. Интересъ еще болѣе увели-

чивается неподдѣльнымъ юморомъ, оригинальной живостью и наглядностью разсказовъ и своеобразной силою языка.

Издатель "Воспоминаній", сколько изъ душевноглубокаго уваженія къ бывшему своему учителю, столько же и изъ убъжденія, счелъ нужнымъ дать русской читающей публикъ возможность познакомиться съ этимъ произведеніемъ. Онъ надъется, что русскій интеллигентный міръ, по прочтеніи немногихъ уже главъ, единодушно примкнетъ къ тому мнѣнію, что мемуары нашего заслуженнаго маститаго музыкантатеоретика займутъ не послъднее мъсто въ литературъ и надолго останутся цѣнными, какъ върное отраженіе изображаемаго въ нихъ времени.

Общее содержаніе "Воспоминаній".

T.

Вступленіе. — Преданіе о нашемъ родоначальникъ. — Мой взглядъ на предковъ. — Объ отцъ и братьяхъ моихъ. — Нъсколько словъ обо мнъ.

II.

1813. Общая паника, напавшая на петербургскихъ жителей. — "Французы идутъ!" — Обдуманность плана завлеченія непріятельской армін во внутрь нашей земли, и кому принадлежить основная мысль этого плана. — Плънные французы. — "Нашъ французь" M-r Grrrosjean.

Ш.

1815. Возвращеніе гвардейскихъ полковъ въ Петербургъ. — Тамбуръмажоры и пъсельники. Запъвало Измайловскаго полка.

IV.

1815—1818. Петербургскіе петиметры и мюскадены. — Описаніе гардероба и принадлежностей франтовъ того времени.

V.

1816—1818. Старый Павловскъ. — Императрица-мать Марія Павловна и ея дворъ. — Поцълуй отъ Царицы и березовая кашица отъ моей бабушки.

VI.

1816—1818. Какъ Петербургъ веселился. — Обычное распредъленіе дня въ "корошемъ" обществъ. — Торжественный объдъ въ день рожденія отца. — Jours fixes. — Балы. — Балы-маскарады. — Публичныя гулянья. — Ориги-маль бывшій коменданть Башуцкій.

VII.

1816—1818. Состояніе музыкальнаго искусства въ Петербургв. — Филармоническое Общество. — Тогдашній салонный репертуаръ. — Серьезной музыкою занимались въ немногихъ только домахъ. — Лучшіе фортепіанные учителя: Фильдъ, Арнольдъ, Мюллеръ. — Прівздъ знаменитаго Гуммеля. — Пвніемъ много и охотно занимались. — Лучшіе преподаватели півнескаго искусства: Г-жа Линденштейнъ, гг. Затценгофенъ, К. К. Кавосъ и Джуліани. — На русской сцень лучшій півнецъ В. Самойловъ (отецъ трагика). — Репертуаръ тогдашнихъ еперъ. — Любимійшіе композиторы романсовъ. — Церковное півніе. — Частный хоръ богача Дубенскаго и пресловутый солисть "Фрицъ".

VIII.

1819. Отецъ отправляеть брата моего (Александра) и меня въ институть Д-ра Карла Лангь близъ Дрездена. — О педагогическихъ принципахъ Песталоцци и Базедова. — Отправленіе насъ изъ Кронштадта на парусномъ корабль. — Ураганъ. — Штетинъ. — Дилижансы того времени. — Дрезденъ. — Г. коммерціи-совътникъ "Юлій Цезарь".

IX.

1819—1822. Ваккербартсрускій пансіонъ. — Пробужденіе барабаномъ. — "Онкель" Буккъ. — Туалеть. — Завтракъ. — Классныя занятія. — Об'ядъ. — Препровожденіе временн посл'є об'яда. — "Vesperbrodt". — Музыкальные уроки, гимнастика, фехтовавіе, домашній театръ. — Ужинъ и отправленіе въ дортуары. — Легкость, съ какою достигались усп'яхи въ научныхъ занятіяхъ. — Личность и характеръ директора Д-ра К. Лангъ. — Д-ръ Карлъ Фогель.

X.

1820. Ежегоднія півшеходныя экскурсін пансіона. — Педагогическая цізь, польза и планъ ихъ. — Наше путевое снаряженіе. — Первая моя экскурсія: Лейпцигь чрезъ 7 літь послі великаго всенароднаго сраженія. — Чернильный силуэть Вельзевула въ Вартбургь. — Гарць. — Подражаніе версальскимъ роскошнымъ диковинамъ въ літней резиденціи миніатюрнаго монарха. — Замокъ Губертсбургь и историческое его значеніе.

XI.

1821. Вторая экскурсія. — Саксонская Швейцарія и характерь ея. — Дівственная дикость богемскихь явсовь. — Марія-Кульмъ. Памятникъ въ честь русскихъ вонновь, павшихъ здісь въ 1813-мъ году. — Городъ Тёплицъ. — Русскій богачъ Н. Н. Демидовь и "придворный" его штатъ. — Первійшая въ мірів камера-обскура. — Г. Прага. — Плаваніе обратно до Дрездена по Эльбів.

XII.

1822. Возвращеніе въ Петербургь. — Дюны Курншгаффа. — Крестовскій островь того времени. — Каменный и Елагинскій острова. — Дача М. А. Нарышкиной. — Охотничья роговая музыка.

XIII.

1822. Тихая, примърная семейная жизнь Великаго Князя Николая Павловича и августъйшей его супруги въ Елагинскомъ дворцъ. — Лътнія празднества Императорскаго двора на Каменномъ островъ и по Средней и Малой Невкъ. — Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ. — Краткое мое пребываніе въ Горномъ Корпусъ. — Мой фортепіанный учитель А. И. Черлицкій. — Случайно я нитью счастіе попасть на глаза Императору Александру Павловичу.

XIV.

1823—24. Отецъ отправляетъ меня въ Дерптскую гимназію. — Физіономія тогдашняго города Дерпта. — Старшій учитель Вильг. Хахфельдъ. — Учитель натинскаго языка Т. Фрейтагъ. — Духъ гимназіи, какой обнаруживелся уже въ младшихъ классахъ. — Развалины на Домбергь. — Рыцарскія игралища. — Сраженіе нашихъ младшихъ классовъ съ учениками убзднаго училища. — Методъ преподаванія въ гимназіи. — Учитель исторіи Т. Бубрихъ. — Декламація: старшій учитель нізмецкаго языка Э. Германнъ. — Сынъ его Теодоръ, и наши упражненія въ метрическихъ формахъ. — Переходъ въ "Терцію". — "Борьба Юлія Цезаря съ Верцингеториксомъ" въ переводів восьмистишіями, и аресть въ награду. — Мой учитель музыки и пізнія Августъ фонъ-Вейраухъ. — Наводненіе въ Петербургів.

XV.

1825. Практическіе методы преподаванія стариних учителей: латинскаго языка — С. Мальмгрена, и исторіи — В. Хахфельда. — Я перевзжаю къ другому содержателю пансіонеровь, пастору Юл. Бубрику. — Эпизодъ: дівта больнаго пастора. — Наши домашніе музыкальные вечера: я знакомлюсь съ образцовыми твореніями Ваха, Генделя, Гайдна и Моцарта и другихъ лучшихъ композиторовъ вакъ прошлаго, такъ и начавшагося въка. — Чтеніе влассическихъ литературныхъ произведеній Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и Испаніи. — Въсть о кончинъ Императора Александра Павловича, и всеобщая присяга новому Государю Императору Константину Павловичу. — Ради домашнихъ обстоятельствъ я тру домой (въ Петербургъ) раньше начатія рождественскихъ каникулъ, и, прітакавъ 13-го декабря, я на другой день случайно попадаю на Адмиралтейскомъ бульварть въ толпу народа. — Что я тамъ, до семи часовъ вечера слышалъ, видълъ и вытерпталъ.

XVI.

1826—27. "Секунда". Духъ старшихъ классовъ. Причины непріязненнаго ко мив отношенія товарищей. — Отецъ мой перевзжаеть въ Дерптъ со всвиъ семействомъ. — Приманеры и секунданеры произносять ночью "регеаt" моему отцу. — Последствія этого; коварство одного товарища. Личное мив оскорбленіе, и последствіе онаго. Я получаю требуемую сатисфакцію, но оттого долженъ бороться съ враждою двухъ классовъ въ теченіе полутора года. — Первая моя дузль. — Я оставляю гимназію и приготовляюсь къ университетскому экзамену частными уроками. — Въ августъ 1827-го года поступаю въ университетъ.

XVII.

1826—27. Общественная жизнь. — Черноморскаго флота мичманъ, впоследстви докторъ медицины Вл. И. Даль. — Домашніе наши концерты. — Девица Леонтина Тунъ. — Скрипачъ, студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Давидовъ). — Спектакли. — Баронъ Александръ фонъ Унгернъ-Штернбергъ (прославившійся потомъ какъ выдававшійся писатель нёмецкихъ романовъ

и повъстей). — Лекторъ нъмецкаго языка при университетъ Эд. Раупахъ. — Студентъ медицины Н. Б. Авке. — "Представленіе великановъ". — Публичные концерты. — Академическая "мусса" (клубъ). — Прітэжія знаменитости: пъвнца Мара (нъкогда примадонна берлинской оперы при Фридрихъ Великомъ). — "Маркизъ де Ковтски" и его пять "дивъ музыкальнаго искусства". — Любитель-фортепіанистъ баронъ Пауль фонъ Вульфъ — Квартетъ ратгофскаго помъщика Карла фонъ Липгардтъ: Фердинандъ Давидъ; Чипріяно Ромбергъ.

XVIII.

Императоръ Николай Павловичъ всемилостивъйше жалуетъ моего отца ежегодной стипендіею для университетскаго моего образованія. — Мои родители возвращаются въ Петербургъ. — Тогдашнее устройство надзора за студентами. Академическій сенатъ — Rector magnificus. — Университетскій синдикъ. — Значеніе попечителя. — Университетская полиція. — Отношенія между педелями и студентами. — Студентскія шалости. — Любовь и уваженіе университетской молодежи въ ректорамъ: Густаву фонъ Эверсъ и Фридриху Парротъ. — Духъ дерптскаго студенчества. — Ландсманшафты (землячества) и благотворное вліяніе ихъ уставовъ на духъ тогдашней молодежи. — Значеніе и форма тогдашнихъ студентскихъ дузлей. — Почему въ Деритъ не развилось бретёрство.

XIX.

Русское землячество "Ruthenia" и вообще русская колонія. — Карловскій пом'вщикъ О. В. Булгаринъ и его другь и покровитель Н. И. Гречъ. — Основатели Рутеніи. — Н. М. Языковъ. — Мои сверстники Порошинъ и графъ Вл. А. Соллогубъ. — "Профессорскій институтъ". — Медики: Н. Пироговъ и Иноземцевъ; юристы: Р'ядкинъ и Ивановскій; историкъ Мих. Куторга и естественникъ Степанъ Куторга; математики и астрономы Остроградскій и Филомафицкій. — Вольные слушатели: А. П. Загорскій, баронъ Ник. Штиглицъ и Геймбюргеръ. — Профессоръ русской словесности Перевощиковъ и его семейство. — Характеристика Булгарина и о томъ какъ проучили его дерптскіе студенты.

XX.

1827—1830. Обыкновенная домашняя обстановка студентской жизни — Типы прислугь: "лёффель" и "бэзенъ". — Отношеніе между хозяевамифижистерами и ихъ квартирантами-буршами. — Балы мѣщанской муссы. — 1829. Общее восторженное волненіе всёхъ слоевъ дерптскаго общества по случаю трехдневнаго пребыванія въ Дерптъ Государя Императора и Государыни Императрицы. — Почетный караулъ изъ студентовъ. — Празднества. — Во время рождественскихъ вакацій 1830 г., которыя я, по обыкновенію проводилъ въ Петербургъ у своихъ родителей, графъ Канкринъ, имъя, по поводу царской стипендіи, нъчто въ родъ попечительства надо мною, исходатайствоваль мнъ счастіе быть представленнымъ Государю Императору.

XXI.

1831. — Польское возстаніе. — Обнародованіе Лифляндскаго генеральгубернатора насчеть желающихь встать въ ряды защитниковъ правъ завоннаго царя. — Изъ деритскихъ студентовъ отправляются болье двухсоть волонтеровъ, въ томъ числъ и я. — Вильна. — Гродно. — Впервые я вижу тамошнихъ евреевъ. — Бълостокъ. Сборная команда. — Первый солдатскій походъ. — Съдльцы. — О томъ, какимъ образомъ, опредълившись въ 1-й Морской Невскій пъхотный полкъ, я попадаю въ Стародубскій кирасирскій. — Ротмистры Авг. Ром. фонъ Дрейлингъ и братья Вачеславъ и Авксентій Петровичи Манассеины. — Полковникъ Густ. Өед. Пиларъ фонъ Пилькау и адъютантъ Рагозинъ. — Корнетъ Александръ Готовцевъ. — Духъ нашего полка. — Препровожденіе времени на бивуакахъ и стоянкахъ. — Фуражировки съ музыкою. — Библіотека въ разграбленномъ замкъ графа Острожскаго. — Частные эпизоды: ночная поъздка въ корпусный птабъ за приказаніемъ. — Корпусный командиръ и баритонъ съ физіономіею барышни.

XXII.

1831. Атака подъ Нурами. — Остроленко. — Мы проходимъ мимо гвардейскаго корпуса. — Смерть фельдмаршала графа Дибича. — Графъ Толль. — Стоянка близъ Пултуска. — Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ. — Переправа чрезъ Вислу, близъ Плоцка. — Какъ по случаю рожденія Великаго князя Николаевича вся армія, обступивъ Варшаву со всѣхъ сторонъ, троевратно дружно прокричала "ура!" при пальбъ изъ всѣхъ собравшихся орудій и тъмъ зѣло напугала мятежинковъ — Штурмованіе укрѣпленій предмѣстья Волы и самаго города. — Бомба, упавшая предъ самымъ нашимъ фронтомъ на песчаный грунтъ, изволитъ съ полминуты вертѣться при блескъ горѣвшаго фитиля. — Изгнаніе послѣдняго ворпуса мятежниковъ въ Пруссію. — Конецъ войны. — Кантонирквартиры близъ Силезской границы. — Полковой штабъ находится въ г. Уніевѣ, и наше полковое общество даетъ тамъ же балы окрестнымъ помѣщикамъ.

XXIII.

1832—1835. Возвращеніе въ Россію на поселенія. — Ловичь. — Последняя наша съ корнетомъ Готовцевымъ шалость въ "милой Польше". — Покодъ чрезъ Вольнь и Кіевскую губернію до Абрамовки (или Новаго Стародуба) Херсонской губерніи. — Физіономія поселеній. — Новый полковой командиръ, полковникъ Рейтернъ и супруга его. — Служба и служебным отношенія въ мирное время. — Скука: душа рвется на просторъ, въ міръ мысли и поэзіи. — Отставка. — Херсонъ, Николаевъ, Одесса, Алупка. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Свиданіе съ бывшими сослуживцами въ Александріи. — Балъ, данный въ Харьковъ тамошнимъ дворанствомъ маститому старцу-фельдмаршалу свътлъйшему князю Витгенштейну. — Москва — Петербургъ. — Прощеніе блуднаго сына ради св. Георгія.

XXIV.

1835. Оперы: "Фенедла" на нъмецкой сценъ (г. Голдандъ и Г-жа Дюръ); "Робертъ" на русской сценъ (г-жи Шелихова и Степанова 1-я; гг. Шемаевъ, Самойловъ и Петровъ). — Заслуги К. К. Кавоса. — Уроки музыкальной теоріи у Л. И. Фукса. — Минеральныя воды въ Новой деревнъ: Измеръ. — Оригиналъ Сав. Сав. Яковлевъ. — Знакомство и дружба съ П. П. Ершовымъ и О. К. Гунке. — О. Ив. Сенковскій. — Моя фантастическая повъсть "Любовь музыкальнаго учителя", написанная подъ псевдонимомъ "Карло Карлини", печатается въ "Библіотекъ для чтенія". — К. Рихтеръ издаетъ мой романсъ "Вечерній звонъ" на слова А. Козлова. — Энциклопедическій словарь А. Плюшара. — Князь Влад. Өеод. Одоевскій. — Мнъ удается хоть разокъ взглянуть на великаго Пушкина. — Л. И. Фуксъ представляетъ меня графу Мих. Юр. Віельгорскому.

XXV.

1836. Концерты: Леоп. фонъ Майеръ. — Струнный квартеть братьевъ Мюллеръ (старшихъ). — Софія Бореръ. — Знакомство съ секретаремъ театральной дирекціи Н. П. Мундтъ. — Братъ его Ал. П. Мундтъ пишетъ для меня либретто оперы "Цыганка". — Старшій капельмейстеръ К. К. Кавосъ. — Артиллеріи поручикъ Вл. Гр. Бенедиктовъ. — Воспитанникъ высшаго класса академіи художествъ (впослъдствіи академивъ) П. П. Съмечкинъ. — Артисты русской оперы: О. А. Петровъ, В. В. Самойловъ, Смирновъ, Леоновъ (Léon Charpentier), А. Я. Воробьева, М. И. Степанова и др.

XXVI.

1836. Кавосъ знакомить меня съ М. И. Глинкою. — Репетиціи оперы "Жизнь за Царя". — Благородство Кавоса въ отношеніи этой оперы. — Первое представленіе ея. — Общее впечатлівніе. — Странные отзывы италіомановь и дилеттантовь. — Я иногда хожу къ Глинкв. — Куріозный случай. — 1837. Въсть о смерти Пушкина поражаеть всіхъ. — Имя Лермонтова выступаеть. — Пріїздъ Ад. Гензельта. — Въ маїз місяція я даю первый свой концерть, въ которомъ исполняются нумера изъ моей оперы "Цыганка". — Картина К. Брюллова "Послідній день Помпеи" и впечатлівніе, произведенное ею на меня.

XXVII.

1837—39. Отправляюсь жениться въ Тамбовскую губернію. — Въ Тамбовъ представляюсь преосвященнъйшему Арсенію (впослъдствіи бывшему Кіевскимъ митрополитомъ). — Переписка съ нимъ. — Въ деревнъ я снова интересуюсь народными пъснями. — Нашъ садовникъ Савельичъ, старивъ лътъ 60-ти, поетъ мнъ пъсни, "какъ онъ пъвались встарину, а не по-нонъшнему". — Настоящіе деревенскіе хороводы и настоящая великорусская (а не казацкая) пляска. — Музыкальное семейство сосъда-помъщика: С. Абр. Баратынскій и жена его Софья Михаиловна (бывшая вдова барона

Дельвига). — С.-Петербургское Филармоническое Общество чрезъ газеты приглашаетъ "природныхъ русскихъ" композиторовъ на конкурсъ по написаню музыки на текстъ баллады В. А. Жуковскаго: "Свътлана".

XXVIII.

1838. Побздка всёмъ семействомъ на богомолье въ Воронежъ и Задонскъ. — Какъ встарину снаряжались въ дорогу "на долгихъ". — Составъ каравана. — Путь до Воронежа по прямой линіи проселочными дорогами. — Воронежъ. — Соборъ и площадь передъ нимъ съ нарочитыми лавками, въ воторыхъ богомольцы могли пріобрести себе иконы св. Митрофанія, медальоны, на коихъ вычеканенъ ликъ его, освященныя головныя повязки и ленты и т. п. — Задонскій монастырь. — Бесёда съ о. архимандритомъ. — Услужливость усердныхъ монаховъ. — Возвращеніе въ с. Хилково чревъ Липецкъ и Тамбовъ.

XXIX.

1837—1839. Какъ живали "ваши" дѣды. — Очеркъ тогдашняго веселаго помъщичьяго быта и житья.

XXX.

1839—1840. Возвращеніе въ Петербургъ. — Первый изъ всёхъ визитовъ отдаю М. И. Глинкъ, — случайно въ тотъ самый день, когда онъ разъёхался съ женою. — Рышеніе по конкурсу — Нёмды присвоивають себё право судить о значеніи слова "природный русскій". — Русскіе литераторы заступаются за меня. — Государь Императоръ рышаетъ этотъ вопросъ въ мою пользу. — Я отказываюсь отъ матеріальной награды и гг. нёмцы довольны. — Знакомство съ О. А. Кони, который предлагаетъ издать мою "Свётлану" въ видѣ приложенія къ вновь учреждаемому имъ журналу: "Пантеонъ русскаго театра". — 1840. Появленіе 1-й книжки Пантеона празднуется торжественнымъ объдомъ у Кони. — Издатель Пантеона В. Поляковъ. — Столкновеніе Вис Гр. Бёлинскаго съ Вас. Андр. Каратыгинымъ и О. В. Вулгариномъ по поводу исполненія роли "Гамлета" московскимъ трагикомъ Мочаловымъ. — Г. Печковскій.

XXXI.

1840—1854. Литературныя вечера у внязя Вл. Осод Одоевскаго. — Я сближаюсь съ Бълинскимъ. — Его совъты. — Ив. П. Мятлевъ впервые читаетъ (изъ рукописи) только что оконченныя имъ "Путевыя впечатлънія мадамъ де Курдюковой". — Итальянскій импровизаторъ Giustiniani. — В. А. Жуковскій. — Князь П. А. Вяземскій. — А. А. Плетневъ. — Я возобновляю знакомство съ университетскимъ товарищемъ графомъ В. Ал. Соллогубомъ. — Евг. Пав. Гребенка. — Сближаюсь съ О. М. Толстымъ (Ростиславъ). — У Бълинскаго встръчаю А. В. Кольцова. — Духъ вечеровъ у князя Одоевскаго измъняется.

XXXII.

1840—1842. Дружусь съ Кони и бываю часто у него. — Встръчаю у Кони, въ мужской одеждъ, Над. Андр. Дурову, "дъвицу-кавалериста". — Знакомство и дружба съ поэтомъ-композиторомъ Дм. А. Струйскимъ, а чрезъ

мего съ бароновъ Е. К. Рессиянь и съ комноситоронъ А. С. Даргониксиянъ. — Молодые писатели: Н. А. Манрасовъ, Н. И. Сумковъ и Григоровичъ. — Эписоды съ Некрасовынъ. — Н. В. Мумальникъ.

XXXIIL

1840-1843. Михаиль Ивановичь Глинка.

XXXIV.

1841-1865. Александръ Сергвевичъ Даргоныжскій.

XXXV.

1841. Торжественный въйздъ августъйней невисты Государя Великаго Килзи Цесаревича Александра Николаевича. — 1841—1850. Гавр. Іоак: Ломанивъ. — "Великій композиторъ" и "amico di Rossini" Лазаревъ.

XXXVI.

1840—50. Два выдающихся типа высшаго нашего интеллигентнаго общества: графъ Михаилъ Юрьевичъ Вісльгорскій; наммергеръ Павелъ Ивановичъ Дубенскій.

XXXVII.

1842-1860. Алексий Осодоровичь Львовь.

XXXVIII.

1843—1854. Звізды мівческаго некусства. — Графиня Росси (Генріетта Зонтагь). — Сабина Гейнефеттеръ; Джудитта Паста; Марія Фреццолини; Р. Персіани-Тавкинарди; Маріетта Альбони; Джулія Гризи; Анна де ля Гранжъ; Паулина Віардо-Гарціа; Джанъ-Балтиста Рубини; Антоніо Тамбурини; Люиджи Лябляшъ; Друзеппе Маріо (графъ ди Кандіа); Кальцоляри; Сальви; Эрнестъ Тамберликъ; Ронкони; Карлъ Формесъ и др. — Вновь поставленныя оперы.

XXXIX.

1848-1888. Францъ Листь.

XL.

1840 1858. Русская опера послѣ смерти К. К. Кавоса. — Новыя оперы 1842. "Русланъ и Людмила" М. И. Глинки; 1845. "Ольга, дочь изгнанника" М. И. Бернарда; "Параша сибирячка" Дм. А. Струйскаго; 1847. "Эсмеральда" А. С. Даргомыжскаго; 1854. "Дмитрій Донской" Ант. Гр. Рубинштейна; 1855. "Өомка дурачокъ" его же. 1856. "Русалка" А. С. Даргомыжскаго; 1857. "Ундина" А. Ө. Львова; 1858. "Староста или встрѣча незванныхъ гостей" его же.

XLI.

1835—1858. Состояніе музыкальной критики въ петербургскихъ газетахъ и журналахъ. — Музыкально-теоретическая литература въ Россіи. — Публика.

XLU.

1849—1852. Венгерская кампанія.— Душное состояніе общаго настроенія. — Двадцатицятильтіе царствованія Росударя Императора Николая Павловича. — Я имъю счастіе поднести Бто Величеству свою драматическую поэму "Августь" — Посл'ядствія этого поднесенія. — Вл. Ив. Панаєвъ (русскій Гесснеръ).

XIIII.

1854—1855. Турецко-авгло-французская война. — Сниопокое сраженіе. — Австрійская благодарность. — Перевороть военной фортуны. — Кончина Государя Императора Николая Павловича. — Знаменитый англійскій "герой" сэръ Черльсь Неппиръ и финляндскіе крестьяне. — Севастоноль.

XLIV.

1856—1858. Новое литературное внакомство: Л. А. Мей; Н. Ө. Щербина; Ал. Н. Майковъ; В. Ст. Курочкинъ. — Первая моя ученица по пънію — П. А. Лоди. — Исполненіе (безъ сценическаго представленія) 1-го дъйствія моей оперы: "Послъдній день Помпен", въ залъ графа А. Гр. Кушелева-Везбородко. — Г. Минкусъ. — Маститый фортепіанистъ Генр. Герцъ. — Восхожденіе "неваго свътила": А. Н. Съровъ.

XLV.

1858—1860. Опять Тамбовскія степи. — Изученіе настоящаго строя и лада нашихъ народныхъ пісенъ. — Пойздка въ Царицынъ, а оттуда медленнымъ рейсомъ до Нижняго Новгорода. — Приволжскіе крестьяне. — Нижній Новгородъ. — Ярославдь. — Москва.

XLVI.

1860—1862. Н. Гр. Рубивштейнъ. — Князь Юр. А. Оболенскій. — Русское музыкальное Общество. — Антонъ Дооръ. — Профессоръ математики Н. Зерновъ. — Я читаю публичныя лекціи въ актовой заль университета. — А. А. Рахмановъ. — Директоръ Московскихъ театровъ Леон. Оеод. Львовъ. — М. Н. Катковъ и Леонтьевъ. — Мое участіе въ "Московскихъ Въдомостяхъ, и въ "Приложеніяхъ" къ нимъ.

XLVII.

1860—1862. Школа моего брата Ивана для глухо-нёмых дётей. — Эксперименты наши относительно пріученія ихъ къ правильному, ясному выговору посредствомъ указанія на механизмъ органовъ рёчи. — Попечитель Московскаго учебнаго округа, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Н. В. Исаковъ. — Съ его согласія я представляю проектъ основанія въ Москвё музыкальной академіи въ двухъ отдёлахъ (мужской и женскій отдёлы) Министръ отказываеть, такъ какъ, по его мнёнію, "отъ общаго для обоего пола учебнаго заведенія угрожаеть опасность моральному состоянію учащихся". — Въ 1862-мъ же году департаменть исполнительной полиціи разрёшаеть Русскому музыкальному Обществу учредить музыкаль-

ныя консерваторіи и школы безъ всякаго разд'яленія по полу. — Любоныт ная исторія моей увертюры къ драм'я Пушкина "Борисъ Годувовъ". — Віолончелисть Карлъ Шуберть (въ Петербургѣ).

XLVIII.

1862—1863. Петербургъ. — Итальянская опера. — Г-жи Барбо и НавтъеДидье, гг. Тамберликъ, Граціани, Эверарди, Де-Бассини и др. — П. П. Усовъ,
новый редакторъ газеты "Съверная Пчела" приглашаетъ меня въ музъкальные вритики. — Въ частной залъ г. Новосильцова я читаю четыре
лекціи объ исторіи музыки. — Русская опера. Изъ стараго состава остался
только О. А. Петровъ. — Въ промежуточную эпоху выдвигались Д. М. Леонова и basso profundo Васильевъ 1-й. — Изъ новыхъ были г-жа. Біанки и
Гг. Сътовъ, Никольскій и Саріотти. — Новыя оперы: "Чародъй" князя
Вяземскаго; "Мазепа" Барона Шеля-Фитинггофа; "Кроатка" Дютша; "Наташа" К. П. Вильбоа, и наконецъ "Юдиеь" А. Н. Сърова. — А. Н. Съровь,
какъ типъ своеобразный. — Концертъ Рихарда Вагнера. — Я уъзжаю за
границу.

XLIX.

1870—1871. Возвращеніе въ Петербургъ. — Побужденія въ сему возвращенію раньше чёмъ я намёревался. — Я имёю счастіе представиться Великой Княгинё Елене Павловне. — Телеграмма Московской Консерваторіи. Последствія. — Я пріёзжаю въ Москву. — Мировыя условія. — 1871. Загадочное поведеніе гг. директора и профессоровъ Консерваторіи. — Я смёло разсёваю гордієвъ узель. — Профессоръ консерваторіи, протоієрей о. Дм. Вас. Разумовскій. — Издатель-редакторъ журнала "Православное Обозрёніе" о. П. А. Преображенскій.

T.

1873—1875. Отврытіе мною самостоятельных "музывальных классовь", въ невольномъ присутствіи представителей Консерваторіи. — Любопытные факты доброжелательства гг. моихъ собратьевъ по Аполлону: "Тысяча и одна милая штучка", не арабскія, а московскія "волшебныя" свазки.

Къ третьему выпуску будетъ приложенъ портретъ автора.

Содержаніе перваго выпусна.

OTABOR:

e Bary LII Sci

B1 175
10 985
32 0632
[M.2]
| Diam
| Example | Diam
| Diam
| Example | Diam

Ctpus Ead à

10 Be 10 Pa 1. Se

eper Hist

ę

L	
Вступленіе. — Преданіе о нашемъ родоначальникъ. — Мой ваглядъ на предвовъ. — Объ отцъ и братьяхъ моихъ. — Нъсколько словъ обо мнъ	1
II.	
1813. Общая паника, напавшая на петербургских жителей. — "Французы идуть!" — Обдуманность плана завлеченія непріятельской армін во внутрь нашей земли, и кому принадлежить основная мысль этого плана. — Планные французы. "Наша француза" М-г Grrrosjean 3	3
ш.	
1815. Возвращеніе гвардейскихъ полковъ въ Петербургъ. — Тамбуръ- мажоры и пъсельники. Запъвало Измайловскаго полка 5	5
IV.	
1815—1818. Петербургскіе петиметры и мюскадены.— Описаніе гар- дероба и принадлежностей франтовъ того времени 8	3
V.	
1816—1818. Старый Павловскъ. — Императрица-мать Марія Павловна и ея дворъ. — Поцълуй отъ Царицы и березовая кашица отъ моей бабушки	2
VI.	
1816—1818. Какъ Петербургъ веселился. — Обычное распредѣленіе дня въ "хорошемъ" обществѣ. — Торжественный обѣдъ въ день рожденія отпа. — Jours fixes. — Балы. — Балы-маскарады. — Публичныя гулянья. — Оригиналъ бывшій комендантъ Башуцкій	3
VII.	
1816—1818. Состояніе музыкальнаго искусства въ Петербургъ. — Филармоническое Общество. — Тогдашній салонный репертуаръ. — Серьезной музыкою занимались въ немногихъ только домахъ. — Лучшіе фортепіанные учителя: Фильдъ, Арнольдъ, Мюллеръ. — Прітадъ	

знаменитаго Гуммеля. — Ивніємъ много и охотно занимались. — Лучшіє преподаватели півнескаго искусства: г-жа Липденштейнь, гг. Зат-

воспоминанія юрія / забда.

·			
пенгофенъ, К. К. Кавосъ и Джуліани. — На русской сценъ лучшій пъвецъ В. Самойловъ (отецъ трагика). — Репертуаръ тогдашнихъ оперъ. — Любимъйшіе композиторы романсовъ. — Церковное пѣніе. — Частный хоръ богача Дубенскаго и пресловутый солисть "Фрицъ"	21		
VIII.			
1819. Отецъ отправляетъ брата моего (Александра) и меня въ институтъ Д-ра Карла Лангъ близъ Дрездена. — О педагогическихъ принципахъ Песталоцци и Базедова. — Отправленіе насъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблъ. — Ураганъ. — Штетинъ. — Дилижансы того времени. — Дрезденъ. Г. коммерціи-совътникъ "Юлій Цезарь"	27		
IX.			
1819—1822. Ваккорбатсрускій пансіонъ. — Пробужденіе бараба- номъ. — "Онкель" Буккъ. — Туалетъ. — Завтракъ. — Классныя за- нятія. — Объдъ. — Препровожденіе времени послѣ объда. — "Vesper- brodt". — Музыкальные урови, гимнастика, фектованіе, домашній театръ. Ужинъ и отправленіе въ дортуары. Легкость, съ какою дости- гались успѣхи въ научныхъ занятіяхъ. — Личностъ и характеръ ди- ректора Д-ра К. Лангъ. — Д-ръ Карлъ Фогель.	35		
X.			
1820. Ежегоднія пізшеходныя экскурсіи пансіона. — Педагогическая цізьь, польза и планъ ихъ. — Наше путевое снаряженіе. — Первая моя экскурсія: Лейпцигъ чрезъ 7 літь послів великаго всенароднаго сраженія. — Чернильный силуэть Вельзевула въ Вартбургь. — Гарцъ. — Подражаніе версальскимъ роскошнымъ диковинамъ въ літней резиденціи миніатюрнаго монарха. — Замокъ Губертсбургь и историческое его значеніе.	41		
XI.			
1821. Вторая экскурсія. — Савсонская Швейцарія и характеръ ся. — Дъвственная дикость богемскихъ льсовъ. — Марія-Кульмъ. — Памятникъ въ честь русскихъ вонновъ, павшихъ здъсь въ 1813 мъ году. — Городъ Теплицъ. — Русскій богачъ Н. Н. Демидовъ и "придворный" его штатъ. — Первъйшая въ міръ камера-обскура. — Г. Прага. — Плаваніе обратно до Дрездена по Эльбъ.	47		
XII,			
1822. Возвращеніе въ Петербургь. — Дюны Куришгаффа. — Крестовскій островъ того времени. — Каменный и Елагинскій острова. — Дача М. А. Нарышкиной. — Охотничья роговая музыка	54		
XIII.			

1822. Тихая, примърная семейная жизнь Великаго Князя Николая Павловича и августъйшей его супруги въ Елагинскомъ дворцъ. — Лът-

нія празднества Императорскаго	двора на Каменпомъ островъ и по
Средней и Малой Невкъ. — Обер	ръ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ. —
Краткое мое пребывание въ Горн	юмъ Корпусъ. — Мой фортепіанный
	айно я нывю счастіе попасть на глаза
	gy

61

XIV.

68

XV.

8

XVI.

1826—27. "Секунда". Духъ старшихъ классовъ. Причины непріязненнаго ко мив отношенія товарищей. — Отецъ мой перевзжаеть въ Дерпть со всёмъ семействомъ. — Приманеры и секунданеры произносять ночью "регеаt" моему отцу. — Последствія этого; коварство одного товарища. Личное мив оскорбленіе и последствіе онаго. Я получаю требуемую сатисфакцію, но оттого долженъ бороться съ враждою двухъ классовъ въ теченіе нолутора года. — Первая моя дуэль. — Я оставляю гимназію и приготовляюсь къ университетскому экзамену частными уроками. — Въ августв 1827-го года поступаю въ университетъ.

97

XVII.

1826-27. Общественная жизнь. - Черноморскаго флота мичманъ. впоследстви докторъ медицины Вл. И. Даль. — Домашніе наши концерты. - Девица Леонтина Тунъ. - Скрипачъ, студентъ медицины, Юлій Давидгофъ (Давидовъ). — Спектакли. — Баронъ Александръ фонъ Унгернъ-Штернбергь (прославившійся потомъ какъ выдававшійся писатель немецкихъ романовъ и повестей). - Лекторъ немецкаго языка при университеть Эд. Раупахъ. — Студентъ медицины Н. Б. Анке. — "Представленіе великановъ". — Публичные концерты. — Академическая "мусса" (клубъ). — Прітажія знаменитости: птвица Мара (нткогда примадонна берлинской оперы при Фридрих Великомъ). - "Маркизъ де Контски" и его пять "дивъ музыкальнаго искусства". — Любитель-фортепіанисть баронь Пауль фонъ Вульфъ. — Квартеть ратгофскаго помъщика Карла фонъ Липгардтъ: Фердинандъ Давидъ; Чипріяно Ром-

XVIII.

Императоръ Николай Павловичь всемилостивъйше жалуеть моего отца ежегодной стипендіею для университетского моего образованія.— Мои родители возвращаются въ Петербурдъ. — Тогдашнее устройство надзора за студентами. Академическій сенать. — Rector magnificus. — Университетскій синдивъ. — Значевіе попечителя. — Университетская полиція. — Отношенія между педелями и студентами. — Студентскія шалости. - Любовь и уважение университетной молодежи въ ревторамъ: Густаву фонъ Эверсь и Фридриху Парротъ. -- Духъ деритскаго студенчества. — Ландсманшафты (землячества) и благотворное вліяніе ихъ уставовъ на духъ тогдашней молодежи. - Значеніе и форма тогдашнихъ студентскихъ дуэлей. -- Почему въ Лерштъ не развилось бретёрство. 127

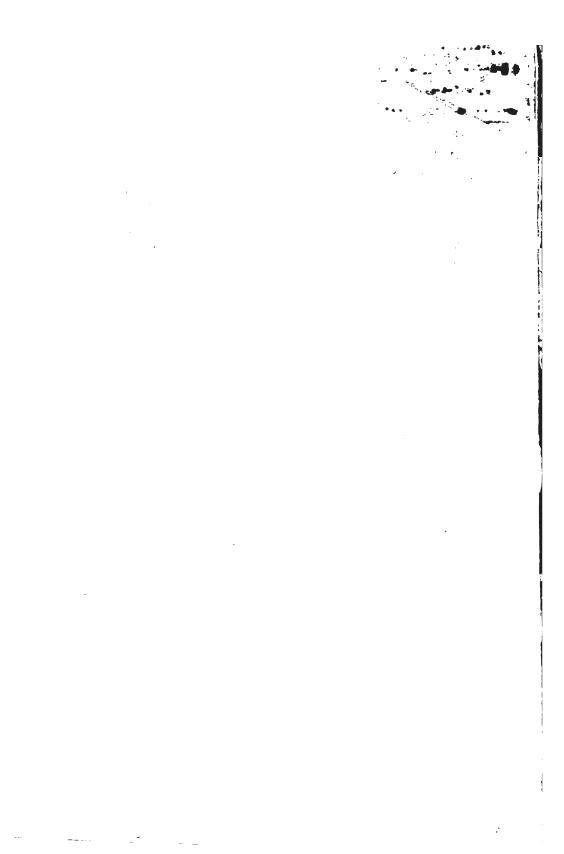
XIX.

Русское землячество "Ruthenia" и вообще русская колонія. — Карловскій пом'єщикъ О. В. Булгаринъ и его другь и покровитель Н. И. Гречъ. — Основатели Рутенін. — Н. М. Языковъ. — Мои сверстники Порошинъ и графъ Вл. А. Соллогубъ. — "Профессорскій институть".— Медики: Н. Пигоровъ и Иноземпевъ; юристы: Ръдкинъ и Ивановскій: историкъ Мих. Куторга и естественникъ Степанъ Куторга; математики и астрономы Остроградскій и Филомафицкій. — Вольные слушатели: А. П. Загорскій, баронъ Ник. Штиглицъ и Геймбюргеръ. — Профессоръ русской словесности Перевощиковъ и его семейство. - Характеристика Булгарина и о томъ какъ проучили его дерптскіе студенты...... 143-

XX.

1827—1830. Обывновенная домашняя обстановка студентской жизни.— Типы прислугъ: "лёффель" и "бэзенъ". — Отношеніе можду ховяевами-филистерами и ихъ квартирантами-буршами. — Балы мъщанской

1829. Общее восторженное волнение всехъ слоевъ деритского общества по случаю трехдневнаго пребыванія въ Дерптв Государя Императора и Государыни Императрицы. — Почетный карауль изъ студентовъ. — Празднества. - Во время рождественскихъ вакацій 1830 г., которыя я, по обыкновеню, проводиль въ Петербургъ у своихъ родителей, графъ Канкринъ, имъя, по поводу царской стипендіи, нъчто въ родъ попечительства надо мною, исходатайствоваль мнъ счастіе быть представленнымъ Государю Императору...... 153

I.

Дерзаю на подвигъ повъствователя о "дълахъ давно минувшихъ дней". Стану "разсказывать не мудрствуя лукаво, все то, чему свидътель въ жизни былъ".

О себъ, въ качествъ музыкальнаго дъятеля, намъренъ я говорить, когда это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, по какимъ и при какихъ имълъ я случай быть свидътелемъ того, либо другаго происшествія, говорить съ тою, либо съ другою личностью. Но вообще, когда будетъ ръчь обо мнъ, какъ о дъйствующемъ лицъ, то всегда я окажусь лишь представителемъ того круга, къ которому я принадлежалъ и чьи обычаи и впечатлънія, слъдовательно, я раздълялъ.

Отъ покойнаго отца моего слышаль я про нашихъ предковъ, что родоначальникомъ Арнольдовъ быль одинъ изъ младшихъ сыновей (ихъ было 32 человъка!), которыхъ графъ Бабонз Арко, потомокъ Арнульфа или Арнольда Каринтійскаго, жившій въ Х мъ въкъ прижилъ съ своей единственной супругою Юдифью. Почему отецъ мой оставилъ свое отечество и, имъвъ немалый для того времени достатокъ, переселился въ Россію, гдъ тотчасъ вступилъ въ русское подданство, онъ намъ никогда не объяснялъ. Знаю я, однакоже, что въ ранней своей молодости онъ принадлежалъ къ тайному обществу "Розенкрейцеровъ", какъ и позже онъ состоялъ членомъ въ Петербургъ франкмасонской ложи "Востокъ". Матушка моя была дочь объднъвщаго внука славнаго петровскаго генерала Броуна. Впрочемъ думаю, что лично я

Предкамъ ничёмъ не обязанъ. Русскою сказкой вскормленъ я, Русскою пёснью взлелёянъ; Русскому Богу молившись, Русскою жизнью я выросъ.

А потому считаю настоящимъ родоначальникомъ своимъ отца моего, умершаго въ 1843-мъ году ст. совътника Карда Ивавоспоминания юрия арнольда. новича Арнольда, сочинителя многихъ книгъ и брошюръ (на русскомъ языкъ) о государственной финансовой наукъ. Онъже былъ основателемъ и первымъ директоромъ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. Въ 1811 г. министръ финансовъ графъ Гурьевъ вызвалъ его изъ Москвы въ Петербургъ для преобразованія системы счетоводства въдепартаментахъ этого министерства. Онъ болъе 20 лътъ состоялъ также начальникомъ счетнаго отдъленія Императорской Придворной Конторы; а позже ему было поручено преобразовать порядокъ счетоводства и въ министерствахъ Военномъ и Государственныхъ Имуществъ.

Старшій братъ мой, недавно умершій 86-ти лътъ, Иванъ Карловичъ Арнольдъ, уроженецъ Москвы, самъ со второго года жизни глухой, былъ основателемъ и первымъ директоромъ до сихъ поръ процвътающаго "Арнольдовскаго" училища для глухо-нъмыхъ дътей въ Москвъ. Меньшій братъ Өедоръ Карловичъ Арнольдъ (нынъ тайный совътникъ, членъ совъта Министерства Государственныхъ Имуществъ) ознаменовалъ себя какъ одинъ изъ ученъйшихъ писателей о лъсоводствъ и сельскомъ хозяйствъ. Его общирный трудъ "Русскій Люсъ" признанъ образцовымъ по этой части произведеніемъ.

Отецъ мой пріучилъ насъ, всею душою любить "мать-русскую землю" и гордиться именемъ ея сыновей, и эту любовь то мы свято передали своимъ дътямъ.

Родился я 1-го ноября 1811-го года, мъсяцевъ черезъ пять послъ переселенія моей матушки изъ Москвы въ Петербургъ. Тълесное и умственное мое развитіе началось весьма рано: бъгалъ я (какъ мнъ говорили позже) уже по 7-му мъсяцу, а говорить началъ, когда и полнаго года мнъ еще не было. Съ самаго ранняго дътства родители и тетушки заботились о томъ, чтобы мы дъти произносили каждое слово чисто и внятно. Отецъ мой хотя и былъ родомъ изъ нъмцевъ, но домъ нашъ содержался на русскій ладъ, и у насъ была кръпостная прислуга изъ великорусскихъ губерній. Матушка кормила меня сама; но приставлены были ко мнъ еще няня и маленькая дъвочка "подъ-няня", должность которой состояла въ томъ, чтобы забавлять ребенка. Оть этихъ двухъ личныхъ моихъ слугъ услышалъ я впервые разныя русскія простонародныя сказки и пъсни, и на нихъ-то и выросъ.

II.

Первыя мои воспоминанія относятся къ набъту на Россію "двунадесяти языковъ". Должно быть, выступленіе французской армін изъ Москвы навело большую панику на петербургское населеніе. Помню, что сестра и брать (первая на 5, другой на 4 года старше меня) толковали съ няньками о французахъ, которые идуть на Петербургъ; что они нехристи, питаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ маленькихъ дътей. Послъднее, конечно, ужасало меня болъе всего, и я боялся французовъ пуще знакомой мнв изъ сказокъ Бабы Яги-Костяной-Ноги. Сестра и брать ръшили, что, когда наступять французы, то намъ дътямъ слъдуетъ попрятаться въ большой гардеробный шкафъ мамаши. Вотъ, однажды, выпорхнувъ изъ классной, они прибъжали въ главную мою квартиру, т.-е. въ малую нашу дътскую, съ неистовымъ крикомъ: "Французы идуть! Французы идуть!" Я затрясся и заплакаль. "Пойдемъ, мы запрячемъ тебя", сказали они, схватили подъ руки, потащили въ мамашину гардеробную и сунули меня въ шкафъ, который заперли на влючъ. "Смотри, нишкни! Чтобы франдузы тебя не услышали!" а сами убъжали. Сначала я и впрямь сидълъ тихо, все прислушиваясь; но затъмъ надожло, конечно, да и царившая кругомъ тишина стала пугать меня. Кончилось тымь, что я заораль благимь матомь, пока не пришла сама матушка высвободить меня изъ неволи.

Упомяну кстати, что завлеченіе непріятельской арміи внутрь нашей земли, ради неминуемой погибели, было послѣдствіем предвантаго, зрѣло обдуманнаго плана. Непріятель, въ полномъ смыслѣ, быль вынужеденз держать путь по тракту, указанному ему медленно и стройно отступавшею главною армією нашей; ибо побѣда графа Витгенштейна на сѣверѣ и безпрестанные набѣги нашихъ храбрыхъ партизановъ (Дениса Давыдова, Фигнера и др.) не давали французамъ свернуть съ предписанной линіи, а Смоленскъ, и въ особенности Бородию, были свидѣтелями скорѣе побѣдъ, чѣмъ пораженій русскаго воинства. Въ то время, конечно, я обо всемъ этомъ ровно ничего не слыхалъ. Чрезвычайно интереснымъ, однакоже, оказалось гораздо позже случайное открытіе, показывающее, что перво-

начальная мысль этого грандіознаго, по всёмъ правиламъ высшей стратегіи выполненнаго отступленія принадлежала Бернадоту.

Въ 1841 году служилъ и помощникомъ столоначальника въ архивъ Министерства Иностранныхъ Дълъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801 по 1820 годъ. Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностранными государями и правителями государствъ. Къ последнимъ принадлежаль въ то время, въ 1810 году королемъ и народомъ шведскимъ избранный наслъдный принцъ, Карлъ Іоаннъ князь Понте Корвскій и Неоштательскій, бывшій маршаль Бернадотъ. Россіи, предвидъвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ со Швеціею, или, по крайней мъръ ея нейтралитетомъ, вследствіе чего и возникла тайная корреспонденція между нашимъ царемъ и правителемъ Швеціи. Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру Павловичу на обычную любимую манеру Наполеона, быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практическій совътъ, чтобы русская армія, избъгая по возможности генерального сраженія, вовлекла непріятеля въ самое сердце Россіи, а затъмъ, нападая на него со всъхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ.

Изгнавъ дерзкаго галла за предълы своей земли, Русь выказала обычную великую черту своего характера: она позаботилась о плънныхъ непріятеляхъ, которыхъ насчитывались десятки тысячъ. Ръдкій былъ тогда домъ, въ которомъ не встръчался бы плънный французъ: имъть у себя "своего" француза, это установилось тогда само собою для каждаго "порядочнаго дома". И у насъ, слъдовательно, оказался "свой" французъ, котораго возвели въ должность "m-r le gouverneur des fils de la famille". Это былъ красивый брюнеть 40 лътъ въ 23/4 аршина ростомъ и съ длинными кръпко-нафабренными усищами. М-r Grosjean вступилъ въ предълы Россіи подъ звуки любимаго марша своего "Grand Empereur" на мотивъ романса голандской королевы Hortense "Partant pour la Syгіе" и къ тому же во главъ гренадеровъ старой императорсной гвардіи, такъ какъ онъ былъ тамбуръ-мажоромъ полковой музыки. Онъ не всегда былъ главою музыкантовъ и не сразу попалъ въ гвардію. Сначала онъ вступилъ въ одинъ изъ линейныхъ полковъ восточной арміи (régiments de ligne de l'armée de l'Est) подъ командою Дюмурье, потомъ участвовалъ во всъхъ кампаніяхъ Бонапарта: въ Египтъ, въ Италіи, противъ австрійцевъ и противъ пруссаковъ.

Grosjean очень любилъ дътей, и я вскоръ сдълался его любимцемъ. Всячески старался онъ меня забавлять, и мы другъ друга научали: онъ меня по-французски, а я его по-русски. Я весьма скоро быль въ состояни объясняться на чиствишемъ парижскомъ жаргонъ, сталъ привътствовать на немъ даже Ma-ame ma mère, M-ssieur mon père, Ma-am-selle ma tante, и восхищался вывств съ M-ssieur Grrrosjean всвми преимуществами d'la Grrrande nation и доблестью d'la vièi-ye garrrde! Само собою разумъется, что я ознакомился со встми подробностями сраженій при Жемапъ, подъ пирамидами, при Маренго, Прейсишъ-Эйлау и Аустерлицъ; выучился пъть: "Vive Henri quatre", "Au clair de la lune", "la Belle Gabrielle", "Malbrough s'en va-t-en guerre" и т. п.; да зналъ всъ сорты барабанныхъ "appels", которые мой "gouverneur" ведиколъпно выбиваль на детскомь барабанчикь. Grosjean попаль въ число вымъненныхъ плънныхъ и отправился на родину; я горько плакаль, разставаясь съ нимъ. Новый мой дядька, крипостной портной Василій, никоимъ образомъ не былъ въ состояніи, замънять мнъ веселаго и добраго моего друга, тамбуръ-мажора Grosjean'a.

TIT.

Въ 1815 году возвращавшиеся гвардейские полки были встръчены Петербургомъ со всъми почестями, подобающими освободителямъ Европы. При всеобщемъ громогласномъ ликовани собравшихся на улицахъ сотенъ тысячъ жителей всъхъ сословій и возрастовъ, избранныя войска русскаго царя вступали въ предълы съверной столицы черезъ нарочито-выстроенныя тріумфальныя ворота, которые и понынъ красуются у начала Забалканскаго проспекта. Необозримыми, словно безконечными дентами тянулись по обоимъ краямъ дороги ряды экипажей, среди тъсно суетившихся разнородныхъ и разно-

видныхъ пъшеходовъ. Эта дъйствительно грандіозно-эффектная картина и блестящій видъ гвардейскихъ конныхъ и пъшихъ полковъ, въ красивыхъ мундирахъ, церемоніальнымъ маршемъ дефилировавшихъ подъ звуки то полковой музыки, то барабановъ съ пиккодами, съ великаномъ тамбуръ-мажоромъ во главъ, то голосистыхъ пъсельниковъ, предшествуемыхъ лихимъ запъвалою-молодцомъ, -- вотъ что прежде и болъе всего бросилось мив, 4-хъ детнему мальчину, въ глаза, и что единственно я и помню. И важные тамбуръ-мажоры (напоминавшіе мить далеко улетвинаго друга моего Grosjean'a) и веселые запъвалы: трудно было ръшить, кому слъдовало отдать преимущество, первымъ или вторымъ? Правда, тамбуръ-мажоры, безъ всякаго нарушенія маршеваго движенія, ловко повертывались бокомъ то направо, то налъво, а то и совсъмъ обернувшись лицомъ къ следовавшимъ за нимъ барабанщикамъ, шагали задомъ впередъ, и при этомъ то выдвлывали надъ головою быстръйшее "мулине" своей тяжелой палкой, то, въ тактъ подбрасывая ее высоко-высоко, довили опять на ходу. Съ своей стороны и запъвалы въ грязь лицомъ не ударяли. Весело, съ плутовскимъ смъхомъ, разлитымъ по всему лицу, по временамъ слегка подергивая плечами, заливается истый солдатскій запівало звонкимъ, высокимъ теноркомъ и съ полнымъ, совершенно искреннимъ самодовольствіемъ мітко подчеркиваеть знаменательныйшія слова юмористического текста пысни, неръдко собственной его импровизаціи. Иногда, весь углубившись въ свое дело, выкидываеть онъ удивительныя коленца, добираясь полнозвучной фистулой даже до самыхъ почти предъловъ высокаго сопрано. Но, не однимъ только голосомъ, не одною только мимикою работаеть удалой нашъ запъвало: все тъло его, всъ его члены въ непрерывномъ движении. Одною рукою потрясываеть онъ звонкіе бубны, другою извлекаеть разнородные звуки изъ нихъ: то, обмусливъ слегка большой палецъ, третъ имъ поверхность своего инструмента, и таинственный гуль летить по воздуху; то бойко ударяеть и постукиваетъ по бубнамъ обратною стороною руки, и свътлые барабанные звуки раздаются далеко. А между тъмъ, живо повертываясь гиокимъ твломъ во всв стороны, выдвлываетъ онъ ногами всевозможныя и даже невозможныя балетныя эволюцін, начиная отъ умфреннаго, плавнаго поплясыванія до

самаго вакхическаго плетенія и выбрасыванія кольную настоящаго залихватскаго русскаго трепака. Описывать это недостаеть ярко-картинныхъ выраженій: это непремьно нужно видыть и прочувствовать русской душою; иностранець никогда не пойметь, что именно въ этой удалой пляскы насъ, въ маститой даже старости, такъ горячо хватаеть за сердце.

Въ особенности отличался одинъ запъвало. Это былъ коренастый краснощекій унтеръ-офицеръ, лътъ 35, а можетъ быть и больше, съ Георгіевскимъ крестомъ и со знакомъ прусскаго Чернаго Желъзнаго Креста на груди; знать, лихой нашъ молодецъ кое-что болъе, чъмъ пъсни запъвать умълъ. Я такъ и впился въ него глазенками и ушами. Славно, правда, пъвала нянька Алена Ивановна, лихо отплясывалъ трепака 17-лътній нашъ форейторъ Тимошка; но куда имъ было противъ этого молодца! Оба, вмъстъ взятые, въ подметки ему не годились!

Лътъ черезъ 12 или 13, когда я уже порядочно игралъ на фортепіано, случай привелъ меня познакомиться съ многосторонне образованнымъ, пламеннымъ любителемъ музыки, а въ особенности русскаго народнаго пънія, столь извъстнымъ въ высшемъ кругу Петербурга, маститымъ егермейстеромъ Юшковымъ, который содержалъ весьма хорошій собственный оркестръ изъ кръпостныхъ людей и таковой же хоръ пъвчихъ*). Юшковъ объяснилъ мнъ, что послъ французской кампаніи дъйствительно въ Измайловскомъ полку былъ храбрый унтеръофицеръ, славившійся какъ отмънный запъвало лихихъ солдатскихъ пъсень.

Захватило, однакоже, во время тріумфальнаго шествія гвардейцевъ дътское мое сердце не одно только залихватское пъніе и ловкое солдатское плясаніе, а также и ясно раздававшійся текстъ пъсни, съ извъстнымъ припъвомъ всего хора: "Ахъ, вы съни, мои съни". Въ этой пъсни изображалось, какъ "батька, славный князь Кутузовъ перехитрилъ антихриста, Французскаго Банапарта".

Сколько ни налегаю нынъ на свою память, но, при общей

^{*)} Отъ него-же я впервые слышаль также про славнаго русскаго скрипача екатеренинскихъ временъ, Хандошкина.

еще свъжести ея, все-таки не въ силахъ я припомнить болъе двустишія:

"Тебѣ путь днесь, Банапарте, По Кутузовской-де картѣ!"

Когда мы прівхали домой, собравшійся вечеромъ въ дітской ареопагъ нашъ много и долго трактовалъ о событіи дня. Разсказывали всв вперебявку остававшейся дома мамкі меньшаго брата про все видінное и слышанное. Старшимъ двумъ дітямъ боліве всего понравились пышныя кареты и великолітиные туалеты придворныхъ дамъ, да блескъ генеральскихъ мундировъ; няня восхваляла великолітіе высшаго священства и любовалась кирасирами и гусарами. Дівочкі подъ-нянькі нравились тамбуръ-мажоры, и она дерзнула даже сказать, будто они лучше бывшаго "нашего" француза Grosjean'а, за что я чуть чуть не вціпился въ нее. Наконецъ, однакоже, мы съ форейтеромъ Тимошкою (котораго, ради его искусства плясать, иногда также допускали въ дітскую) рішили, что наилучшимъ во всемъ церемоніальномъ акті оказались пініе и залихватская пляска упомянутаго выше запіввалы.

IV.

Возвращеніе гвардейскаго корпуса чрезвычайно подъйствовало на петербургскіе моды и нравы. Во всякомъ случав число нашихъ мюскаденовъ и петиметровъ необычайно умножилось всявдствіе даннаго гг. военнымъ (начиная съ оберъофицерскихъ чиновъ) разръшенія одъваться въ штатское платье, когда они не на службъ. Нъкоторые изъ гг. генераловъ (въ особенности вто быль помоложе, а молоденькихъ превосходительствъ тогда довольно оказалось) и гвардейцевъ запаслись даже въ Парижъ платьемъ новъйшихъ модъ. Обрадовались тому, конечно, всв портные и сапожники двухъ столицъ, которые въ то время большею частію были изъ нъмцевъ. Адамы Адамычи и Готлибы Готлибычи стали быстро богатъть, а цъны на англійскія сукна, на итальянскій бархать, на манчестерь и на батистъ да вружева голандскія возвысились. Быть петиметромъ "comme il faut" стоило не мало издержевъ. Это я соображаю нынъ изъ воспоминаній о безчисленныхъ костюмахъ моего отца, который, пользовавшись тогда хорошимъ

состояніемъ и изряднымъ жалованьемъ по двумъ служебнымъ мъстамъ, любилъ щеголевато одъваться.

Главнъйшими предметами мюскаденского гардероба были разные фраки, и единственно только они носили почетное названіе: habits. Сертуковъ, въ нынъшнемъ смыслъ этого слова, тогда вовсе не существовало; то, что тогда именовалось surtout, дъйствительно служило для надъванія "сверхъ всего", слъдовательно соотвътствовало нынъшнему пальто. Фраковъ надлежало петиметру имъть не менъе трехъ: одинъ для утренняго выхода по деламъ или съ визитами; это было "habit pour aller en ville". Принятымъ для него цевтомъ, по законамъ моды, считался зеленый, оттънки котораго соображались преимущественно съ возрастомъ: людямъ солиднымъ приличествовало vert foncé de bouteille, болъе молодымъ vert gris, a совствить молоденькие носили vert de pomme. Къ dîner en ville нельзя было иначе явиться какъ во фракъ синяго (indigo) или темно-лазуреваго цевта (azur de Naples). Для баловъ, а равно для траурныхъ церемоній, были обязательны фраки чернаго цвъта; характеристическое различіе между одеждами двухъ этихъ назначеній состояло въ матеріи, употребляемой для подкладки и на отвороты (лацканы): для бальнаго костюма требовался атласъ, для траурнаго шерстяная матерія (mérinos). Исподняго платья (haut de chausses) было два разряда: одно подлиниве, pantalons, доходящее до щиколотокъ, а другое короткое, culotte, оканчивающееся на вершокъ ниже колънъ, гдв на объихъ ногахъ къ наружному боку застегивалось зодотою или серебряною пряжкою, иногда украшенной дорогими каменьями. Culotte всегда шилось изъ плотнаго чернаго атласа: это считалось обязательнымъ для баловъ костюмомъ. Панталоны употреблялись двухъ родовъ: одни, изъ манчестера, носились, когда выходили просто по деламъ; другіе изъ тончайшаго, атласовиднаго чернаго сукна (drap à la française) употреблялись для визитовъ, но допускались также и при одеждъ объденной. Того и другого рода панталоны шились въ обтяжку; ибо между наружными достоинствами петиметра первымъ считалось "avoir la jambe bien faite". При входившихъ же въ моду длинныхъ и широкихъ панталонахъ à la marinière или à la jacobine, это достоинство, конечно, гораздо менње бросалось въ глаза. Къ манчестровымъ панталонамъ надъвались прикры-

вавшіе ихъ снизу bottes à l'anglaise, т.-е. черные, глянцовитые сапоги, около щиколотовъ со множествомъ складовъ, кверху съ отворотами изъ глянцовитой же, но непрашеной кожи, по бокамъ которыхъ болтались сверху до половины сапога подобной же кожи ремни въ полвершка ширины. Къ чернымъ панталонамъ носили узорчатые носки изъ чернаго шелку и мало-выръзанные башмаки съ небольшими пражками изъ золота, серебра или жета (вулканической плавки). Панталоны эти снизу (сверху носковъ, конечно) застегивались на наружной сторонъ каждой ноги тремя пуговичками изъ соотвътственнаго пряжкамъ матеріала. При culotte обували ноги въ длинные шелковые чулки чернаго цвъта къ объду, а на балъ преимущественно бълаго цвъта. Башмаки къ этому костюму были болъе выръзаны, а пряжи большаго формата, исключительно изъ металла, и весьма часто украшались каменьями.

Формою своею фраки не походили уже на придворные кафтаны времени императора Павла Петровича. Фалды сзади, правда, были еще довольно широкія, но заднія пуговицы помъщались немного выше естественной таліи, а начало рукава отдълялось отъ плеча нъсколько возвышавшимся буффомъ (какъ это нынъ дълается на дамскихъ платьяхъ). Суживавшіеся къ концу рукава доходили только до кистей рукъ и застегивались тамъ тремя мелкими пуговицами. Довольно широкій отворотный воротникъ прикрывалъ почти плотно всю заднюю часть шеи; спереди красовались на груди довольно широкіе треугольной формы лацканы. Спереди фракъ доходилъ не ниже діафрагмы, такъ что изъ подъ прямой линіи его обръза виднълся, вершка на три, красивый изъ свътдой шелковой матеріи жилетъ, съ вышитыми на немъ (шелками же, а иногда золотомъ или серебромъ) цвъточками. На цвътныхъ фракахъ употреблялись позолоченныя пуговицы, съ разными на нихъ вычеканными фигурками или арабесками; къ черному же фраку приличествовали только узорчатыя, изъ чернаго шелка, тканныя пуговицы. Но изкоторые крезы умудрялись и туть выказать свое богатство, вставляя въ средину каждой шелковой пуговицы по крупному брильянту.

На руки изъ подъ рукавовъ падали манжеты, а между лацканами изъ подъ жилета торчало, какъ бы раскинутый

въеръ, двойное жабо, прикръпленное дорогою, видною булавкою. Обыкновенно жабо и манжеты были изъ мелко-гофрированнаго тонкаго батиста; при бальномъ же парадномъ костюмъ употреблялись иногда и весьма дорогія кружева.

Но, что всей фигуръ петиметра придавало особенное aplomb и важность, соединялось въ воротникъ рубахи, въ галстукъ и въ прическъ. Основание галстука образовала тоненькая "машинка (инаго выраженія я нынъ прибрать не могу), составленная изъ цълаго ряда безчисленныхъ узкихъ спиралей тончайшей міздной проволоки, покрытаго коленкоромъ и окаймленнаго тонкой козьей или заячьей кожею. Эта машинка, шириною до трехъ вершковъ, весьма аккуратно, но плотно завертывалась въ слабо-накрахмаленный, тщательно выглаженный платокъ изъ тончайшаго батиста, и въ такомъ видъ представляла галстукъ, которымъ имъла украситься шея петиметра. Эта нъсколько массивная повязка прикладывалась серединою своею къ передней части шеи, покрытой широкимъ, кверху торчащимъ, кръпко накрахмаленнымъ и до самыхъ ушей доходящимъ батистовымъ же воротникомъ рубахи, и, обвивъ довольно плотно всю шею, завязывалась спереди въ видъ широкаго банта, концы котораго украшались иногда весьма искусною вышивкою. Такимъ образомъ голова, волею-неволею, принимала почти ненарушимую, важную позу, а лицо получало видъ полноты и цвътущаго здоровья. Прическа à la Titus, т.-е. либо самородный, либо искусственный парикъ, весь завитый въ дегіонъ мелкихъ локончиковъ, увънчивалъ туалетъ франта тогдашняго времени. Пудрилась же голова только когда приходилось являться въ императорскій дворецъ или на балы высшаго круга. Относительно драгоценностей, какими украшались мужчины тогдашняго "beau monde", кромъ упомянутой уже булавки на жабо, кавалеры носили на пальцахъ по нъскольку весьма солидныхъ перстней, и непремънно пару часовъ, т. е. на каждой сторонъ по одному экземпляру. Петиметру не приличествовало имъть часы иные какъ славнаго парижскаго мастера Брегета, а эти часы были не дешевые: проствишаго сорта стоили не менъе 300 франковъ, а цъна богатыхъ часовъ доходила и до 3000 тогдашнихъ рублей. Часы носили подъ жилетомъ, въ особенно для того въ исподнемъ платъв придъланныхъ карманахъ (sacs à montres), повыше и болъе

кпереди отъ обычныхъ, боковыхъ кармановъ (росhes). Такимъ образомъ, и съ правой и съ лѣвой стороны торчали изъ подъ жилета довольно массивныя золотыя цѣпочки, изъ которыхъ обыкновенно на одной висѣло нѣсколько затѣйливыхъ bréloques, а на другой въ тяжелой оправѣ большой камень: либо карніоль, либо топазъ, либо аметистъ, съ вырѣзанною печатью фамильнаго герба. Въ настоящихъ же карманахъ штановъ носили деньги (portes monnaie тогда еще не существовали, а вязанныя bourses приличествовали только дамамъ). Въ одномъ карманѣ держалось золото: полуимперіалы, французскіе Louis d'or и голландскіе червонцы, въ другомъ серебро: рубли и полтинники. Мелкое же серербо помѣщалось въ жилетныхъ карманахъ (goussets).

Изъ двухъ родовъ шляпъ, цилиндръ или круглая шляпа употреблялась для утреннихъ выходовъ, между тъмъ какъ для объдовъ и въ особености для баловъ требовалось имъть клякътреуголку. И та и другая были немалаго объема и высоты. О формъ послъдней легко получается полное понятіе, когда возьмешь тонкій блинъ и, сложивъ его одною половиною на другую, вытянешь концы немножко книзу. Цилиндръ же тогдашней эпохи отличался отъ нынъшняго тъмъ во 1-хъ, что онъ былъ на полвершка выше; во 2-хъ, края его съ боковъ были болъе еще подняты кверху и болъе еще загнуты; въ 3-хъ, дно его имъло гораздо большій объемъ, такъ что стъна этого цилиндра восходила кверху согнутою линіею, на манеръ уланскихъ киверовъ.

О дамскихъ костюмахъ я несравненно менъе и слабъе припоминаю подробности; впрочемъ, достаточно будетъ сказать, что одежды, какія носили тогда моя матушка и ея сестра, а равно и другія дамы хорошаго свъта, ничъмъ не отличались отъ костюмовъ, какіе изображены на извъстныхъ портретахъ прусской королевы Луизы и второй супруги Наполеона I, Маріи Луизы, въ эпоху съ 1807 по 1810 годъ.

V.

Нынъшніе петербуржцы не безъ нъкотораго, пожалуй, права восторгаясь широко-соціальной жизнью, какая въ теченіе всего лътняго сезона ежедневно кипить въ саду Павловскаго вокзала и на окрестныхъ широко и далеко распространяющихся дачахъ, увъряютъ, что отъ этого самый "городъ Павловскъ" выигралъ относительно красоты, а дачная жизнь относительно наслажденія ею.

Съ этимъ я не согласенъ. Природная красота тогдашняго Павловска превышала искусственную только красу геометрически-стройныхъ улицъ, съ домами городскаго характера; а великолъпный, на нъсколькихъ десяткахъ десятинъ раскинутый паркъ, въ которомъ каждая отдъльная группа роскошнъйшихъ, иногда болъе чъмъ въковыхъ деревьевъ разнороднъйшихъ видовъ, представляла увлекательно-пластичную картину, болъе художественъ, чъмъ тъсный, словно въ тепличный цвътникъ превращенный уголокъ, называемый "садомъ" вокзала.

Гуманный и привътливый характеръ августъйшей владълицы стараго Павловска выказался весь также и въ загородномъ ея житъъ-бытъъ: при Павловскомъ дворъ царила идиллическая почти простота, насколько вообще только таковая возможна была при разъ установленномъ и потому поневолъ болъе или менъе строго соблюдаемомъ придворномъ этикетъ. Это доказывалось уже однимъ темъ обстоятельствомъ, что тогдашнимъ дачнымъ жителямъ Павловска, безъ какихъ-либо ограничивавшихъ условій, разрішалось во всі часы дня гудять по парку и даже свободно приближаться какъ къ самому дворцу, такъ и ко всемъ другимъ местамъ, где государыня Марія Өеодоровна преимущественно любила гулять, а иногда и завтракать, объдать и вечерить или вообще проводить время со своимъ придворнымъ штатомъ и съ приглашенными гостями. Такимъ образомъ и я въ 1816 — 1818 гг. весьма часто имълъ случай близко видъть все это царское житье-бытье. Къ тому же, въ то время я не былъ уже совершеннымъ незнайкою: благодаря стараніямъ мужа второй моей тетушки (чиновника Министерства Финансовъ), д-ра философіи Лейпцигскаго университета, Густава фонъ-Шпальте, умълъ я читать и писать на трехъ языкахъ (по-русски, по-нъмецки и по-французски). Кромъ того, къ намъ по два раза въ недълю прівзжалъ m-r Didelot, знаменитый тогда хореографъ и "premier maître de ballet" императорскихъ театровъ. Собственно-то долженъ онъ былъ обучать старшихъ сестру и брата, но баловавшая меня матушка дозволила и мнв участвовать въ "воспріятіи граціозныхъ манеръ". "Peut-être en deviendra-t-il plus docile

et plus supportable", ръшилъ женскій ареопагъ, которому мы дъти были подчинены. И дъйствительно, помощью гдъ "ласкательныхъ" словъ, въ родъ "saperlot, faites donc attention!" или "аh, petit vaurien, voulez-vous rester tranquille!" а гдъ и щипкомъ, m-г Didelot успълъ настольно, что я изрядно ныдълывалъ каждой ногою всъ пять позицій, да подъ команду: Avancez! Une, deux, trois! Inclinez-vous!" сумълъ исполнить правильный "révérence de jeune homme de bonne famille".

Въ ясную погоду, когда въ паркъ зеленые листья деревъ трепетали подъ ласкающими ихъ лучами яснаго, улыбающагося солнышка. можно было, во второмъ часу дня и въ седьмомъ часу вечера, видъть государыню со всъмъ ея штатомъ или на террасъ, выходящей въ направленіи къ верхнему пруду съ видомъ на каскадъ, спускавшійся изъ храма Аполлона, или около Павильона Розъ, обставленнаго оранжерейными деревьями (апельсинными, лимонными и миртовыми) такимъ манеромъ, что образовались отдъльные уютные боскеты. Особенно любимымъ мъстомъ Маріи Өеодоровны, кажется, быль именью этотъ павильонъ. Въ обыкновенное время во внутренности его разстанавливалась мебель, которая въ тв часы, когда императрица желала завтракать или пить чай въ павильонъ, размъщалась по упомянутымъ боскетамъ. Мебель эта была изъ ръзнаго дерева и выкрашена бълой масляной краскою подъ лакъ, съ золотыми бордюрами, и состояла (сколько я еще припоминаю) изъ 4 дивановъ, 12 креселъ, 12 стульевъ и нъсколькихъ столиковъ. Но самымъ замъчатель. нымъ въ этой мебели оказалось то, что подушки на нихъ, изъ бълаго атласа, были украшены необыкновенно богатыми и артистически исполненными вышивками предествишихъ рисунковъ, изображавшихъ розовые вънки и гирлянды. Говорили, что эти вышивки были трудомъ собственныхъ рукъ императрицы-матери и ея дочерей.

Иногда царица со своими придворными объдала подъ открытымъ небомъ. Тогда объдъ сервировался въ такъ называемомъ "лѣтнемъ" театръ, который (если не обманываетъ меня память) находился по другую отъ дворца сторону черезъ шоссе, и стъны да кулисы котораго состояли изъ живой таксусной*)

^{*)} Таксусъ — родъ грубой мирты.

изгороди. Бывало также, что подъ вечеръ императрица и штатъ ея отправлялись на большую лужайку, гдв устраивались либо танцы подъ звуки военнаго оркестра лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, либо общественныя игры. Танцы состояли изъ матрадура, гавота, экосеза, альманды (т.-е. тихаго и плавнаго вальса) и англеза (нвчто въ родв котильона); но случалось мнв видвть иногда въ идеально-граціознвишемъ исполненіи также и русскій хороводъ, преимущественно (какъ говорили) по личному желанію царицы-матери. Изъ игръ я помню: игру въ горвлки, à la barre, въ мячи и въ воланы (raquettes).

За исключеніемъ дней торжественныхъ выходовъ, дамы являлись безъ шлейфовъ, а кавалеры въ штатскихъ костюмахъ, такъ что въ мундирахъ въ Павловскъ встръчались большею частью только гвардейскіе гусары, занимавшіе посты на гауптвахть и прочихъ караульныхъ пунктахъ, да два лейбъ-пандура императрицы-матери.

Выше я упомянуль, что дачной публикъ Павловска быль во всякое время дня дозволенъ свободнъйшій входъ въ паркъ. Поэтому въ нашемъ домашнемъ регламентъ значилось, что либо бабушка наша (m-me de Brown), либо одна изъ тетушекъ ежедневно ходила съ нами гулять въ паркъ послъ объда отъ 5-ти до 7-ми часовъ. Вотъ и отправились мы въ одинъ прекрасный день гулять съ бабушкою и, дошедши до фермы гдъ отдохнули сколько положено было по регламенту, повернули опять домой. Путь же нашъ долженъ былъ повести насъ мимо Розоваго Павильона. Дошли до него и увидъли, что тамъ сидъла сама государыня со своимъ штатомъ. Вотъ и остановилась бабушка и шепчетъ намъ назидательно: "enfants, faites votre révérence!"

"Révérence!" О злополучное слово! Какъ только оно прозвучало въ моихъ ушахъ, такъ и предсталъ предо мною въ воображени строгій m-r Didelot, и словно слышу я: "Saperlot! Petit vaurien! Avancez! Une, deux, trois! Inclinezvous!" И кажется мнъ: вотъ, вотъ сейчасъ за ухо поймаетъ! Съ отчаянія выскочилъ я подобающими тремя шагами впередъ, сдълалъ три предписанныя позиціи и отвъшиваю съ опущенными внизъ руками низкій révérence. Только шапку-то и забылъ я снять; ее сорвала съ меня уже сама быстро подбъжавшая бабушка. Императрица и всъ присутствовавшіе весело

засмъялись. Государыня милостиво подозвала къ себъ бабушку и насъ дътей и, разспросивъ, чьи мы, взяда меня на колъни и погладила по головкъ. А я смъло глазълъ на нее. Всъ видъвшіе когда-нибудь въ Зимнемъ дворцъ портретъ Маріи Өеодоровны, безъ сомнънія помнять истинно ангельскую доброту и гуманность въ выраженіи прекраснаго ея лица, а въ описываемую мною минуту къ этому прибавилась еще чистосердечная улыбка веселости, и мое дътское сердце невольно увлеклось этимъ идеальнымъ обликомъ. Отъ полноты охватившаго меня восторга, приложилъ я вдругъ лапки свои къ щекамъ императрицы и съ паоосомъ воспликнулъ: "Оһmadame, que vous êtes, belle!" Всв окружавшіе насъ кавалеры и дамы пуще прежняго засмъялись. И сама государыня также засмъялась; но затъмъ ласково поцъловала меня и, приказавъ подать себъ листъ бумаги и завернувъ въ него апельсиновъ и конфетъ, подарила мив. Потомъ сияла она меня съ колънъ и милостиво дала бабушкъ и всъмъ намъ дътямъ поцёловать свою руку и отпустила насъ.

Дорогою домой бабушка держала меня кръпко за руку, не говоря, однакоже, ничего. Но когда мы пришли домой, то она позвала няню и шепнула ей что-то на ухо. Затъмъ меня, раба Божьяго, поведи въ дътскую; мъщочекъ съ ацельсинами и съ конфетами положили на столъ, а самого меня разложили на стулъ, ну и угостили березовой кашицею!

VI.

Житейскій день въ описываемое время начинался рано. Съ интимными визитами нерёдко являлись въ 10 уже часовъ, а "штатсъ-визиты" отдавались начиная съ полудня, и не позже двухъ часовъ; потому что во многихъ домахъ обёдъ, въ обыкновенные дни, сервировался въ три часа. Экстренные обёды для приглашенныхъ гостей по случаю именинъ или дня рожденія, или инаго какого-либо событія, назначались въ пять часовъ. На вечера аих jours fixes съёзжались съ семи часовъ, а балы открывались въ девять часовъ. Завтракали же въ 11 или въ 12 часовъ. Правда, что и тогда оказывались исключенія отъ общепринятаго распредёленія дня; а именно порядокъ дня у такъ называемыхъ англомановъ, или рьяныхъ по-

UNIV. OF MICHIGAN LIBRARIES дражат ыказывалъ тъ. Равнопостояі вленіи чамврно обратномъ совъ и обирались смыслт заньше. другъ Ho 1 О, НИ НИЗшаго і общества, а круг мянутыми СЛОЯМІ RTOX, RAG(и ве 1) BCC-TARM ANCTH! къ нынъ вырая Да. тва знали и. Помню тольк -го числа r R N pasrapa Февра SUMHI о торжео введен-CTBEE 5 5-го часа HOMY накр ь дворецкаго сказать, OTP уха-няня Moer омецию, упрямо

продолжала звать попромон опромон **сервировал**ась въ большомъ залъ. Затъмъ Никодимычъ, поставивъ въ передней двухъ выходныхъ лакеевъ, самъ важно становился у входа въ столовую изъ большаго зала. Прівзжіе гости и гостьи располагались кто поважное въ гостиной, прочіе въ зало и въ бильярдной. (Иногда, бывало, собиралось человъкъ до шестидесяти). Ровно въ пять часовъ (тогда всв придерживались еще старинной пословицы: "l'exactitude est la politesse des princes") отецъ и матушка приглашали гостей къ закускъ, а черезъ полчаса голосъ Никодимыча провозглащалъ громко: "Кушанье подано". Тогда отецъ и матушка предлагали почетнымъ кавалерамъ вести къ столу такихъ-то дамъ, а наипочетнъйшаго гостя сама матушка, равно какъ почетнъйшую гостью отецъ, просили "сдълать имъ честь". У средины "покоя" помъщалась матушка съ наружной, а отецъ напротивъ

съ внутренней стороны, и отъ нихъ направо и налѣво размъщались гости по рангу. Молодые же люди, не осчастливленные честью вести дамъ къ столу, занимали мѣста у "подножья покоя", гдѣ сидъли также и мы дѣти съ гувернеромъ и гувернанткою.

Объдъ обыкновенно состоядъ изъ 7-8 "entrées". Ilocaъ третьей перемвны, встаеть наипочетныйшій гость и возглашаетъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августвишаго Царскаго Дома. Затвиъ другой почетный гость жедаеть здоровья и счастья хозяину, третій пьеть за здравіе хозяйки. Съ каждой перемъною мъняются и вина, а общество все болье воодушевляется; тосты растуть; отець провозглашаеть тость въ честь любезныхъ гостей, потомъ следують другін тосты; а когда доходили до 5-й, 6-й переміны, то уже общій, смішанный гуль идеть по залу. Подымается одинь изъ друзей дома и произносить въ честь "новорожденнаго" импровизацію въ стихахъ. Его примъру слъдуеть другой, но уже поеть веселые куплеты; третій продолжаеть, либо возражаетъ: смъсь русскаго, нъмецкаго и французскаго языковъ. Является последняя перемена: встають четыре певца (обыкновенно изъ артистовъ нъмецкой оперы или любителей*) и поють анти-наполеоновскія пісни Теодора Кёрнера, положенныя на музыку Кардомъ-Маріею фонъ-Веберомъ. Мужчины (въ то время болъе или менъе знакомые съ воинственными этими напъвами) подхватывають refrain; дамы подымаются тихо и незамътно уходять въ гостиную. Приносять свъжаго рейнвейну. Мелодін Кёрнера сміняются русскимъ романсомъ подъ акомпаниментъ гитары; запъвается русская народная пъсня всъмъ хоромъ; является форейторъ Тимошка, одътый казачкомъ и среди "покоя" залихватски отплясываетъ трепака. Затемъ наипочетнейшій гость встаеть, а за нимъ и другіе, и всв отправляются въ гостиную и залу пить кофе; а курящіе (какихъ въ то время немного еще было) идутъ въ бильярдную, гдв приготовлены голландскія трубки изъ білой глины, и фарфоровая ваза съ ароматнымъ виргинскимъ кнастеромъ. Часъ спустя (часу въ девятомъ) всъ гости, чиню распланявшись, разъбажаются. Я забыль упомянуть, что какъ

^{*)} Тогда между русскими еще не водился обычай правильнаго квартетнаго пёнія.

хозяинъ, такъ и гости на подобные объды всегда являлись въ предписанныхъ обычаемъ костюмахъ и украшенные всъми орденами, кто какіе имълъ право носить.

На jours fixes пожилыя дамы (какъ и прежде бывало, да и нынъ вездъ водится) занимались въ гостиной никогда неисчерпаемыми оборотными варіаціями на тему "люби ближняго яко самого себя", при чемъ одинъ-другой изъ "зрълыхъ селадоновъ" имъ поддакивали, изощряя свое остроуміе на потъшные каламбуры, а иногда и на злые bons mots, да на двусмысленные анекдотцы. Другіе, серьезные, старички размъщались въ кабинетъ или въ бильярдной и трактовали между собою о политикъ или о службъ. Составлялись иногда также и партіи въ карты (но ръдко болъе двухъ столовъ): игрывали въ L'hombre, въ Boston и въ Écarté.

Молодые же люди обоего пола занимались, въ большомъ заль, поперемвино то музыкою, то игрою въ дурачки, въ фофаны или въ фанты. Игры въ фанты были для всёхъ занимательны, и не только ради поцелуевъ, которыми иногда вознаграждала слъпая фортуна, но также ради возможности. которая въ нихъ представлялась, выказывать свою довкость въ "деликатномъ" обращеніи, бойкую находчивость ума и степень образованія. А сколько и какъ неудержимо слышалось въ этомъ веселомъ кругу чистосердечнаго смъха! Иногда же кто-либо изъ числа пожилыхъ дамъ или мужчинъ садился за флигель (тогда въ полномъ смыслъ: piano à queue) и наигрывалъ какой-нибудь танецъ. Ремесленныхъ же таперовъ и тапершъ въ то время еще не существовало. Какого рода царили тогда танцы, я упомянуль уже выше. Въ хорошемъ обществъ того времени въ презентабельныхъ и ловкихъ молодыхъ кавалерахъ недостатка не было, и ужъ никакъ и никогда не приходилось (какъ въ нашъ теперешній сухой и вялый матеріальный въкъ) отыскивать ихъ повсюду съ фонаремъ, словно ръдкихъ звърей, да почти насильно тащить въ гостепримные семейные дома: молодые люди тогда сами всёми силами добивались таковой чести, потому что это служило имъ лучшиъ атестатомъ въ обществъ и довольно часто даже открывало имъ путь къ карьеръ.

Балы отличались, конечно, отъ jours fixes, но преимущественно вившностью: залъ обыкновенно оказывался роскошно

убраннымъ цевтами, а иногда и гирляндами между ствиными многоручными подсвъчниками (тогда для освъщенія употреблялись исплючительно бълыя, восковыя свычи); музыка была оркестровая; костюмы соотвётствовали строгому этикету; занимались на балахъ единственно танцами. На этихъ самыхъ танцахъ каждый изъ участвующихъ сосредоточиваль все свое вниманіе и стараніе: танцовали съ сознаніемъ, что танцы искусство естественно позироваться; танцовали граціозно, con атоге, съ увлеченіемъ. Следствіемъ же того неминуемо оказывалось общее оживленіе, entrain électrique de tout le monde. Стройно, въ истинио-художественномъ порядкъ и ансамблъ сходились, перевивались и расходились пары; не было путанія въ начинаніи и окончаніи фигуръ; не сталкивались безобразно другъ съ другомъ, не оттаптывали ногъ у дамъ и пр. и пр. Было весело и отрадно не только тому, кто самъ танцоваль, но и тому кто глядель на эту поистине красивую картину, создавшуюся по вдохновенію самой Терпсихоры. Еще великольные и привлекательные представлялись маскерадные балы. Туть являлись заранъе и тщательно подготовленныя кадрили (не нынъшнія, конечно, contredanses francaises) въ 4 или въ 8 паръ, или въ аллегорическихъ эмблемахъ (напр. четыре возраста, четыре времени года, изящныя искусства и т. д.), или въ національных одеждах (русскіе бояре, швейцарцы, неаполитанцы, шотландцы, англійскіе матросы, дикіе американцы и т. д.), или въ историческихъ костюмахъ (древняго рыцарства, à la Henri IV, à la Louis XIV и т. д.). Смотря по характеру костюмовъ, были также особенно придуманы не только музыка, но и туры и па. Подготовленіемъ таковыхъ кадрилей занимались долгое время, серьезно и съ любовію. Вообще на маскарадныхъ балахъ старались выказать эстетическій вкусь и остроуміе. Являлись иногда и юмористическія маски, напримъръ, Донъ Кихотъ на его боевой клячъ "Розинантъ"; "Schneider-Cacadu" сидящій за работою на подвижномъ столь; Чортъ, несущій на спинь корзину, въ которой сидить въдьма гадающая на картахъ и т. п.

Еще большимъ оживленіемъ отличались ежегодныя публичныя гулянія: въ святочную и святую недълю на Адмиралтейскомъ бульваръ, въ Духовъ день въ большомъ Лътнемъ саду и 22 іюля (именины императрицы - матери) въ Петергофскомъ паркъ.

Эти гудянія были типическія проявленія действительно народнаго русскаго празднества.

На этихъ гуляньяхъ, какъ припоминаю, появлялся иногда одинъ господинъ почтеннаго и даже "внушительнаго" вида съ двумя мальчиками (лътъ 15-ти и 12-ти), всъ трое въ костюмахъ времени императора Павла Петровича. Гуляющая публика звала его обыкновенно то "комендантомъ", то просто "генераломъ", а по фамиліи Башуцкимъ. Кафтаны и исподняя одежда у нихъ, равно какъ и "камзолъ" (длинный жилетъ), были ярко-кармазиннаго цвъта. У его превосходительства ваотанъ былъ украшенъ тройнымъ рядомъ золотыхъ позументовъ, у сыновей же его только однимъ рядомъ; на головъ отца врасовался напудренный парикъ съ боковыми, горизонтально лежавшими локонами и съ довольно-длинною косою, туго обвитою чернымъ гро-греномъ, а сверху большая треуголка съ золотымъ галуномъ, съ высокимъ, изъ коротенькихъ перьевъ, плюмажемъ и съ кокардою въ видъ огромнаго банта. На мальчикахъ же надъты были сверхъ натуральныхъ буклей маленькія треуголки, окаймленныя узкимъ позументомъ. Костюмъ генерала довершали широкій золотой шаров, ботоорты съ широкими раструбами, торчавшая изъ подъ кафтана огромная шпажища, большія перчатки (какія нынъ только еще у кирасировъ) и огромная шпанская трость въ правой рукъ. Отецъ еще твиъ отличался отъ мальчиковъ, что шея его была обвита кружевнымъ шарфомъ, широкіе концы котораго падали на грудь: а у мальчиковъ были широкіе отложные, гофрированные воротники рубашекъ. Эта оригинальная тройка, представлявшая живой протестъ противъ новаго въка, памятна миж не только изъ эпохи 1816—1818 годовъ, но я встръчалъ ее и позже, въ 1822 и въ 1823 годахъ.

VII.

Что въ русскомъ обществъ, относительно разныхъ видовъ проявленія музыки, преобладала любовъ къ пънію, весьма понятно. Если уже само по себъ признается неоспоримымъ, что вообще человъку, какой бы ни былъ онъ націи, пъніе ближе и къ понятію, и къ воспріимчивости его, то тъмъ паче относится это къ русскому человъку тогдашней эпохи, все еще слишкомъ мало освоившемуся съ инструментальной музыкою,

а главное, съ самаго почти рожденія своего "взлелвянному" русскою народною пъснью. Правда, что съ 1802 года въ Петербургъ существовало уже "Филармоническое Общество", основанное преимущественно стараніями богатаго графа Юрія Віельгорскаго; правда, что въ концертахъ этого Общества (какъ я, конечно, гораздо позже узналъ) исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта и ораторіи Генделя, Грауна, Фр. Шнейдера и др.; но наша тогдашняя публика, видимо, не была еще достаточно подготовлена, чтобы вполнъ понимать и "переварить" эту серіозную музыку. То что она изъ всехъ, не преимущественно къ пънію относящихся, твореній въ состояніи была "понимать", заключалось въ сочиненіяхъ "галантнаго" (какъ тогда выражались), т.-е. легкаго, салоннаго стиля, передаваемыхъ "звуками унылыхъ клавикордовъ", въ сочиненіяхъ слъдовательно, опять-таки преобладающаго лирическаго характера. Бывало, что тамъ и сямъ, въ видъ исключенія, любители или любительницы занимались и сонатами Гайдна или Моцарта (даже и Бетховена*); но большею частію въ салонахъ петербургскаго общества слышались произведенія Іог. Вангалля, И. Плейеля, Дан. Штейбельта, Адальб. Гивореца и. т. п. Послъ 1815-го года (кажется) отважились перейти къ сочиненіямъ Клементи и его учениковъ: Людв. Бергера и Джона Фильда.

Скрипачи принимались уже за творенія Роде и Балльо, и находились даже смільчаки, которые отважились приступить къ композиціямъ Л. Шпора. Дилеттанты съ дилеттантками вздыкали надъ дуртами Іос. Майзедера для скрипки съ флигелемъ. Квартетная игра считалась рідкостью: сколько знаю, исполнялись квартеты у Ө.П. Львова (отца Алексія Львова), у графовъ Віельгорскихъ, у А.Д. Улыбышева (тогда молодого чиновника Министерства Иностранныхъ Діль), у полковника И.Ф. Ласковскаго и у немногихъ другихъ.

Не помню я, кто ознаменоваль себя въ то время, какъ преподаватель на скрипкъ, но хорошо помню трехъ лучшихъ тогда въ Петербургъ фортепіанныхъ учителей: Джона Фильда, который въ 1820 г. переселися въ Москву, Егора (собственно

^{*)} Напр. у князя Н. Б. Голицына.

Георга Эрнеста) Мюллера (ученаго контрапунктиста) и Карла Арнольда*), уроженца г. Дюссельдорфа (композитора салонныхъ пьесъ), впоследствии выехавшаго въ Норвегію и умершаго капельмейстеромъ театра въ г. Христіаніи.

Всёхъ трехъ я тогда лично видалъ и слыхивалъ играющихъ на флигеле, такъ какъ Арнольдъ обучалъ старшую мою сестру и, бывъ друженъ съ Фильдомъ и съ Мюллеромъ, познакомилъ ихъ съ моимъ отцомъ, большимъ любителемъ изящныхъ искусствъ. Отецъ когда-то въ молодости своей игралъ даже на "флюту́зъ" (flûte douce)**), а знатокомъ все-таки онъ не былъ, да и самъ не считалъ себя таковымъ; но за то онъ радушно принималъ художниковъ и артистовъ, отъ всей души ихъ угощалъ и не скупился вознаграждать, когда приглашалъ ихъ участвовать въ домашнихъ нашихъ концертахъ.

Этому же обстоятельству я равномерно обязань темь, что около 1817 года, у насъ же въ домъ, увидълъ и услышалъ я прівхавшаго въ Петербургъ для концертированія, знаменитаго Гуммеля. Въ памяти моей и по сію пору рисуется средняго роста мужчина съ полнымъ, здоровымъ, добродушнымъ лицомъ, съ маленькимь брюшкомъ, въ широкомъ черномъ фракъ, съ высокими, тугонакрахмаленными воротниками рубахи и съ большимъ бълымъ шейнымъ платкомъ. Одно только меня смущаеть: на гравюрь, какая находится при одномъ изъ изданій его концертовъ, у него надо лбомъ приглаженные волосы, тогда какъ я ясно и твердо помню, что у него была на головъ плоская ермолочка (calotte) изъ чернаго бархату. Изображенъ ли Гуммель на той гравюръ въ парикъ, или же этотъ портретъ относится къ болъе раннему времени? По внъшнему виду можно бы было Гуммеля скорве принять за добраго нвмецкаго "шульмейстера", чъмъ за такого великаго, поэтическаго художникафортепіаниста, каковымъ онъ дъйствительно былъ. Когда маэстро пересталъ играть, но еще не всталъ со стула, подошли къ нему матушка и "оба Арнольда" и стали разговаривать

^{*)} Его въ нашемъ кругу, для отличія отъ моего отца, который быль ниже средняго роста, ввали «le grand Arnold», а по-нёмецки «der lange Arnold».

^{**)} Такъ и понынъ многіе дилеттанты зовутъ большую флейту для отличія отъ кварть-флейты и пиколло.

съ нимъ. Должно быть, ръчь коснулась русскихъ народныхъ пъсенъ.

О чемъ бы, однакоже, Гуммель ни спросиль, только "долгій" Арнольдъ вдругъ повернулся и, увидъвъ меня, прятавшагося за студомъ младшей тетушки, быстро подошелъ и взялъ меня sa pyry. "Komm' her, sei ein guter Junge, und sing' hier diesem lieben Onkel ein russ'sches Liedchen vor! (**) Тутъ и матушка нагнулась во мив и шепнула: "будь паннька, спой ивсенку!" А меня и просить-то вовсе не нужно было; пъсни пъть я самъ по себъ любилъ, а деревенскія и подавно, да и не впервые мив приходилось распъвать ихъ предъ чужими. Не помню нынъ, конечно, что именно такое я пропълъ; но Гуммель съ довольнымъ видомъ выслушалъ, а потомъ, погладивъ меня по головъ, сказалъ матушкъ: "Der Kleine hat musikalische Anlagen, Gehör und Stimme; er muss Musiker werden!" -"Mein Mann, отвъчала матушка, весело засмъявшись, denkt aber daran, einen Finanzminister aus ihm zu machen"***). — "Nun, сказаль Гуммель, улыбнувшись, das ist freilich auch keine schlechte Carrière!"

Пъніемъ много и охотно занимались въ Петербургъ, и встръчались между любителями и любительницами прекраснъйшіе, и даже хорошо выработанные голоса. На русской же сценъ, во второй половинъ десятыхъ годовъ, должно быть, дъйствительно было мало выдающихся пъвицъ и пъвцовъ, кромъ высокаго тенора Василія Самойлова (отца знаменитаго впослъдствіи трагика). Очень въроятно, что причиною этого недостатка въ хорошихъ пъвицахъ и пъвцахъ на сценъ отечественной оперы были слъдующія обстоятельства. Во-первыхъ, большой недостатокъ вообще въ преподавателяхъ солистнаго пънія, а въ хорошихъ въ особенности; во-вторыхъ, непомърная дороговизна уроковъ у весьма немногихъ хорошихъ учителей (не дешевле 10 р. за саснет), такъ что пользоваться ими было доступно

^{*)} Поди сюда, будь добрымъ мальчикомъ, и спой воть этому милому дядѣ русскую пѣсенку.

^{**)} У мальчика музыкальныя способности, слукъ и голосъ; ему надо быть му-

^{***)} Но мужъ мой о томъ думаеть, какъ бы сдълать изъ него министра фи-

^{†)} Ну! это, конечно, также не дурная каррьера!

только лицамъ привилегированнаго общества: въ-третьихъ, наконецъ, глупый, а все-таки общій предразсудокъ противъ касты сословныхъ сценическихъ артистовъ, что и удерживало талантливыхъ членовъ общества поступать въ ряды артистовъ. А это предубъжденіе до того сильно вкоренилось, что даже и либеральнъйшіе люди, котя вслухъ и порицали тупость этихъ вглядовъ, хотя весьма радушно принимали сценическихъ артистовъ въ семейныхъ своикъ кругахъ и даже дружились съ ними, но все-таки никоимъ образомъ не ръшились бы дозволить сыну или брату поступить на сцену, а того менъе дочери или сестръ выйти замужъ за "артиста-комедіанта".

Теноръ Самойловъ бывалъ у насъ въ домѣ, равно какъ и артисты нѣмецкой труппы: теноръ Затценховенъ и комикъ Линденштейнъ съ женою, примадонною. Давалъ ли Самойловъ уроки пѣнія, не знаю; Затценховенъ же и теме Линденштейнъ занимались преподаваніемъ пѣнія. Кстати упомянуть, что дѣтское мое вниманіе останавливалось на томъ, что, когда теме Линденштейнъ исполняла какую-нибудь "кудрявую" (какъ я выражался) оперную арію, у нея сильно и даже очень замѣтно напрягались шейныя мышцы. Самыми лучшими учителями пѣнія тогда считались К. К. Кавосъ, преподаватель при Смольномъ монастыръ (впослѣдствіи генералъ-директоръ всей музыки императорскихъ театровъ и главный капельмейстеръ русской оперы), да нѣкто Джуліани, который не разъ пѣвалъ на нашихъ вечерахъ.

Вся обстановка нашего житья бытья весьма рано возбудила во мей влеченіе къ поэзіи и къ искусствамъ, а въ особенности къ музыкв и къ театральнымъ представленіямъ. Да и самъ отецъ мой словно нарочно поощрялъ и развивалъ начинавщуюся уже тогда во мей къ нимъ страсть. Онъ какъ бы радовался моей памяти и моему уминью довольно вирно копировать разныхъ оперныхъ и драматическихъ артистовъ, и любилъ, когда посли обида онъ ложился на дивани въ кабинеть отдыхать, чтобы я, усившись возли дивана, убаюкивалъ его тихимъ напиваніемъ какой-нибудь писенки.

Въ устраиваемыхъ у насъ и у нашихъ знакомыхъ, дътскихъ спектакляхъ я постоянно участвовалъ, и раза два исполнялъ роли дътей въ спектакляхъ для взрослыхъ, а именно въдвухъ модныхъ тогда драмахъ Коцебу: "Ненависть къ людямъ

и раскаяніе" и "Дитя Любви". Отецъ мой часто посъщалъ театры и почти постоянно возилъ меня съ собою. Вслъдствіе сего я уже на 6-мъ, 7-мъ году хорошо познакомился съ моднымъ репертуаромъ нашихъ русскихъ и нъмецкихъ сценъ.

Вотъ названія главнъйшихъ изъ оперъ, какія приходилось мнъ тогда видъть и слышать.

- а) На русской сценъ: "Отецъ и дочъ" (Агнеса) Паера; "Титово милосердіе" Моцарта, "Князь невидимка" и "Дунайская русалка" (2-я часть) Кавоса, "Прекрасная Татьяна на Воробьевыхъ горахъ", "Филаткина свадьба" и "Ямъ" Алексъя Титова, и "Мельникъ колдунъ, сватъ и хвастунъ" Оомина.
- б) На нъмецкой сценъ: "Zauberflöte" и "Wie sie alle sind" (cosi fan tutte) Моцарта, "Tancred" Россини, "Der Kalif von Bagdad" Бойельдьё, "Der unsichtbare Prinz" Кавоса, "Das Donauweibchen" (1-я часть) Ферд. Кауера, "Die Schwestern von Prag" Венц.- Мюллера, "Doctor und Apotheker" Диттерсдорфа, "Die zwei Gefangenen" (Adolf und Clara) Далляйрака.

Въ частныхъ салонахъ распъвались, конечно также аріи и дувты изъ модныхъ оперъ, но гораздо больше еще романсы на русскомъ и оранцузскомъ, ръже уже на нъмецкомъ языкъ, хотя (а можетъ быть даже именно и потому что) жанръ послъднихъ выказывалъ болъе серьезную, но безспорно и болъе художественную музыку. Изъ авторовъ русскихъ романсовъ преимущественно распространенными въ публикъ оказались имена графа Мих. Віельгорскаго, К. Кавоса, Алексъя и Николая Титовыхъ, Романуса, Кашина, Козловскаго. Сапіенцы; а изъ французовъ Louise Puget и Aug. Panseron*). Серьезные же любители распъвали Lieder знаменитыхъ нъмецкихъ авторовъ: Мозатt, Hiller, Carl-Maria von Weber (изъ собранія "Leyer und Schwert" и другія), Reichardt, Andr. Romberg и пр.

Что касается церковнаго пънія, то трудащи и стараніями Д. С. Бортнянскаго оно, по крайней мъръ въ образцовомъ коръ императорской придворной капеллы, получило снова приличествующій молитвенный характеръ. Но бывало, даже и въ описываемое мною время, много еще частныхъ хоровъ, въ которыхъ продолжала преобладать манера слащаваго, же-

^{*)} Романсы Théodor'a Labarre появились только въ 20-хъ годахъ.

манно-драматического исполненія сочиненій, писанныхъ или самими капельмейстерами-итальянцами Едизаветинской и Екатерининской эпохи, или же ихъ слъпыми подражателями. Между таковыми частными хорами въ особенности отличался своей манерностью хоръ пъвчихъ милліонера Дубенскаго. Этотъ петербургскій богачь, возль своего палаццо по набережной Фонтанки близъ Аничкина моста, имълъ свою домашнюю церковь въ которую однакоже быль открыть свободный доступъ всемъ богомольцамъ. Пъвчіе г. Дубенскаго (въ количествъ, я думаю, около полусотни) качествомъ своихъ голосовъ и стройностью ансамбля дъйствительно стоили общаго вниманія, а солисты, кажется, чуть ли не были учениками не то Галуппи, не то Сарти. Въ особенности замъчательно-мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ отличался высокій теноръ "Фрицъ" (кръпостной Өедька, либо камердинеръ, либо просто лакей г. Дубенскаго). Но выборъ сочиненій преимущественно пкудреватаго", самаго утрированнаго свътски-итальянскаго стиля (напр. пресловутыхъ концертовъ пресловутаго капитана Веделя, любимца свътлъйшаго князя Потемкина), а еще болъе манера исполненія изобличали совершенную безвкусицу и непониманіе молитвы какъ въ самомъ владъльцъ хора, такъ и въ притекавшихъ къ службамъ этой церкви членахъ аристократическаго вруга. Дъти инстинктивно чуятъ истину. Однажды съ матушкой мы были у всенощной въ той церкви, чтобы послушать знаменитый хоръ г. Дубенскаго и прославленнаго тенора Фрица. Прівхавъ домой, я обратился къ матушкв съ вопросомъ: "А зачемъ же больнаго Фрица заставляють петь? Ведь ему трудно и больно!" — "Да кто же тебъ сказалъ, что онъ боленъ?" возразила матушка. "А какъ же, maman, развъты не слыхала, какъ Фрицъ-то все охалъ, да всхлипывалъ и стональ; все охъ, охъ, охъ!" И я запъль туть, подражая Фрицу: "Свъ-ъ-ъ-ъте-е, охъ! ти-и-и-охъ, охъ! хіііій, охъ!"

VIII.

Въ 1818 году отецъ мой самъ отвезъ старшаго (глухонъмого) сына, Ивана, въ Берлинъ къ прославившемуся тогда педагогу по части воспитанія таковыхъ дътей, пастору Мёрингу. Когда же онъ, возвратился, то сообщилъ, что онъ побывалъ также и въ институтъ д-ра Карла Лангъ, устроенномъ

въ "дворянскомъ имъніи" (Rittergut) Ваккербартсру на полдороги отъ Дрездена къ Мейссену; что это заведеніе ему по сердцу пришлось, и что онъ ръшилъ отправить туда втораго (старшаго) брата моего, Александра, и меня въ мат мъсяцъ слъдующаго 1819 года. "Конечно (прибавилъ онъ, указывая на меня), вотъ этому-то мышенку потребуется года на два еще особеннаго присмотра; ну, такъ пошлемъ съ нимъ на это время и дядьку его Василія". — Итакъ: alea jacta erat! Жребій былъ брошенъ!

Должно сперва вообще объяснить, что собственно было это Ваккербартсруское учреждение.

"Воспитательное заведение доктора Карла Лангъ" (Dr. Carl Lang's Erziehungsanstalt) пользовалось въ свое время европейскою извъстностію до того, что о немъ упоминалось даже въ нъкоторыхъ географическихъ учебникахъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ. И дъйствительно, этотъ пансіонъ во всъхъ отношеніях выказываль нічто исключительное, да къ тому же въ хорошемъ смыслъ исключительное. Но зато и ежегодная плата за воспитаніе мальчика доходила до весьма почтенной цыфры, и въ особенности когда сообразимъ относительную къ продуктамъ тогдашнюю высокую валюту металловъ. Въ годъ платилось по 1000 талеровъ или серебряныхъ рублей, не считая въ томъ числъ экстренныхъ еще издержекъ на одежду и обувь, на книги, тетради, лъкарства и пр. и пр. Изъ этого вытекаетъ, что Ваккербартсрускій пансіонъ никоимъ образомъ не быль "общедоступнымь", а скорве "выборнымь", потому что помъстить въ него своихъ сынковъ оказывалось поступнымъ богатымъ лишь людямъ.

Съ другой же стороны, однакоже, основные принципы института выказывались совершенно нивеллирующими всъ сословія и всъ въроисповъданія. Помню я твердо, что были между нами не только англиканской, римско-католической, греко-россійской и въ преимуществъ, конечно, лютеранской конфессіи, но также трое или четверо евреевъ; а про разность сословій такъ и подавно говорить нечего.

Такъ, напр., моими товарищами по классу были между прочими: Вильгельмъ фонъ Тюмплингъ (сынъ прусскаго генерала, и самъ впослъдствіи, въ 60-хъ годахъ, военный министръ, а во время германо-французской войны 1870 года корпусный

командиръ прусской службы); графъ Фитцтумъ фонъ-Экштедтъ (сынъ оберъ-гофмаршала королевско-саксонскаго двора); Анатолій Николаевичь Демидовь (впоследствій первый русскій Principe di San Donato); а изъ старшихъ классовъ помню еще: барона фонъ-Гризгеймъ (Griesheim, сына одного изъ тогдашнихъ наибогатъйшихъ землевладъльцевъ Тюрингіи) и накого-то Лорда Вилльяма (фамилію я забыль), весьма симпатичнаго, но бользненнаго юношу, который въ 1821 году тамъ же, въ пансіонъ и умеръ. Но находились между моими одновлассниками также и дъти другихъ сословій, напр. Бернгардъ Таухницъ (сынъ собственника извъстной фирмы книгопечатанія въ Лейпцигь, впоследствіи самъ представитель ея и прославившійся своей эрудицією по части классическихъ языковъ); Бруно и Данкмаръ Винклеръ (сыновья фабриканта изъ г. Ошацъ); два сына кіевскаго банкира Кунце (помнится: евреи); сынъ сельскаго учителя Густавъ Лангъ (племянникъ содержателя пансіона); Гейнрихъ Боккъ (сынъ дрезденскаго портнаго); Оттонъ Кречмаръ (сынъ деревенскаго судьи (Dorfschultz) села Кёчинброде) и другіе.

Программа воспитанія въ Ланговскомъ пансіонъ основывалась на принципахъ двухъ знаменитыхъ педагоговъ, жившихъ въ концъ прошлаго въка: швейцарца Песталоцци, и Дессаускаго (кажется) уроженца, Базедова. Песталоцци, бывъ не только общестороннимъ ученымъ, но и спеціально еще врачемъ, проповъдывалъ, что настоящее искусство воспитанія заключается въ умѣніи уравновѣшивать развитіе интеллигенціи ребенка съ развитіемъ тълесныхъ его силъ. Базедовъ же, кромѣ того, утверждалъ, что при толкованіи дѣтямъ научныхъ предметовъ должно не попросту налегать на одну лишь память, а развивать и укрѣплять ее стараніемъ о томъ, дабы ребенокъ получалъ сколь возможно полное и ясное, такъ сказать, "образное" понятіе о каждомъ, не только осязательномъ, но также и отвлеченномъ предметъ.

Самъ отецъ мой, а также и первый мой наставникъ (упомянутый въ 5-мъ письмъ) дядя Шпальте были горячіе поклонники Песталоцци и Базедова, и почти нътъ сомнънія, что, благодаря только этимъ принципамъ, столь раннее развитіе интеллектуальной моей силы не имъло никакихъ вредныхъ послъдствій, и въ особенности никакъ не пошатнуло богатырскаго,

Богомъ мит дарованнаго, организма твла. Ибо между первыми моими игрушками находилась также и Базедовская коллекція гранированныхъ "картинъ для развитія въ дітяхъ ясныхъ понятій". Для укртпленія же твла насъ, дітей, не только каждое утро и каждый вечеръ обливали свіжей (такъ называемой "комнатной) водою, но мы должны были также, зимою ділать ежедневно простійшія гимнастическія упражненія (въ то время въ Россіи очень мало еще извістныя), а въ літнее время на дачі, въ своемъ саду, намъ была дана полная свобода бітать босикомъ, даже послі дождя, по всімъ лужамъ, да лазить сколько угодно на крышу и на высокія деревья.

Въ мав мъсяцъ 1819 года все наконецъ къ нашему отъвзду было подготовлено и приготовлено, а маршруть быль назначенъ изъ Кронштадта на парусномъ кораблъ *) до Штетина, а оттуда въ почтовыхъ дилижансахъ чрезъ Берлинъ въ Дрезденъ. Такъ какъ никому изъ взрослыхъ нашего семейства не было возможно сопровождать насъ, то братъ Александръ и я были отданы на попеченіе нъкоему д-ру Лихтенштедту и старшей его сестръ, отправлявшимся на родину свою, въ Берлинъ. Кромъ того съ нами былъ отпущенъ, какъ съ самаго начала уже отецъ ръшиль, мой дядька, прихрамывающій, но сердечно привязанный ко мнъ, портной Василій. Много заботившаяся, конечно, о насъ и всегда довольно баловавшая насъ матушка не забыла приготовить намъ на дорогу, и въ особенности для предстоящаго шести-дневнаго плаванія, огромный запась "провизіи": шоколаду, апельсиновъ, лучшихъ вяземскихъ пряниковъ и такъ называемыхъ "корабельныхъ сухарей", два (или даже три) отборныхъ окорока, несколько фунтовъ свежей икры, и пр. да достаточное число бутылокъ мадеры, — конечно "по совъту домашняго доктора" согласно съ обычаемъ, установленнымъ для морскихъ путешествій. Родители проводили насъ до Кронштадта, гдъ мы и простились съ ними. Весьма естественно, что было не мало гореванія и пролитыхъ слезъ. Хотя и долженъ я опасаться, что я покажусь какъ бы безсердечнымъ, но увы! святой долгъ правдиваго лътописца вынуждаетъ меня признаться, что при всемъ, на самомъ деле глубокомъ, гореваніи, меня не мало утъщала мысль о пред-

^{*)} Пароходовъ въ то время въ Европ'я не существовало.

стоящемъ мнѣ вволю наслажденіи прекрасными предметами сопутствующей намъ "провизіи". Судьба, однакоже, въ видѣ д-ра Лихтенштета и въ особенности его старой дѣвы-сестры, горько разрушила всѣ мои надежды: намъ дѣтямъ "ради охраненія насъ (какъ было сказано) отъ излишняго обремененія желудка" доставалось еле-еле что (какъ говорится) "на пустой зубокъ", а какъ доѣхали мы до Штетина, то отъ всей "провизіи" все-таки ничего не осталось. "Ишь, старая вѣдьма! (не разъ ворчалъ "Василій бѣдныхъ дѣтей обдѣляетъ! ажъ обижливо глядѣть!"

Зато, однакоже, и я — хотя и не преднамъренно — ихъ наказалъ, т.-е. важнъйшимъ образомъ напугалъ; а помогать мнъ въ этомъ, такъ буря помогала. Вотъ какъ это происходило.

Къ концу перваго уже дня почтеннымъ членамъ фирмы "Лихтенштетъ и Ко" приходилось склониться предъ грозной силою, называемой "морской бользнью": г. докторъ и милая сестрица его видъли себя вынужденными оставаться въ своихъ койкахъ, и всв ихъ помышленія, конечно, были обращены лишь на чрезвычайно траги-комическое состояние собственныхъ ихъ тъла и души. Потому ли что, какъ нъкоторые увъряють, дъти вообще менъе подвергаются этому бичу непривыкшихъ къ морскому элементу "земныхъ крысъ" (какъ выражаются моряки), или по индивидуальной нашей кръпкой организаціи, только на самомъ дълъ морская болъзнь и не думала даже пристать въ намъ. Такимъ образомъ, въ счастію, - а разумъется и къ полному удовольствію брата и моему, - попеченіе о насъ принялъ на себя самъ Богъ Господь. На хромаго дядьку Василія расчеть быль плохой: ради и безь того уже малонадежной лівой ноги, также и правая его ходуля мало оказалась въ состояніи бороться съ качаніемъ корабля. Слёдовательно мы оба, съ братомъ, нашлись въ полной свободъ шляться по всему верхнему деку, сколько душъ угодно, а избрали мы для пребыванія нашего верхній этотъ декъ какъ потому, что на вольномъ воздухв мы себя лучше чувствовали чэмъ въ душной кають; такъ и еще болье потому, что самая-то обстановка корабля и вся эта матросская жизнь и суета были совершенною для насъ новизною и весьма сильно подстрекали естественное наше дътское дюбопытство. Добрые матросыфинны (корабль быль финляндскій) шутливо отвічали на наши вопросы, и благодушно помогали Небесному Отцу въ дівлів о насъ попеченія.

Первые два дня наше плаваніе пользовалось попутнымъ вътромъ; но на третій день, въ виду восточнаго берега острова Готланда, поднялась непогода. Вътеръ не только совершенно перемънился и сталъ валять съ противоположной стороны, но вскоръ превратился въ настоящій "штормъ". Куда дівалея братъ Александръ и какимъ образомъ окъ окончательно (какъ потомъ оказалось) все-таки очутился въ общей каютъ, я не догадался въ свое время спросить его, а потому и понынъ не въдаю. Помню только, что самъ-то я растерялся, замотался и попаль какому-то матросу подъ ноги. Морякь же схватиль меня въ охапку и съ словами: "Эй, баршукъ! ни мишай!" (или въ родъ того) сунулъ меня куда-то, да и покрылъ чъмъ-то. Почувствовавъ, что я лежалъ на чемъ-то довольно мягкомъ и что я защищенъ со всёхъ сторонъ отъ вётра, что мей даже стало тепло, я вскоръ успокоился и заснулъ, видно, очень да очень кръпко, какъ подобаеть заснуть здоровому, но сильно умаявшемуся ребенку. Это случилось уже къ самому вечеру. Спаль я, видимо, довольно долгое время, да проснулся отъ какого-то шума извив, только это быль уже не ревъ урагана. Вдругъ что-то дежавшее на верху моей импровизированной "спальни" исчезло, проникли ко мев светлые лучи яснаго утренняго солнца да раздался хриплый голось съ чухонскимъ выговоромъ: "Во-те, твоя баршукъ!" Затъмъ показались годовы брата и дядьки, а между ними круглые, зеленые очки на большомъ семитскомъ носъ почтеннаго моего "попечителя". Меня, конечно, вытащили изъ моего убъжища, которое было ничемъ инымъ, какъ огромнымъ сверткомъ длиннаго якорнаго каната (то, что, кажется, моряки называють "кабелярингь"), а снятая съ него крышка оказалась толстой циновкою. Прежде всего разразилась надо мной бъглая брань д-ра Лихтенштета, распівомъ на высокихъ нотахъ весьма гнусливаго тенорино. Отъ худшихъ (легко возможныхъ) последствій гарантировали меня, съ одной стороны, обнимавшіе съ радостнымъ рыданіемъ благополучно найденнаго "Госифа", брать Александръ и дядька Василій, а съ другой стороны, туть же стоявшій капитань корабля. Но самъ я ничего не слышалъ и ничего не замъчалъ,

вытаращивъ глаза на красивую панораму, развернувшуюся предо мною далеко чрезъ спокойно плясавшія волны Ботническаго залива: освъщенный яркимъ отливомъ свътлаго майскаго утра представился намъ широко-раскинутый по западному берегу острова Готланда, главный его городъ Висби. Столь далеко въ сторону отогналъ насъ отъ прямого пути ураганъ прошлой ночи.

На седьмой день нашего плаванія мы прибыли въ Штеттинъ, гдъ отдохнули дня два или три. Затъмъ дотянулись, общимъ въ то время порядкомъ, въ королевско-прусскомъ почтовомъ дилижансь до Берлина, гдъ опять отдыхали три дня для реставраціи костей и нервовъ, сильно пострадавшихъ отъ всёхъ "удобствъ", предоставленныхъ тогда путешественникамъ по красиво устроеннымъ казеннымъ шоссе въ биткомъ набитыхъ пассажирами, душныхъ и вовсе не diligemment двигавшихся каретахъ соломеннаго цвъта. Единственно, что мнъ тутъ понравилось, заключалось въ пъсняхъ, играемыхъ на трубъ самодовольнымъ "Schwager'омъ" т.-е. почтальономъ-возницею. (Сознаюсь: последнія фразы ужь очень тяжелы и шероховаты; но позвольте не перемънить ихъ, такъ какъ онъ лучше всего возбудать картинное понятіе о "пріятностяхь" тогдашнихъ вояжей по сушъ). Наконецъ-то мы, долго ли, скоро ли, а всетаки прикатили къ ближайшей цели нашего путешествія, въ столицу короля саксонскаго, въ славный своею мъстной красотою г. Дрезденъ, гдъ д-ръ Лихтенштетъ всъхъ насъ троихъ, т.-е. брата Александра, меня и портнаго Василія сдалъ съ рукъ на руки уполномоченному довъріемъ отца банкиру, носящему громкое имя "Julius Cäsar".

Брату Александру шель тогда 12-й уже годъ и онъ въ Петербурггъ цълыхъ четыре уже года посъщалъ школу реформатской церкви, учрежденную въ началъ текущаго въка знаменитымъ въ свое время проповъдникомъ-пасторомъ (швейцарцемъ) Іоанномъ фонъ Моральт'омъ, удостоеннымъ вниманія и уваженія какъ Государя Императора Александра Павловича и Августъйшей Императрицы - матери, такъ и поздже Государя Императора Николая Павловича. Слъдовательно брату моему уже были извъстны имя и историческое значеніе великаго римскаго покорителя древнихъ галловъ. Услышавъ, еще до отъъзда нашего изъ дома, отъ отца имя Дрезденскаго

банкира, братъ, конечно, не преминулъ и мий растолковатъ, кто и что былъ герой, впервые носившій и столь прославившій имя Юлія Цезаря. Весьма естественно, что мы и въ продолженіе также нашего путешествія довольно часто возвращались къ той же темі и другъ другу сообщали наши фантазіи о ней, такъ что у насъ подъ конецъ сложилось полное убіжденіе, что дрезденскій банкиръ "Herr Commerzienrath Julius Cäsar" долженъ непремінно быть потомокъ того героя, статной и видной наружности, и что онъ предстанетъ предъ нами въ рыцарской одеждів римскаго императора да съ лавровымъ візнкомъ на главі!

Каково же было наше, почти на страшный испутъ похожее, разочарованіе, когда, введенные въ рабочій кабинетъ г. коммерціи совътника, мы увидъли предъ собою тощаго мужчинку лътъ около сорока, съ худощавымъ, но розовымъ и пріятно улыбающимся лицомъ, ростомъ не многимъ только повыше брата Александра, да къ тому же въ свътло-съромъ оракъ съ стальными пуговицами и такого же цвъта въ узкихъ длинныхъ брюкахъ, а на головъ, вмъсто лавроваго вънка, рыжеватыя съ просъдью букли, покрытыя черною тафтяною ермолочкою!

Супруга же "вединаго" Юлія Цезаря воторой мы имъли честь быть представлены не далъе накъ чрезъ полчаса послъ нашего прибытія, напротивъ того, была дама высокаго роста, весьма презентабельной, плотной формаціи, какою бы могъ гордиться даже любой поручикъ королевско-прусской гвардіи.

Спъту, впрочемъ, прибавить, что это были симпатичнъйшіе и образованнъйшіе люди, которыхъ невозможно было не уважать отъ всего сердца.

Мы съ братомъ прогостили у нихъ нъсколько дней, во время которыхъ г-жа Цезарь насъ водила по всему Дрездену, чтобы познакомить со всемірно (и по праву!) славившимися достопамятниками древней резиденціи ярко блиставшихъ когда-то саксонскихъ курфюрстовъ. Мы проходили по "Шлоссбрюкке, посътили: Брюльскую террасу, Цвингеръ съ музеемъ (въ которомъ помъщается знаменитая галлерея картинъ) и съ "Зеленой камерою" (хранилище драгоцънностей) да "Большой садъ" (der grosse Garten). Были мы также въ придворной католической церкви, чтобы слушать превосходное исполненіе

"мессы" (объдни) съ музыкою (не помню чьей) и въ "оперномъ домъ" (Opernhaus), гдъ давали "Das unterbrochene Opferfest" (прерванное жертвоприношеніе) Петра фонъ-Винтеръ.

Въ послъдующее же воскресенье г. Юлій Цезарь отвезъ насъ въ Ваккербартсру къ д-ру Карлу Лангъ.

IX.

Въ послъднемъ письмъ я уже указалъ на основные принципы воспитанія, какихъ придерживались педагоги Ланговскаго заведенія. Сообразно съ оными именно-то и распредълялись сколь возможно равномърно умственныя и тълесныя наши занятія. Будили насъ, конечно, довольно рано: зимою въ 6 часовъ, а въ лътнее время часомъ раньше, — барабаннымъ боемъ, что лежало на обязанности "Онкеля" Букк'а.

Это быль шуринь директора, красивый, плотный блондиньхолостякъ летъ 36-ти съ кудрявой головою, и, какъ говорится, мастеръ на всв руки, за исключеніемъ, однакоже, наукъ. Жизненный его путь быль самымъ пестрымъ, можно сказать: романтическимъ. Юношею еще (говорила модва) состояль онь солистомь по балетной части при какой-то странствующей труппъ актеровъ; потомъ присталь къ обществу молодыхълюдей, скучившихся, подъ названіемъ "Deutscher Turn $verein^{\alpha}$, вокругъ исторически-извъстнаго германскаго гимнаста и рыянаго противъ французскаго ига поборника, "Vater Jahn", подъ руководствомъ котораго Буккъ сдълался замъчательнымъ гимнастомъ и фектовальщикомъ; въ 1813-мъ году вступилъ онъ въ эскадронъ конныхъ егерей летучаго отряда, прозваннаго "чортовой охотою" (Wilde Jagd), который тогда устроивался въ г. Лигницъ (въ Силезіи) славнымъ прусскимъ партизаномъ маіоромъ Фонъ-Лютцовъ. За отличіе въ сраженіяхъ Буккъ, по окончаніи войны, быль награждень знакомъ жельзнаго креста. Насъ онъ обучалъ гимнастикъ, танцамъ, фехтованію, плаванію, садоводству, картонажному искусству и декламаціи, при чемъ равномірно руководствоваль онъ и нашими общими играми да театральными представленіями. Онъ былъ честивйшій и добродушивйшій, ввчно веселый малый, и мы, дъти, очень любили своего "Онкельхенъ".

Барабанный réveil продолжался минутъ съ десять: кого послъ

того застали еще въ постель, того оставляли безъ завтрака. На одъевние и умывание, — при ченъ требовалось ежедневное треніе губкою не только шен, но и всего туловища, - опреприемо общо съ полчаса. Потомъ односнальники" (если позволите нив такъ выразиться) каждаго дортуара выстранвались въ два ряда, и подъпредводительствомъ своего (тутъ же спавшаго) спеціальнаго гувернера, — изъ неженатыхъ младшихъ учителей, — спускались, — младшія отділенія впередъ, — по главной лестици внизь въ ресекторию (транезную). Это быль огромиваний явадратный заль въ нижнемъ этажь по среднив всего дома, наполовину выступающій за личію настоящаго фронта зданія, съ тремя дверьми въ садъ, и по объ стороны котораго находинсь влассныя залы. Въ бельэтажь помыщались музен (онзическій, естественно-историческій, географическій съ этнографическимъ), библіотека и музыкальные классы, служившие вибств съ твиъ также и рекреационными залами. Третій этажь занимали самъ директоръ и его два зятя, отставвой поручивъ артилеріи Эмиль Гейнце и Д-ръ Карль Фогель съ своими семействами. Въ 4-иъ этажъ, наконецъ, въ пространвыхъ, хорошо устроенныхъ мансардахъ, находились наши дортуары. Отдальный же большой павильовъ, находившійся недалеко отъ дома, въ паркъ, служилъ заломъ для танцованія и фектованія и въ немъ же на зиму устранвалось несколько снарядовъ для гимнастики. Настоящая же гимнастическая арена была на концв весьма пространнаго плаца между домомъ н риметчатой чугунной оградою. По средний этого пространства находился бассейнъ съ фонтановъ, а по объивъ сторонавъ его тянулись ряды многочисленных миніатюрных садиковъ, удъляемыхъ воспитанникамъ въ собственное ихъ распоряжение.

Пришедши въ рефекторію, всю середину которой постоянно занимали длинные столы образовывавъ большую, широкую форму "покоя", мы устанавливались, каждый на опредъленномъ ему мъстъ, за табуреткою, приставленной къ столу. Д-ръ Лангъ занималъ средину, а его два зятя, равно какъ и прочіе учители размъщались, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, между воспитанниками. Прежде чъмъ садиться, директоръ читалъ молитву Господню, при чемъ протестанты по своему обычаю складывали объ руки, а православные и римскіе католики крестились, каждый по своему обряду. А за-

твмъ приступали къ завтраку, который состояль изъ большой вружки молока, съ порядочнымъ домтемъ бълаго хлъба. Лътомъ давалось парное, зимою же теплое молоко. Въ теченіе вимняго сезона молоко иногда замвнялось либо овсяной, либо крупяной, немного подмасленной похлебкою, а иногда "водянымъ супомъ" (Wassersuppe). Это послъднее произведение ультра-экономной нъмецкой стряпни заключается въ жидкомъ отваръ изъ кореньевъ, въ которомъ распущено немного масла, и которымъ обливаются поджаренные тоненькіе ломтики бълаго хлеба. Предоставляю Вамъ, любезный читатель, судить, какое впечативніе производиль подобный режимь на болве или менње избалованнаго русскаго барчука? Не знаю я навърное, подвергался ли Анатолій Демидовъ подобному завтраку? но думаю, что нътъ: ибо онъ съ своимъ французомъ гувернеромъ, съ своимъ камердинеромъ и англійскимъ грумомъ да съ своими верховыми лошадьми, занималь особое отделение въ двухъэтажномъ флигелъ во дворъ, насупротивъ задняго фасада главнаго зданія.

Завтракъ кончался зимою въ половинъ восьмаго, а лътомъ въ половинъ седьмого часа; учене же начиналось ровно въ 8 часовъ. Слъдовательно зимою нашлось полчаса свободнаго еще времени, а лътомъ полтора часа. Зимою мы отправлялись въ рекреаціонные залы (каждое по возрасту отдъленіе имъло отдъльный рекреаціонный залъ), а лътомъ въ "наши собственные" садики. Но нимало не возбранилось, употреблять это же время на репетированіе уроковъ, лишь бы это производилось при движеніи тъла, т.-е. на ходу.

Отъ 8-ми часовъ до полудня мы находились въ классахъ. По окончании ученія давалось четверть часа на уборку книгъ и тетрадей, для коихъ каждому воспитаннику опредълялись по ящику въ классныхъ столахъ и по особо запираемому отдълу въ общихъ вдоль стънъ стоявшихъ шкапахъ.

Посль того, мы тымь же порядкомь, какь къ завтраку, собирались и устраивались къ объду, предъ которымъ и посль котораго директоръ опять говориль подходящія молитвы. Объдъ состояль изъ трехъ блюдь: изъ супа или похлебки, изъ мяса съ овощами, да изъ "Mehlspeise" (блюдо, изготовленное въ разныхъ видахъ, изъ муки, масла и яицъ или молока); послъднее заступало мъсто пирожнаго. Питьемъ служило конечно "Gänse-

wein" (гусиное вино) сиръчь вода, которая дъйствительнооказалась необыкновенно чистою, потому что была родниковав и сверхъ того тщательно фильтрированная.

Въ часъ мы вставали изъ-за стола и опять препровождали время или въ рекреаціонныхъ залахъ или въ садикахъ, но заниматься репетированіемъ уроковъ послё обёда запрещалось.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ происходило опять ученье. Въ 4 часа мы снова собирались въ трапезную, гдв намъ раздавали по большой "Бемме" (два равныхъ ломтя хлѣба, между которыми намазано немного сливочнаго масла), но хлѣбъ на сей разъ бывалъ полубѣлый. Къ этому каждому доставалось: въ зимнее время по пятку сушеныхъ грушъ или яблоковъ, ("Huzeln") а въ лѣтнее время, глядя по сезону, либо по тарелочкѣ ягодъ (малины или бѣлой и красной смородины, или вишень, или крыжовнику), либо по парѣ большихъ яблоковъ или грушъ, либо по десятку сливъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ, во время собиранія винограда, по грозду бѣлаго или синяго винограду. Это дѣйствіе удовлетворенія нашихъ желудковъ называлось: "vespern" (вечерить).

До 5-ти часовъ мы снова были свободны, кромъ тъхъ, кто обучался музыкъ. Время же отъ 5-ти до 6-ти часовъ посвящалось спеціальному развитію тъла: два раза въ недълю бывало обученіе танцованію, два раза обученіе фехтованію, а остальные два раза занимались методической гимнастивою.

Съ 6-ти до 8-ми часовъ мы приготовляли наши уроки, затъмъ ужинали въ 9-мъ часу и проводили потомъ еще часъ съ небольшимъ въ рекреаціонныхъ залахъ. Наконецъ, выслушавъ еще разъ, въ рефекторіи, прочитанную директоромъ или младшимъ его зятемъ Д-ромъ Карломъ Фогель молитву "на сонъ грядущій", отправлялись въ 10 часовъ въ свои дортуары.

О подробностяхъ метода преподаванія я никакого отчета дать не могу. Это, въдь, на вовсе еще не разбуждающаго ребенка не производить такихъ живыхъ, а потому-то и глубокихъ, навсегда въ памяти остающихся впечатлъній, какъметодъ ухода за его тъломъ: ибо о подаваемой ему тълесной пищъ да о порядкъ, какому должны подчиняться его движенія, ребенокъ имъетъ полныя и ясныя понятія. Но о томъ, какимъ порядкомъ и въ какомъ видъ ему подносится интеллектуальная

HO

as

H

пища, онъ никакихъ положительныхъ данныхъ уловить не въ состояніи, и развъ только можетъ судить о нихъ въ совокупности по результатамъ, да только и сказать впослъдствіи легко или не легко принимались и переваривались его головою поднесенныя ему интеллектуальныя яства.

На этомъ основании и я также о методъ преподавания научныхъ предметовъ въ пансіонъ Д-ра Карла Лангъ могу сказать только о дъйствіи этого преподаванія на меня индивидуально. Мив двиствительно въ теченіе проведенныхъ тамъ трехъ лътъ не стоило никакого головоломанія выучиться, сначала у младшаго учителя, кандидата теологіи, Карла Рейнгардтъ, а потомъ у Д-ра Фогеля, этимологіи и синтаксису латинской грамматики, у поручика Гинце ариометикъ до пятеричнаго правила включительно, да въ географіи общему обозрвнію пяти частей свъта, и у г. Гейнриха Дрешеръ главнъйшимъ событіямъ древней, средней и новой исторіи съ соотвътственными хронологическими данными. Что въ классъ Д-ра Ланга по нъмецкому языку, да у monsieur Mitchel по французскому языку я дегко учидся и даже иныхъ изъ старшихъ опереживаль, объясняется, пожалуй, еще и твиъ, что дома уже я получиль основательную подготовку, до того, что я съ первыхъ поръ замътилъ брату Александру, будто г. Митчель (родомъ альзасецъ) не такъ выговариваетъ по-французски, какъ выговариваютъ у насъ въ Петербургъ, за что, однакоже, братъ прикрикнулъ на меня, да строго запретилъ, кому-либо говорить о томъ. Столь же легко успъваль я у Рейнгардта на клавикордахъ, а у Букка мив до того все шутя удавалось, что я сдълался его любимцемъ и протеже, и онъ потомъ во всвхъ, даваемыхъ нашими воспитанниками въ извъстные торжественные дни театральныхъ и балетныхъ представленіяхъ постоянно выбиралъ меня въ участники.

И воть почему я полагаю, что методъ тамошняго преподаванія безсомнівно быль раціональный и превосходный. По крайней мірів я, индивидуально, охотно и съ благодарностію признаю, что ваккербартсруское ученіе послужило и позднійшему также научному моему развитію весьма прочнымь основаніемъ.

Кромъ вышеупомянутыхъ учителей были, конечно, и другіе; но такъ какъ они не преподавали въ томъ отдъленіи, въ ко-

торомъ я числился, то весьма естественно, что въ памяти моей даже и слъда не сохранилось о нихъ; ни фигуръ, ни фамильныхъ именъ ихъ не помню.

Изъ мною названныхъ же лицъ двое только на самомъ дълъ достойны нъкотораго общаго нынъ еще интересса: это -- самъ учредитель и директоръ Ваккербартсрускаго пансіона и младmiй его зять. Д-ръ Карлъ Лангъ въ свое время пользовался европейской репутацією, какъ педагогъ Песталоцієвской школы, да быль извъстень еще въ Германіи не только своими сочиненіями о дотскомъ воспитавіи, но также восполькими сантиментально-правоучительными романами (à la August von Lafontaine). Спеціальною его наукою, кажется, было естествознаніе. Характеръ его оказывался въ уровень его профессіи: ровный, спокойный, добрый, дасковый. Онъ быль строгъ, но справедливъ и не злопамятенъ; наконецъ онъ выказывалъ глубокую религіозность, безъ малъйшей примъси ханжества. Росту онъ былъ довольно высокаго, но скорве принадлежаль въ сухопарымъ, чемъ въ плотнымъ. Лицо у него было продолговатое гладко выбритое; волосы цвота, какъ говорятъ французы: sel et poivre. Лътъ ему на видъ было не болъе 55, хотя говорили, что ему даже много за 60 перевалило. Одъвался онъ весьма прилично, въ сертукъ и длинныя панталоны въ обыкновенные дни съраго, а въ праздники чернаго цвъта; жилеть и галстухъ бълые; жабо гофрированныя, а высоко изъ-за галстука высовавшіеся воротнички туго накрахмаленные. Лътомъ носиль онъ костюмъ того же покроя, но изъ китайки золотистаго цвъта. Голову его, когда онъ выходилъ (даже во время пъшеходныхъ путешествій), покрываль высокій цилиндръ, на правой сторонъ котораго красовалась кокардочка бълаго цвъта съ свътло-зеленымъ кантомъ. Въ то время, конечно, я не размышляль о значеніи этой кокардочки, хотя и не скрылось отъ моей наблюдательности, что такого значка не было на шляпахъ другихъ лицъ. Гораздо позже только догадался я значенія этого украшенія на цилиндръ Д-ра Лангъ. Кокардочка гербовыхъ цвътовъ Саксоніи была политическая демонстрація: Эрфуртскій дистрикть, въ силу Вънскаго конгресса (1815 г.) былъ отнятъ у Саксоніи и отданъ Пруссіи; но нашъ директоръ, бывъ родомъ изъ тъхъ мъстъ, не признавалъ этого насильственнаго отрыва своихъ

УЛИ ИНА ТОТО ВИКТОРОВИЧА

> родныхъ мъстъ отъ коренной общей отчизны, и носилъ саксонскую кокарду въ демонстрацію того, что онъ себя пруссакомъ никакъ не считалъ. Умеръ же Д-ръ Карлъ Лангъ еще при мнъ, осенью 1821-го года, и былъ похороненъ въ Ваккербарстсру же близъ домашней капеллы среди верхняго сада.

> Пансіонъ продолжаль, однакоже, существовать еще нъсколько льть подъ въдъніемъ двухъ затьевъ покойнаго, изъ которыхъ младшій, Д.ръ Карлъ Фогель, какъ имъвшій ученую степень, считался офиціальнымъ директоромъ. Когда же именно и почему совствиъ прекратилось это воспитательное заведеніе, мнъ неизвъстно, такъ какъ въ іюнъ мъсяцъ 1822-го года мы съ братомъ воротились на родину.

Д-ръ Фогель, которому тогда было 29 или 30 лътъ, ознаменовалъ себя позже (какъ я узналъ въ 1863 г.) своей всеобщей эрудиціею и былъ долгое время директоромъ 1-ой гражданской школы въ Лейпцигъ, въ какомъ званіи онъ и умеръ въ срединъ 50-ыхъ годовъ. Одинъ изъ его сыновей знаменитъ своими учеными экспедиціями въ Африку, гдъ и пропалъ безъвъстей о немъ, а старшая дочь Элиза Полько извъстна въ Германіи какъ сочинительница повъстей.

X.

Къ основнымъ установленіямъ нашего пансіона, по примъру обычаевъ славившагося нъкогда Песталоціевскаго заведенія, принадлежали также ежегодныя, въ сентябръ мъсяцъ совершаемыя, пъшеходныя экскурсіи всего института іп согроге т. е. участвовали въ нихъ, подъ предводительствомъ самого директора и въ сопровожденіи большей части учителей, всъ воспитанники, за исключеніемъ весьма немногихъ, по какимъ нибудь особеннымъ резонамъ отпущенныхъ къ своимъ родителямъ. Экскурсіи эти имъли двоякую цъль: развитіе тълесной силы пріученіемъ къ перенесенію трудностей и лишеній въ походахъ, и развитіе понятій о дъйствительномъ міръ посредствомъ собственнаго смотрънія на житье-бытье людей въ разныхъ городахъ, мъстечкахъ и селеніяхъ. Кромъ того маршруты этихъ пъшеходныхъ путешествій опредълялись всегда такимъ образомъ, чтобы путь ихъ проходилъ черезъ такіе именно

города и мъстечки, которые либо имъли историческое значение, либо славились своими достопримъчательными зданіями или заведеніями, или музеями, либо, наконецъ, просто особенною красотою своего мъстоположенія. Все, что намъ встръчалось видъть, служило во время самаго пъшеходнаго пути предметомъ разговоровъ какъ самого директора, такъ и каждаго учителя съ группою окружавшихъ его воспитанниковъ. А когда посъщались историческія мъста или достопримъчательныя зданія или музеи, тогда кто-либо одинъ изъ преподавателей бралъ на себя роль всеобщаго объяснителя-чичероне въ виду самаго предмета.

При проходъ чрезъ горныя мъстности или чрезъ лъса, наши наставники обращали вниманіе наше на красоту Божіей природы въ безконечныхъ ен варіаціяхъ; толковали намъ, не мудрствующею, а дътямъ удобопонятною, ръчью о чудесахъ міротворенія: о горахъ и ихъ подземныхъ тайнахъ, о законахъ растительнаго міра, выказывающихся равно какъ въ въковомъ дубъ, вершины котораго нашъ глазъ едва лишь достигалъ, такъ и въ тоненькой травкъ подъ нашими стопами; о разности породъ и птичекъ и бабочекъ, которыя мимо пролетали; указывали на различія въ характерахъ жилищъ, одежды и обычаевъ обывателей въ разныхъ мъстностяхъ по мърътого, какъ мы проходили ихъ одну за другою, и т. п.

Эти чрезвычайно занимательные разговоры и толкованія не только коротавъ маленькимъ пъщеходамъ время, но и заставивъ ихъ забывать про случившуюся иногда усталость, давали имъ богатую и здравую пищу для ума и сердца, потому что они развивали въ воспріимчивыхъ юношахъ какъ глубокое признаніе безконечныхъ чудесь не имъющей ни начала ни конца въковой природы, такъ и благотворную, во всякомъ дитяти самимъ Господомъ Богомъ вложенную, искру поэтического настроенія. Эти же два начала раціонального воспитанія не могуть не привести къ искренно-душевному убъжденію въ существованіи поистинъ въчнаго, встыь сердцемъ нашимъ прославляемаго "Единаго Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ". Узнавъ, что жизнь, болъе или менъе подобная нашей собственной жизни, одушевляеть не только всякую движущуюся тварь, но и каждое деревцо, каждый цветокъ, -- отрокъ невольно окомъ поэтическаго настроенія сознаеть общую связь, общее сродство между собою и всей окружающею его Божьей природою; онъ невольно же обнимаеть ее; въ немъ проснется сочувствіе и состраданіе къ каждой твари, къ каждому деревцу и цвътку; невольно же и все болье да болье наипаче "полюбить онъ ближняго своего яко самого себя".

Да! настоящіе зачатки истинной візы человіна могуть единственно только основываться на развитіи въ ребенкі какъ признанія безконечныхъ чудесъ и безпредільныхъ красотъ Божьяго міротворенія, такъ равно и безпрекословно таящейся во всякомъ, "созданномъ по Божьему образу", человікт божественной искры поэтическаго чувства. Истинная візра среди интеллигентнаго міра, по глубокому моему убіжденію, лишь оттого начала исчезать, что мало-по-малу вообще изъ программы воспитанія стали вытіснять поэтическое настроеніе, замінивъ его сухимъ и бездушнымъ матеріализмомъ.

Въ двухъ таковыхъ пъшеходныхъ экскурсіяхъ, а именно въ экскурсіяхъ 1820-го и 1821-го года участвовалъ и я. Оба путешествія были разсчитаны на довольно ровныя дистанціи, т.-е. оба простирались приблизительно на 45 миль (315 верстъ). Отхаживали же мы ежедневно среднимъ числомъ отъ 2 до 2½ мили, къ тому жъ и съ привалами еще, да въ главнъйше намъченныхъ пунктахъ дневали, такъ что каждая экскурсія продолжалась отъ 26-ти до 28-ми дней.

Костюмъ и походная амуниція, для всёхъ одинакіе, какими мы снаряжались въ эти экскурсіи, были весьма просты, но цёлесообразны и удобны, а вмёстё съ тёмъ и довольно красивы. Одежда состояла изъ двубортной коленкоровой куртки зеленаго цвёта съ карманами по бокамъ не только снаружи, но и внутри, изъ вырёзнаго жилета и изъ довольно широкихъ панталонъ. У каждаго воспитанника было по два костюма, одинъ изъ боле грубой матеріи — для дороги, а другой парадный, получше. Жилетъ и панталоны, въ дорогу надёваемые, были изъ сёрой китайки, а для парада — изъ бёлой, бумажной ткани, называвшейся "Englisch Leder" (англійской кожею). Башмаки носились маловырёзные, съ толстыми подошвами, края которыхъ оковывались вокругъ узкой, такъ сказать, лентою изъ тонкой стали. Рубашки употреблялись съ отложными воротниками, которые слегка подвязывались малиновымъ шелко-

вымъ шарфикомъ. Въ запасъ бралось съ собою по 2 рубашки, по 2 пары нижнихъ штановъ, по 2 пары чулковъ и паръ башмаковъ, что все виъстъ съ параднымъ костюмомъ, равно какъ и все нужное для ежедневнаго туалета (въ томъ числъ и маленькое зеркальце) укладывалось въ наплечный ранецъ, сверхъ котораго прикръплялся (какъ у солдатъ) скатаннымъ простой круглый плащъ изъ съраго сукна. Шапочка изъ сукна зеленаго цвъта съ тоненькимъ золотымъ галуномъ вокругъ и съ маленькимъ козырькомъ да довольно кръпкая палка съ темными пятнами (Ziegenhainer) съ желъзнымъ оконечникомъ довершали путевой снарядъ.

Въ 1820-мъ году дальнъйшею и главною цълью экскурсіи быль Гарцъ и къ тому же именю вершина его Броккенъ. По пути къ нему было предназначено посттить города; Мейссень, Ошаць (куда нась въ гости ожидаль отець двоихь изъ упомянутыхъ уже товарищей моихъ, богатый фабрикантъ Винклеръ), Лейпцигъ, Галле да знаменитый замокъ Вартбургъ. А при возвращении отъ Броккена мы должны были знакомиться съ городами Дессау и Виттенбергомъ и съ знаменитой кръпостью Торгау, откуда предположено было вернуться въ Ваккербартсру черезъ охотничій замокъ Губертсбургъ. Въ Мейссенъ, конечно, осматривали мы славившуюся королевскую фабрику фарфоровыхъ изділій, а въ Лейпцигъ какъ разъ поспъли къ большой осенней ярмаркъ (Michaelis-Messe), пользовавшейся тогда еще огромнымъ значеніемъ въ торговомъ міръ средней Европы; нынъ же, вслъдствіе легкаго и скораго, а потому и гораздо болъе удобнаго пути жельзныхъ дорогъ, какъ торговое сообщение, такъ и отправленіе товаровъ измінилось во многомъ; а потому лейпцигскія ярмарки европейскаго значенія уже не имъють. Самъ по себъ Лейпцигъ тогда показался мнъ очень непривлекательнымъ. Настоящій городъ, т.-е. главная или внутренняя его часть, быль въ то время нерегулярнымъ многоугольникомъ, окруженнымъ высокою каменною оградою грязнаго цвъта и довольно широкимъ рвомъ, на див котораго лучи солнца отражались въ какой-то темно-зеленоватой жидкости. Въ эту кръпостцу вели чрезъ ровъ, съ разныхъ сторонъ, нъсколько подъемныхъ мостовъ (которые, впрочемъ, видимо никогда не поднимались) и столько же двойныхъ жельзомъ обитыхъ вороть, у которыхъ снутри караулили солдаты въ желтыхъ мундирахъ какой-то смъшной формы. Отъ однъхъ вороть до другихъ, напр. отъ Петровскихъ (Petersthor) до Ооминыхъ (Thomasthor), которыя выходять почти въ соотвътственно противоположную сторону, не болве полверсты. Улицы узкія, темныя отъ высокихъ старинныхъ домовъ въ 4 и въ 5 этажей. Понравились мив только древнія зданія ратуши и собора св. Өомы. Влизъ последняго, примкнувъ въ городской стене, у camoro Thomasthor стоить 2-этажный домикъ, въ которомъ нъкогда жилъ великій музыкантъ Себастыянъ Бахъ. Понравилось мив также увеселительное заведение, называемое "Kuchengarten" (садъ пирожковъ), составившее тогда часть огромнаго парка, принадлежавшаго фабриканту Лургенштейну. Здёсь угощаль нась Д-ръ Лангъ пирожками и вкуснымъ пивомъ зодотистаго цвъта (Weissbier). — Противъ Петровскихъ воротъ, на гласист, ради ярмарки, были устроены балаганы съ разными представленіями. Сравнивъ ихъ съ нашими балаганами въ Петербургъ на пасхальной недълъ, я нашелъ все это отвратительнымъ. Затвиъ осмотрвли мы поле Лейпцигскаго сраженія (1813 г.), гдъ, отысканный въ близлежащемъ селъ Конневицъ какой-тој инвалидъ-чичероне толковалъ намъ многоръчиво о позиціяхъ соединенныхъ противъ французовъ трехъ армій (изъ чего, конечно, мы, младшіе воспитанники, ровно ничего не поняди) да повелъ насъ къ мъсту, гдъ, во время битвы находились будто нашъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, и австрійскій императоръ Францъ I, дочь котораго Марія Луиза была супругою общаго ихъ врага — Наполеона, императора французовъ. Мъсто это было прозвано "Dreiherrenstein (камнемъ или скалою трехъ владыкъ); но я никакъ не помню, чтобы я увидълъ тамъ что-либо такое, что было бы похоже на камень или скалу. Въ совершенно противоположной сторонъ окружностей Лейпцига намъ показали мъсто, гдъ происходило Лютценское сражение (въ 1632 г.), между королемъ Густавомъ Адольфомъ шведскимъ и Валленштейномъ Осматривали мы, наконецъ, еще двъ достопримъчательности Лейпцига: въ Дрезденскомъ форштадтъ (т.-е. предмъстьъ) грандіозное (особенно для того времени) типографское заведеніе фирмы Таухницъ и въ сель Голись домикъ, гдв жилъ

Шиллеръ, когда онъ писалъ свою трилогію "Валленштейнъ" и "Пъснь о колоколъ".

Объ университетскомъ городъ Галле того времени я ничего не помню. Въ Вартбургъ показали намъ комнату, въ которой жиль Мартинъ Лютеръ, подъ именемъ юнкера (т.-е. барича, жик двориниям) Георга, кожда посять Ворискаго сейма (въ 1521-мъ г.) онъ скрывался отъ преследованія католической партіи. Туть же занядся онъ переводомъ библіи на нъмецкій языкъ. Во время этого труда, иногда къ Лютеру (по его же разсказу) являлся самъ нечистый духъ, чтобы помъщать ему, и наконецъ до того раздосадоваль реформатора, что сей последній схватиль огромную свою чернильницу да швырнуль ею въ искусителя. Ловкій чортъ улизнуль, а чернильница вдребезги разбилась объ стъну, оставивъ на ней размащистое черное пятно, которое съ тъхъ поръ тамошними кастедянами было тщательно охраняемо и до сихъ поръ еще охраняется какъ священная реликвія и всемъ посетителямъ всегда показывалась, какъ самая выдающаяся достопримъчательность Вартбурга. Мы, т.-е. отроки Ланговскаго пансіона, съ внутреннимъ трепетомъ разсматривали этотъ въ извилистыя формы разлившійся чернильный кляксъ на бълой стэнъ, и помощію живой дъгской фантазіи намъ таки удалось убъдить себя, что это пятно похоже на силуэтъ фигуры съ рогами и съ конскими ногами.

На Броккенъ встрътить восхожденіе солица дъйствительное наслажденіе. Лучами поднимающагося дневнаго свътила малопо-малу разсъваемые туманы принимають столь различныя, до неимовърности фантастическія формы, какъ будто хотять подтверждать всъ старинныя преданія о совершившихся на Броккенъ вельзевулскихъ празднествахъ. Но эти волшебныя туманныя картины такъ много разъ уже описаны были, что мнъ здъсь нътъ никакой надобности о нихъ далъе еще распространяться.

Равно я умалчиваю и о городахъ Дессау и Виттенбергъ и о Торгауской кръпости, потому что то, что, какъ новость, занимало 8 лътняго мальчика никакъ уже ни ново, ни занимательно для взрослаго, а тъмъ паче для взрослаго нашей эпохи. Упомяну только еще про древнюю лътнюю резиденцю Ангальтъ-Дессаускихъ герцоговъ, замокъ Вёрлицъ, и про охот-

ничій замокъ нѣкогда могущественныхъ куроюєтовъ и ихъ потомковъ, довольно обезсиленныхъ королей Самсоніи: Губертсбургъ. Самымъ замѣчательнымъ представляются въ Вёрлицѣ великолѣпные паркъ и сады и въ особенности фонтаны; а между тѣмъ описывать ихъ можно немногими словами: это копіи съ парка, съ садовъ и съ фонтановъ стараго Версальскаго дворца, —монументальныя свидѣтельства о легконысленной расточительности тщеславнаго владыки довольно интіасторнаго и бѣднаго княжества*), вздумавшаго соперинтать съ самимъ по себѣ уже, конечно, также расточительнымъ, но все же могущественнымъ королемъ одного изъ общирнѣйшихъ тогда и богатѣйшихъ государствъ Европы.

Охотничій замовъ Губертсбургъ достоинъ упоминанія: во 1-хъ, какъ свидътель романа разыгравшагося въ началь XVIII-го въка между курфюрстомъ Августомъ II, прозваннымъ "мощнымъ" (бывшимъ союзникомъ императора Петра I противъ Карла XII шведскаго) и прекрасной графинею Авророю Кёнигсмаркъ. Плодомъ этого романа явился Морицъ графъ Саксонскій, впослъдствіи маршалъ французской службы и авантюристъ претендентъ на руку Анны Іоанновны, герцогини Курляндской, сдълавшейся потомъ императрицею Россіи. Во 2-хъ же, Губертсбургъ замъчателенъ какъ мъсто, гдъ въ 1763 г. послъ семилътней войны былъ заключенъ мирный договоръ между Пруссіею и Австріею. Намъ показали комнату, и столъ, на которомъ подписывался трактатъ, а равно и кресла, на которыхъ возсъдали уполномоченные министры.

XI.

Вторая экскурсія, въ которой также принималь я участіє, состоялась въ сентябръ 1821 года. Цълію ея назначалась древняя столица Богеміи, Прага, и предположено было добраться до нея чрезъ Саксонскую Швейцарію и Богемскіе льса (или горы) да по пути отдохнуть три дня въ Тёплицъ, куда насъ всъхъ пригласилъ русскій богачъ, г. Николай Никитичъ Демидовъ (отепъ нашего товарища, Анатолія Демидова), поселившійся въ Тёплицъ на этотъ сезонъ. Изъ Праги же мы

^{*)} Въ начале прошлаго века Ангальтскія владенія распадались на три отдёльных княжества.

должны были возвратиться на ръчномъ кораблъ внизъ по теченію ръки Эльбы до Дрездена.

По своему характеру это второе путешествіе во многомъ отличалось отъ перваго. Правда, что при первой экскурсіи дорога наша отъ низменныхъ дейпцигскихъ равнинъ чрезъ Галле къ Гарцу постоянно поднималась въ горы и наконецъ достигла до значительной высоты; правда что и на этомъ пути мы проходили чрезъ довольно густыя (преимущественно дубовые и буковые) льса; что обыватели этихъ свверо-германскихъ возвышеній, прямые потомки древнихъ тюрингійцевъ, выказывали нъкоторое племенное различіе оть обывателей равнинъ между Эльбою и Одеромъ, но общая, все нивеллирующая европейская культура значительно уже поработала и надъ этими также мъстностями; въ жилищахъ, въ одеждъ и въ обычаяхъ тюрингійцевъ ничто не поражало насъ ярко выдающимся различіемъ, да къ тому же и наръчіе казалось совершенно одинаковое. Даже самыя горы-то казались подчинившимися культуръ; лъса, заботливо вычищеные, походили болъе на парки, а между ними красовались частыя селенія да тщательно насаженные виноградники, и только самъ Броккенъ съ ближайшею его окрестностью сохранили довольно еще следовъ первобытной, некогда здесь царившей буйной, дикой природы.

Совстмъ иной характеръ выказывали горы между Дрезденомъ и Тёплицемъ. Безспорно что въ самой-то Саксонской Швейцарін затыйливые труды трактирщиковъ-спекулянтовъ тогда уже (а нынъ и подавно) все болъе и болъе придавали этой горной мъстности физіономію художественно-устроеннаго парка; но, такъ какъ наиглавнъйшимъ художникомъ-строителемъ этого парка все-таки была сама недостигаемая въ своихъ твореніяхъ волшебница-природа, то даже излишнія ухищренія мълкаго людского расчета не въ состояніи были уничтожить всей первобытной красоты представляющихся взору безчисленныхъ фантастическихъ картинъ могущественной природы. Несмотря на досадливую облизанность, которая иногда придана видамъ Саксонской Швейцаріи слишкомъ изысканно выстроенными реставраціями, нельзя не восхищаться такими чудными панорамами, какія представляють: Фельзенторъ, Бастей, Кушталь, Винтербергъ, Пребишторъ и т. д.

Напротивъ же того, горная мъстность за культурною частію. Саксонской Швейцаріи до высоты Богемскихъ лісовъ и самые эти Богемскіе лъса почти вплоть до Тёплица сохранили, по крайней мъръ еще въ 1821 г., всю дъвственность первобытнаго состоянія. Толстые, мохомъ обросшіе стволы и густыя вътви сплетавшихся въ темныя куполы въковыхъ сосенъ и елей, между которыми иногда попадались также и старыя буковыя деревья, приводили насъ, дътей, въ неописанный восторгъ. Какъ вольно и полно дышалось на этомъ широкомъ раздольъ, среди вольной и широкой природы, далеко-далеко отъ оковъ и стесненій мизерной людской суеты. Переходы дълывались самые маленькіе, и поэтому намъ не запрещалось разсыпаться по сторонамъ и собирать лъсные цвъточки, да гнаться за бабочками или жучками: это было уже не путешествіе, а безпрерывныя игры дітей при постоявно мінявшихся декораніяхъ.

Въ этихъ лъсахъ я впервые увидълъ угольщиковъ за работою около углежигательныхъ ямъ (Meiler). На самой же границъ Богемской мы дневали на большомъ казенномъ горномъ заводъ, Берггисгюбель, и я съ большимъ любопытствомъ глазълъ на закоптълыя фигуры рудокоповъ въ оригинальныхъ ихъ костюмахъ. Директоръ, нъсколько учителей и воспитанники старшаго отдъленія, нарядившись въ одежду рудокоповъ, спустились въ шахту, а намъ остальнымъ, напрасно надъявшимся на участіе въ этомъ вояжъ въ преисподнюю, — оставалось только вздыхать!

Дорога, по которой мы спускались въ Богемію, вела мимо селенія Марія-Кульмъ (если не ошибаюсь, то въ ономъ или близъ онаго монастырь); тамъ въ 1813 году соединенные отряды русскихъ и прусскихъ войскъ въ пухъ и прахъ разбили французскій корпусъ, пробиравшійся изъ Богеміи въ Саксонію для подкръпленія главной арміи Наполеона, стоявшей въ окрестностяхъ Дрездена. При этомъ самъ командиръ французскаго корпуса *) былъ взятъ въ плънъ русскими казаками. Намъ показали чугунный памятникъ (въ видъ небольшой пирамиды изъ гирляндъ) въ честь павшихъ здъсь русскихъ воиновъ.

Какъ только мы вышли на Чежскую территорію, то съ

^{*)} Маршалъ Ванданъ.

перваго уже попавиталися выих на такка селена, съ первых в уже встричаеных выих полекву», то первых уже ото намууслышанных словь, им исля убъргаса на строином различи между той страном. Ступь им примен, и той страном. въ которую им вступых выкина, пренед, скиму тыть липъ и языкъ — все, все объргали, что на телеса находились среди совершенно поттагу вышеля. Стапрактельно эта вторая экскурсія навизатицивантиму ображону обоскумих нами вознанія въ этнографическому каже отвоинения, чему комечно веська иного способствовали указания и парувожения намить наставниковъ.

Въ Теклина, – высъ сана обою залумбется, – насъ, дътей превнуществения занимали боскозе угощение со стороны и-ма Деничной и парочите има кла паста устроения развыя увеселенія. Для трехівенняго повідники павісняв быль нашять BOCS BERRIÈ STARTS CIVIE, EST. LEITANNE TINTERS CARACO BAPER. Въ тоть же саный день, кать им плибыли въ Теплинь, им нариднишесь, констно, из парадные костична, но съ ранцами на ссинь и се патгани ве балете на ве палевоне строю протесливновати ими г. Тенит за и потращией владытельницы Тепледа (какой-то старуки-княгини) и ихъ гостей, возовдавшихъ на терјась дона, служащаго богатьйшену въ то время изъ русских набобовъ сезонной резидентею. Затьиъ Асятичи вясь вр отнинищей чтоер за тимини бать стотовр и угощали роскошнымъ объдомъ. Послъ объда всъ раздълились на группы, баждая оболо обычнаго своего наставника, и отправились осмотръть курзаль и паркъ. Въ это же вреия прибъжать Анатолій Демидовъ съ своимъ гувернеромъ, звать въ своему отцу чай пить д-ра Лангь и своихъ "земляковъ", т.-е. меня и двоихъ монхъ братьевъ, нбо съ полгода тому назадъ также и старшій брать (глухо-ивиой) Пванъ быль изъ Берлина переведенъ къ намъ въ Ваккербартсру. О чемъ г. Денидовъ съ нами говорилъ, конечно, я нынъ не помию. Но что онъ самъ и всъ окружающе его лица меня крайне интересовали, и что и съ большимъ любопытствомъ за всвиъ. что дъялось въ этомъ обществъ, слъдиль и все высматриваль. такъ это върно, и темъ болъе, что и въ последующие два дия Анатолій*) — болве всего, въроятно, чтобъ не скучать

^{*)} Самъ по себъ Анатолій Денидовъ, коти и крайне избалованний, а котону и нустой барчувъ, билъ, впроченъ очень дасковий и сердценъ добрий мальчикъ.

1.1

. با کونون

--

=

3

одному между взрослыми — раза по два къ себъ тащилъ, меня въ качествъ земляка и однолътка. Но мы два русскихъ земляка, разговаривали между собою по-французски, потому что Анатолій Демидовъ не зналъ по-русски. Меня же, во всъ истекшіе два года моего пребыванія въ Германіи, въ незабываніи роднаго языка поддерживали (кромъ чтенія иногда присылаемыхъ мнъ отцомъ русскихъ дътскихъ книгъ) разговоры съ братомъ Александромъ, да въ особенности съ моимъ дядькою, хромымъ Василіемъ, грамотнымъ портнымъ и новгородскимъ уроженцемъ, котораго, однакоже, къ крайнему моему сожальнію, недавно тогда потребовали назадъ въ Петербургъ.

Какихъ лътъ былъ г. Демидовъ, я не помню; да и трудно было бы отгадать по болъвненному его виду: онъ страдалъ, кажется, подагрою. Сидълъ онъ все на большомъ, мягкомъ креслъ-самокатъ, одътый въ сюртукъ темно-коричневаго цвъта, но съ ногами, закутанными въ теплое шелковое одъяло малиноваго цвъта. На головъ носилъ онъ картузъ изъ темнаго бархата. Черты лица были пріятны (Анатолій очень походилъ на вего), выраженіе ласковое, но крайне гордое. Кажется, что были у вего небольшія съдоватыя баккенбарды.

Прислуга окружала его безчисленная. За кресломъ его торчалъ всегда дътина огромнаго роста, въ мундиръ "егеря", въ родъ тъхъ, какіе бывають у иностранныхъ посланниковъ, да у каждыхъ проходныхъ дверей стояло по паръ лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ. Болъе приближенными лицами оказались трое. Во 1-хъ, полный, солидный старикъ лътъ около 50-ти въ черномъ фракъ, въ короткихъ штанахъ и въ чулкахъ да башмакахъ, съ напудренными волосами à la Titus. Во 2-хъ, господинъ лъть 33-36, съ наружностью "very becoming", съ остроумнымъ выражениемъ въ тонкихъ красивыхъ чертахъ лица, съ густыми, тщательно расчесанными баккенбардами и слегка завитыми спереди волосами каштановаго цвета; на немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами и черныя длинныя панталоны при башмакахъ. Носиль онъ золотые очки, а въ рукахъ держалъ цилиндръ. Третье, наконецъ, лицо оказалось молодымъ человъкомъ никакъ не болъе 25 ти лътъ, съ полнымъ, здоровымъ, но совершенно безвыразительнымъ лицомъ и съ въчной улыбкою на толстыхъ губахъ; въ своемъ костюмъ онъ представлялъ копію съ только что описаннаго госпо ина но очковъ не носилъ. Порядочный господинъ нах дея сегда (дизко воздъ г. Демидова, по правую руку его, т иногда возсъдалъ даже на стулъ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лъвую его сторону. Къ нему послъдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себъ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромъ: "Oui, monseigneur!" и "non, monseigneur!"

Старикъ же держался совсвиъ поотдаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болъе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ. "Le vieux (сказаль онь) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de "grand-maître" (оберъ-гоомейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé "gentilhomme de la chambre" (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant "m-r Isidor"; mais moi, - voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que "Sidiorkà". Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme "chambellan" (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse" *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропъль ему "Er lebe hoch! hoch! hoch!"

Изъ тёплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

^{*)} Само-собою разумёется, что чрезъ 70 истекшихъ послё того лётъ я могъ передать, хотя и точный смыслъ сообщений Анатолія Николаевича, а никакъ не точныя слова его. Но выраженія "grand maître", "gentilhomme de la chambre" в "chambellan" — остались неизмъненными.

устроенную тогда въ домикъ на несовсъмъ маломъ пригоркъ Шлапкенберто самую большую камеру-обскуру, какой другой мнъ уже не встрътилось. Въ мезонинъ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бълымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстояніи около аршина открытый желъзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышъ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всъхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нъсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвътственно помъщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодъ) на означенномъ выше кругломъ столъ весьма отчетливая, котя и въ миніатюръ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Прагъ*, какъ само-собою разумъется, мы ходили посмотръть на знаменитый мостъ черезъ ръку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодътеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, епископа *Геронима Пражскаго*. Легенда повъдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мъстъ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелънію короля Венцеля (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинг* и окно въ ратушъ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совътниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лътней войны.

Изъ Праги мы прошли до мъстечка Ауссию, гдъ Молдава впадаеть въ Эльбу, а отсюда по этой уже ръкъ довхали до Дрездена на ръчномъ кораблъ (Fluss-Schiff) или, върнъе сказать, на большой парусной лодкъ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка Шандау, кръпости Кёништейнъ, и замка Пиллъницъ, лътней резиденціи саксонскаго короля. Такъ какъ эти мъстности хорошо извъстны всъмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

госпо ина даже очновъ не носилъ. Порядочный господинъ навозсъдать даже на стулъ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лъвую его сторону. Къ нему послъдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себъ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромъ: "Oui, monseigneur!" и "non, monseigneur!"

Старикъ же держался совсвиъ поотдаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болъе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ. "Le vieux (сказаль онь) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de "grand-maître" (оберъ-гофмейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé "gentilhomme de la chambre" (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant "m-r Isidor"; mais moi, — voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que "Sidiorkà". Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme "chambellan" (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse" *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропълъ ему "Er lebe hoch! hoch! hoch!"

Изъ тёплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

^{*)} Само-собою разумѣется, что чрезъ 70 истекшихъ послѣ того лѣтъ я могъ передать, хотя и точный смыслъ сообщеній Анатолія Николаевича, а никавъ не точныя слова его. Но выраженія "grand maître", "gentilhomme de la chambre" в "chambellan" — остались неизмъненными.

устроенную тогда въ домикъ на несовсъмъ маломъ пригоркъ Шлаккенбертъ самую большую камеру-обскуру, какой другой мнъ уже не встрътилось. Въ мезонинъ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бълымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстояніи около аршина открытый желъзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышъ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всъхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нъсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвътственно помъщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодъ) на означенномъ выше кругломъ столъ весьма отчетливая, хотя и въ миніатюръ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Пратъ*, какъ само-собою разумъется, мы ходили посмотръть на знаменитый мостъ черезъ ръку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодътеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, епископа *Геронима Пражскаго*. Легенда повъдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мъстъ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелънію короля Венцеля (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинъ* и окно въ ратушъ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совътниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лътней войны.

Изъ Праги мы прошли до мъстечка Ауссиг, гдъ Молдава впадаеть въ Эльбу, а отсюда по этой уже ръкъ доъхали до Дрездена на ръчномъ кораблъ (Fluss-Schiff) или, върнъе сказать, на большой парусной лодкъ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка Шандау, кръпости Кёнигитейнъ, и замка Пиллъницъ, лътней резиденціи саксонскаго кородя. Такъ какъ эти мъстности хорошо извъстны всъмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

госпо ина дет очковъ не носилъ. Порядочный господинъ нак господа сегда стизко воздъ г. Демидова, по правую руку его, и иногда возсъдалъ даже на стулъ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лъвую его сторону. Къ нему послъдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себъ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромъ: "Oui, monseigneur!" и "non, monseigneur!"

Старикъ же держался совсвиъ поотдаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болъе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ. "Le vieux (сказалъ онъ) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de "grand-maître" (оберъ-гоомейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé "gentilhomme de la chambre" (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant "m-r Isidor"; mais moi, - voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que "Sidiorkà". Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme "chambellan" (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse ".

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропъль ему "Er lebe hoch! hoch!"

Изъ тёплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

^{*)} Само-собою разумается, что чрезь 70 истевшихь посла того лать я могъ передать, хотя и точный смысль сообщеній Анатолія Николаевича, а никавь не точныя слова его. Но выраженія "grand maître", "gentilhomme de la chambre" в "chambellan" — остались неизмъненными.

устроенную тогда въ домикъ на несовсъмъ маломъ пригоркъ Шлаккенберго самую большую камеру-обскуру, какой другой мнъ уже не встрътилось. Въ мезонинъ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бълымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстояніи около аршина открытый жельзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышъ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всъхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нъсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвътственно помъщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодъ) на означенномъ выше кругломъ столъ весьма отчетливая, хотя и въ миніатюръ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Прагъ*, какъ само-собою разумъется, мы ходили посмотръть на знаменитый мостъ черезъ ръку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодътеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, епископа *Геронима Пражскаго*. Легенда повъдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мъстъ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелънію короля Венцеля (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинъ* и окно въ ратушъ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совътниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лътней войны.

Изъ Праги мы прошли до мъстечка Ауссиг, гдъ Молдава впадаеть въ Эльбу, а отсюда по этой уже ръкъ довхали до Дрездена на ръчномъ кораблъ (Fluss-Schiff) или, върнъе сказать, на большой парусной лодкъ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка Шандау, кръпости Кёнигштейнг, и замка Пилльницг, лътней резиденціи саксонскаго короля. Такъ какъ эти мъстности хорошо извъстны всъмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

госполина но очковъ не носилъ. Порядочный господинъ нака сегда дизко воздъ г. Демидова, по правую руку его, диногда возсъдалъ даже на стулъ, разговаривалъ съ нимъ, разсказывалъ анекдоты и т. п., однимъ словомъ, занималъ больнаго милліонера. Юноша держался всегда на вытяжку да немного подальше отъ г. Демидова, по лъвую его сторону. Къ нему послъдній адресовался съ весьма краткими только приказаніями, когда чего-либо требовалъ себъ подать. Да и отъ самого-то юноши я другихъ словъ не слыхалъ, кромъ: "Oui, monseigneur!" и "non, monseigneur!"

Старикъ же держался совсъмъ поотдаль отъ набоба, но всегда такъ, чтобы быть въ виду его. Г. Демидовъ, кажется, съ нимъ болъе объяснялся взглядами и знаками, и старикъ, видимо, понималъ его.

Разъ я спросилъ у Анатолія Демидова, кто эти трое лицъ. "Le vieux (сказаль онъ) a été élevé avec mon père; c'est le fils du cocher d'autrefois de feu mon grand père. Papa l'aime beaucoup, car l'autre l'a toujours accompagné dans tous ses voyages. Actuellement il occupe chez papa la place de "grand-maître" (оберъ-гофмейстеръ). Le jeune garçon là — fut depuis peu seulement nommé "gentilhomme de la chambre" (камеръ-юнкеръ) de papa; c'est le fils du vieux, et mon père l' avait fait élever au collège à Paris. Les autres le nomment maintenant "m-r Isidor"; mais moi, — voyez-vous, je ne le peux pas souffrir, et je ne le nomme que "Sidiorkà". Cela le fache éminemment, mais que c'est que cela me fait? Qu'il se fache, j'en suis content. Le monsieur auprès de papa au contraire, je l'aime beaucoup, voyez-vous. Il est fils d'un colonel pauvre, mais c'est un véritable gentilhomme. Papa a bien connu son père, et l'a engagé comme "chambellan" (каммергеръ) pour qu'il lui tienne compagnie et qu'il l'amuse" *).

На четвертый день мы простились съ г. Демидовымъ: продефилировавъ мимо него путевымъ парадомъ, весь пансіонъ аккордомъ пропъль ему "Er lebe hoch! hoch! hoch!"

Изъ тёплицкихъ достопамятностей весьма живо помню

^{*)} Само-собою разумьется, что чрезъ 70 истенших посль того льть я могь передать, хотя и точный смысль сообщений Анатолія Ниволаевича, а никань не точныя слова его. Но выраженія "grand maître", "gentilhomme de la chambre" т "chambellan" — остались неизмъненными.

устроенную тогда въ домикъ на несовсъмъ маломъ пригоркъ Шлаккенбертъ самую большую камеру-обскуру, какой другой мнъ уже не встрътилось. Въ мезонинъ этого дома, состоящемъ изъ одной только невысокой комнаты, безъ оконъ, объемомъ около 9-ти квадратныхъ саженей, стоитъ большой круглый столъ, покрытый бълымъ лакомъ. Надъ этимъ столомъ виситъ, на разстоянии около аршина открытый желъзный цилиндръ, выходящій другимъ открытымъ же концомъ чрезъ потолокъ въ уставленный на крышъ ящикъ большой камеры-обскуры съ стеклянными приборами на всъхъ четырехъ сторонахъ. Помощію нъсколькихъ передаточныхъ зеркаловъ, соотвътственно помъщенныхъ внутри цилиндра, является (при ясной, конечно, погодъ) на означенномъ выше кругломъ столъ весьма отчетливая, хотя и въ миніатюръ, панорамическая картина Тёплица со всею окружностію.

Въ *Пратъ*, какъ само-собою разумъется, мы ходили посмотръть на знаменитый мостъ черезъ ръку *Молдаву* имени Карла IV, императора германскаго и въ спеціальности короля-благодътеля Богеміи. Мостъ этотъ украшенъ статуею святаго патрона католическихъ чеховъ, епископа *Геронима Пражскаго*. Легенда повъдаетъ, что онъ на самомъ этомъ мъстъ былъ сброшенъ въ Молдаву по повелънію короля Венцеля (Вацлава, Вячеслава), котораго онъ всенародно порицалъ за порочную его жизнь, за разореніе государства и опозориваніе древней чешской короны.

Показали намъ также *Градчинъ* и окно въратушъ, изъ котораго возставшіе противъ жестокостей ультра-фанатическаго императора *Фердинанда II* чешскіе протестанты выбросили трехъ совътниковъ правительства (въ 1618 г.), что и послужило первымъ толчкомъ для кровопролитной 30-лътней войны.

Изъ Праги мы прошли до мъстечка Ауссию, гдъ Молдава впадаеть въ Эльбу, а отсюда по этой уже ръкъ довхали до Дрездена на ръчномъ кораблъ (Fluss-Schiff) или, върнъе сказать, на большой парусной лодкъ, среди возвышенныхъ береговъ Саксонской Швейцаріи, мимо красиваго городка Шандау, кръпости Кёниншейнъ, и замка Пиллъницъ, лътней резиденціи саксонскаго короля. Такъ какъ эти мъстности хорошо извъстны всъмъ туристамъ, то и распространяться о нихъ было бы совершенно излишнее.

въкъ по два рога, другъ отъ друга на полутонъ различные. Самые большіе рога, до 2-хъ аршинъ длиною, имъли форму первобытныхъ (какъ у древнихъ народовъ) басовыхъ тромбоновъ и поддерживались подставками; средней и меньшей же величины рога сохраняли первобытную свою форму. Вся серія различныхъ звуковъ, какіе получались отъ всъхъ роговъ съ самого низшаго до самого высшаго, обнимала пять октавъ съ большою секстою, а именно: отъ нижней октавы контра — до до верхней октавы отъ ноты ля, изображаемой на первой сверху придаточной линіи по системъ скрипичнаго ключа. Изъ числа всъхъ роговъ восемнадцать меньшихъ оказывались въ двойномъ комплектъ.

По естественному свойству металла (желтая мъдь), изъ котораго сдъланы были рога, и по прямой формъ ихъ, звуки этого хора имъли сильно-вибрирующій, ръзкій тембръ, а потому, конечно, производили издали гораздо болъе пріятное впечатлъніе, чъмъ вблизи. Это и служило, въроятно, причиною тому, что когда къ оберъ-егермейстеру Нарышкину на дачу изволилъ пріважать въ гости Государь Императоръ со свитою придворныхъ, то хоръ роговой музыки помъщался, хотя и на томъ же лъвомъ берегу Малой Невки (противъ Крестовскаго острова), но нъсколько поотдаль отъ Нарышкинской дачи, на Петербургской сторонъ около мъста перевоза. Такіе случан, конечно, были экстренными праздничными событіями для всей окрестности, и тогда со всъхъ концовъ собирались безчисленными толпами слушатели всвят сословій и возрастовт, покрывая собою берега Малой Невки, какъ на Петербургской сторонъ, такъ на Крестовскомъ островъ, вдоль прибрежнаго вала.

Не только въ лъто 1822-го года, но и въ послъдующіе два мнъ довольно часто приходилось слышать исполненіе хора. Разумъется, я тогда ни малъйше не разсуждаль ни о манеръ исполненія, ни о системъ состава хора; объ этомъ я догадался не ранъе какъ лътъ черезъ сорокъ, когда, по волъ судьбы, я сдълался музыкальнымъ теоретикомъ.

Очень живо помню я еще про многія пьесы, которыя своимъ эффектомъ восхищали слушающую публику, а знатоковъ даже просто поражали непостижимой аккуратностью въ исполненіи самыхъ быстръйшихъ пассажей. Къ числу таковыхъ пьесъ принадлежали увертюры изъ оперъ: "Калифъ Багдадскій" Войельдье, "Семирамида" Россини, "Іосифъ въ Египтъ" Мегюля, "Водовозъ" Керубини, "Весталка" и "Фердинандъ Кортецъ" Спонтини. Но верхъ своего искусства выказывалъ хоръ русской роговой музыки въ шикарномъ исполненіи одной блестящей новинки той эпохи, а именно, увертюры изъ оперы "Волшебный стрълокъ" Вебера, года за два или за три предътъмъ въ первый разъ данной на королевской оперной сценъ въ Берлинъ.

XIII.

Елагинскій дворець въ то время представлялся блаженнымъ пріютомъ тихаго семейнаго счастія. Тамъ проводили лѣтнее время молодой великій князь Николай Павловичъ съ супругою, великой княгинею Александрой Өеодоровной.

Маленькому великому князю Александру Николаевичу только что минуло 4 года, а Маріи Николаевнъ пошель 3-й. Въ это же самое лъто великая княгиня вела отшельническую почти жизнь по причинъ вскоръ ожидавшагося умноженія августъйшаго семейства*).

Мнъ не помнится, чтобы въ тогдашнемъ петербургскомъ обществъ много говорили о великомъ князъ Николаъ Павловичъ, ровно какъ и о младшемъ братъ царя, Михаилъ Павловичъ. Когда же изръдка заходила ръчь о молодыхъ великихъ князъяхъ, то всъ хвалили ихъ скромность и привътливость, отзывались о нихъ какъ объ образцовыхъ офицерахъ-служа-кахъ и искренно негодовали на то, что имъ обоимъ иногда жутко приходилось отъ заносчивости всесильнаго временщика, графа Аракчеева.

Какъ нынъ, такъ и тогда аллеи Елагина и Каменнаго острововъ служили дачникамъ Крестовской деревни лучшими мъстами гулянія; въ особенности хорошо было прогуливаться по нимъ въ утренніе часы, до наступленія полуденнаго жара, потому что тогда эти аллеи не наводнялись, какъ подъвсчеръ, нахлынувшими со всъхъ сторонъ, и преимущественно изъ города, массами гуляющихъ всъхъ возможныхъ разрядовъ и сортовъ. Въ указанные утренніе часы "променировались" и мы, т.-е. я и меньшій братъ (9-лътній мальчуганъ), иногда "подъ

^{*)} Королева Виртембергская Ольга Николаевна родилась 30-го августа 1822 г.

этидою нашего гувернера m-r Myrtille, а чаще всего безъ него. "Сей менторъ" нашъ, вполнъ надъявшись на нашу "bienséance de jeunes gens de bonne famille", большею частію, ради "своей" прохлады, предпочиталъ атмосферу виннаго погреба "слишкомъ обыкновенной" прохладъ тънистыхъ деревъ Елагина и Каменнаго острововъ ").

Во время утреннихъ прогулокъ я довольно часто имълъ счастіе поклониться молодому шефу инженеровъ, когда онъ катался въ легкомъ двумъстномъ фаэтонъ, запряженномъ обыкновенно парою лошадей, которыми правилъ самъ. Иногда сопутствовала ему великая княгиня, но чаще всего, въ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, маленькій шефъ этого полка Александръ Николаевичъ.

Не разъ также случалось мнв видвть черезъ невысовую решетчатую чугунную ограду Елагинского дворца, какъ дети великокняжеской четы, окруженныя своими товарищами, подъ надзоромъ гувернантокъ и нянюшекъ, резвились на мягкомъ ковре гладко подстриженнаго пространнаго сквера предъ дворцомъ, напротивъ гауптвахты.

Сама же великая княгиня, съ двумя-тремя придворными дамами, располагалась на террасъ дворца, обращенной къ скверу. Обыкновенно она была одъта въ простенькій капотецъ изъ легкой бълой матеріи, съ накинутымъ на плеча большимъ кружевнымъ платкомъ на манеръ шали. и въ легонькомъ кружевномъ чепцъ. Хозяйка Елагина дворца сидъла на небольшой сооъ и такъ же, какъ и ея компаньонки, почти всегда была занята какою-нибудь дамскою работой; великій князь сиживаль близъ нея на дачномъ стуликъ у стола, съ карандашемъ въ рукъ, которымъ прилежно чертилъ что-то на листъ бумаги. Всъ знали и говорили, что великій князь очень любилъ рисованіе и военное зодчество и что онъ въ нихъ большой знатокъ.

Ему въ то время шелъ двадцать седьмой годъ. Это былъ статный, высокаго роста, красавецъ, хотя нъсколько сухощавъ. Лицо, немного продолговатое, а свътло-каштановые волосы, хотя подстриженные и приглаженные по строгой формъ тогдашняго военнаго регламента, выказывали натуральную наклон-

^{*)} Узнавъ, недъли чрезъ 2 или 3, о "прохлажденіяхъ" m-r Myrtille, отецъ мой конечно его прогналъ. Тогда такіе гувернеры были не ръдкостію.

ность къ образованю легкихъ кудрей. Послъднее обстоятельство, по указаніямъ физіогномики, свидътельствуетъ обыкновенно о врожденной мягкости и добротъ сердца. Большіе, твердо глядъвшіе, иногда какъ бы насквозь проницающіе, темнолазуревые глаза подъ красиво и смъло начерченными бровями, уже тогда живо напоминали величественныя черты державной его бабушки, Екатерины Второй. Въ этомъ поистинъ идеальномъ, мужественно-красивомъ обликъ сразу выказывались рыцарское прямодушіе, сосредоточеніе мышленія и непреклонная твердость воли; но эту, на первый взглядъ поражающую, будто суровую, строгость смягчала улыбка, не только игравшая около угловъ тонко-очерченныхъ губъ, но невольно сіявшая сквозь орлиные взгляды, если они въ глазахъ собесъдника встръчались съ выраженіемъ душевной прямоты и чистой совъсти.

Между темъ какъ въ Едагинскомъ дворце господствовало идиллическое настроеніе, по другую сторону Средней и вдоль Малой Невки, одни празднества сменялись другими. Въ кругу крестовскихъ дачниковъ тогда много и съ восторгомъ разсказывали удивительныя чудеса про очаровательные маскированные балы въ Каменно-островскомъ дворцъ, и про изумительноблестящія карусели въ костюмахъ; говорили даже, что въ последнихъ участвовалъ великій князь Николай Павловичъ и что онъ отличался ловкостью въ этомъ рыцарскомъ искусствъ. Случилось мев въ теченіи этого льта два раза видьть, какъ по всёмъ тремъ Невкамъ прокатывались многочисленныя, фантастически устроенныя, гирляндами, цвътными вымпелами и фонариками украшенныя гондолы. Каждая гондола была ведена группою гондольеровъ подъ командою рулеваго, въ итальянскихъ народныхъ костюмахъ. Менве четырехъ гондольеровъ, кажется, въ группъ не было; но въ нъкоторыхъ гондолахъ число ихъ доходило, върно, до восьми. Въ самыхъ же гондолахъ на скамеечкахъ, покрытыхъ богатыми коврами, возсъдали дамы и кавалеры въ костюмахъ времени императрицы Екатерины. Когда становилось темнъе (эти празднества были устраиваемы въ началъ августа мъсяца), то вся флотилія располагалась на Средней Невкъ, близъ моста, соединяющаго Театральную площадь Каменнаго острова съ Елагинымъ островомъ. По данному сигналу вдругъ на всёхъ гондолахъ засвъчивались разноцейтные фонарики, а съ береговъ то Елагина, то Каменнаго острова, поперемвнио раздавались звуки полковой музыки. Въ это же самое время начинался блестящій фейерверть, всегда устранваемый на берегу Крестовскаго острова, передъ лівсомъ, лежащимъ между деревнею и півшеходнымъ мостикомъ, что велъ на Каменный островъ, т.-е. на томъ самомъ мівсті, гді въ то время находились хижины рыбаковъ. Около половины августа мівсица празднества эти прекратились, потому что Государь и весь Дворъ пересилились въ Царское Село; а въ сентябріз Императоръ съ великими князьями уівхали куда-то на маневры. Гвардейскіе же полки еще раніве были отправлены. Такимъ образомъ Петербургъ къ осени притихъ.

Эти роскошныя придворныя празднества тогда подготовлялись и устраивались по планамъ лучшихъ художниковъ, подъ
руководствомъ и предсъдательствомъ оберъ-гофиаршала Александра Львовича Нарышкина, человъка образованнаго, любителя изящныхъ искусствъ и знатока въ нихъ. Личное благорасположение Государя къ Александру Львовичу придавало
послъднему исключительное значение въ придворномъ кругу.

Нарышкину (по теперешнему моему соображению) въроятно было тогда около 60-ти леть, но на видь онь казался никаль не старше 45-ти. Средняго роста и, несмотря на изкоторую, при этомъ возрастъ неизбъжную, дородность, стройный собою, Александръ Львовичъ по праву считался "bel-homme", и такъ болве, что "внушительный" этоть внаший его видь не только поддерживался, но даже еще болже укращался самыши округденными, отборно :маглями, плавно-спокойными и къ тому же весьма естественными движеніями тіла и рукъ. Самой же выдающейся частію всей его фигуры оказывалась воршальныйшей формаціи красивая голова и крайне выразительное лицо, не то чтобы полное, но и не худощавое, обрамленное тщательно расчесанными впередъ баккенбардами, съ тонкимъ, несколько острокопечнымъ посомъ, съ кокстинно очерченными губаши и съ весьма умными и несолыми (такъ и хочется сказать: "плутовски улыбающимися") сивтло-коричновыми главамия. Въ позднайщіе годы случилось мна надать гравированный портреть французскиго повта Альфреда де Виньи, который мив живо напомниль тонки, остроумныя черты Александра. Львовича. Говориль онь отлично по французски, по-виглійски и по-нъмецки да конечно и по-русски, хотя въ отношени послъдняго говоръ его нъсколько отзывался преимущественной привычкою къ иностраннымъ наръчіямъ. Начитанность и знакомство его съ литературными произведеніями на упомянутыхъ четырехъ языкахъ были изумительны.

Сердцемъ онъ былъ очень добръ, и подчиненные его очень дюбили за привътливость и снисходительность. Съвыдававшимися же изъ числа ихъ особенною способностью и образованностью (какъ напр. съ моимъ отцомъ) Адександръ Львовичъ обходился даже какъ съ личными, близкими друзъями. У насъ бываль онь запросто и иногда оставался объдать. Отець мой состояль начальникомъ счетнаго отдёленія, этого, такъ сказать, главнаго нерва всего дворцоваго управленія. Оттого-то онъ и быль словно какь бы правою рукою главноуправляющаго придворной конторы. Поэтому же, въроятно, и размъщение отдъленій этой конторы въ верхнемъ этажв зимняго дворца было распредълено такимъ образомъ, что собственный кабинеть оберь-гофмаршала отдёлялся оть комнаты, гдё заседаль начальникъ счетнаго отдъленія, только пріемною залой. А такъ какъ матушкв или намъ детямъ не возбранялось завзжать за отцомъ къ концу засъданія, то я имълъ довольно часто случай видъть Александра Львовича вблизи и даже разговаривать съ нимъ, тъмъ болъе, что онъ вообще очень любилъ дътей. Въ особенности привлекала насъ къ нему его шутливость, которою онъ умълъ оживлять свои разговоры. А. Л. Нарышкинъ, какъ извъстно, славился своимъ острословіемъ, и мъткія слова его повторялись повсюду.

Въ августъ мъсяцъ того же 1822-го года отецъ мой помъстилъ меня въ Горный Институтъ*); но я не долго пробылъ

^{*)} Въ то время назывался онъ "Горнымъ корпусомъ", а ученики "кадетами". У насъ также все было устроено по военному регламенту, и мы носили форму военныхъ нижнихъ чиновъ, отличавшуюся отъ форми прочихъ кадетовъ только цевтомъ мундира, воротника и погоновъ, а именно: мундиръ былъ изъ темно-синяго сукна, воротникъ же и погоны изъ чернаго бархата съ краснымъ кантомъ. На киверв, такой же форми какъ и у другихъ кадетовъ, былъ также полукруглый щитъ съ лучами, только виёсто военныхъ атрибутовъ на немъ, были изображены эмблемы горнозаводства. Щитъ этотъ, равно какъ и пуговицы, былъ изъ желтой мади. Солдатскій кривой тесакъ съ бёлымъ бумажнымъ темлякомъ, висъвшій на широкомъ бёломъ кожаномъ банделирё чрезъ правое плечо, торчалъ сзади и исправно колотилъ поперемённо то лёвую ляшку, то правую икру.

въ немъ: вслъдствіе полученной въ Ваккербартору классической подготовки оказался я, съ одной стороны, въ нъкоторыхъ предметахъ болъе подвинутымъ впередъ чъмъ м и сверстники, но зато, съ другой стороны - во многихъ другихъ предметахъ до того отставшимъ, что мое ученіе шло весьма плохо и неровно, и всв мои старанія и усиленное мое прилежаніе привели только къ сильному разстройству всей нервной моей системы. Следствіемъ того было, что при первой случайной простудъ отъ быстро наступившихъ въ ноябръ мъсяцъ морозовъ, само по себъ вначалъ незначительное горловое воспаленіе перешло въ сильнъйшій крупъ (по-нынъшнему: дифтерить), къ которому вскоръ присоединилась еще злъйшая тифозная горячка. Такимъ-то образомъ къ концу ноября я умеръ, т.-е. совершенно пересталъ дышать, и не только всъ домашніе, но и сами доктора Авенаріусъ и Вольфъ дъйствительно считали меня настоящимъ покойникомъ. Одна только матушка не върила факту моей смерти и въ теченіе цълыхъ четырехъ сутокъ неусыпно продолжала вмъстъ съ бывшей моей нянькою втиранія разныхъ средствъ. И впрямь, старанія матушки и кръпкая моя натура восторжествовали, и на 5-ый день послъ прочитанной надо мною отходной я воскресъ изъ мертвыкъ.

Само собою разумвется, что при самомъ началв моей больни отецъ меня тотчасъ взялъ изъ Горнаго Института и что я туда болве не возвратился. Изъ эпизодическаго моего пребыванія въ сказанномъ заведеніи достойно упоминанія только то, что унтеръ-офицеромъ того дортуарнаго отдвленія, въ которомъ я состоялъ, былъ сынъ опернаго пъвца Самойлова, Василій Васильевичъ, ознаменовавшій себя, черезъ четверть въка послъ того, какъ одинъ изъ геніальнъйшихъ сценическихъ художниковъ нашего времени*).

Отецъ мой ръшилъ наконецъ, чтобы дальнъйшее мое образованіе продолжало быть классическимъ, почему и намъревался отправить меня въ Дерптъ, такъ какъ въ то время не только тамошній университетъ, но и тамошняя гимназія пользовались вполнъ заслуженной высокой репутацією. Но предварительно

^{*)} Въ 1836-мъ году мы опять съ нимъ встретились, о чемъ и будеть разсказаво въ своемъ месте.

нужно было отцу узнать, кому изъ тамошнихъ профессоровъ или гимназіальныхъ учителей можно бъ было поручить спеціальный надзоръ не только за научнымъ, но и за моральнымъ и матеріальнымъ моимъ благосостояніемъ. По этому вопросу отецъ мой адресовался письменно къ дерптскому профессору Парроту (отцу).

Въ ожиданіи же отвъта отъ послъдняго, мнъ было дозволено прилеживе прежняго заниматься музыкою, вследствіе чего мой учитель фортепіанной игры сталь пріважать къ намъ ежедневно, вмёсто того, что до тёхъ поръ онъ давалъ мнё уроки по одному только разу въ недвлю, т.-е. по воскресеньямъ. Александръ Ивановичъ Черлицкій считался однимъ изъ лучшихъ бывшихъ учениковъ Джона Фильда, переселившагося года за два предъ тъмъ въ Москву, и состоялъ преподавателемъ фортепіанной игры при Смольномъ монастыръ. Онъ заставляль меня повторять начатые еще въ Ваккербартсру этюды Крамера, которые я, благодаря его стараніямъ, очень скоро себъ усвоиль, такъ что къ Новому году онъ далъ меъ уже разучивать Фильда "Concert militaire". Такимъ образомъ, въ нашемъ кружкъ я вскоръ прослыдъ (едва ди, однакоже, по заслугамъ) за "многообъщающаго мальчика-артиста", и знакомые родителей моихъ стали просить ихъ приводить меня съ собою на ихъ музыкальные вечера.

Къ таковымъ знакомымъ принадлежало между прочимъ и семейство банкира Переца. Разъ (это было въ срединъ января мъсяца 1823 года) т-те Переиз желала, чтобы я на ихъ вечеръ сыгралъ Рондо изъ упомянутаго "военнаго концерта" Фильда, а для того, чтобы мив напередъ привыкнуть къ новому флигелю изъ недавно вновь открывшейся тогда мастерской Тишнера, она просила отца прівхать со мною въ тоть же день въ объду въ нимъ въ 5-мъ часу. Вслъдствіе того я въ назначенный день, по приказанію отда, въ 3 часа отправился въ каретъ за нимъ въ придворную контору, гдъ по обыкновенію я долженъ быль дожидаться окончанія засёданія въпріемной заль, прилегающей (какъ выше уже объяснено) къ кабинету оберъ гофмаршала. Когда отецъ покончилъ свой докладъ, онъ вышелъ ко миъ, чтобы отправиться внизъ. Въ этотъ моментъ дежурный курьеръ при пріемной широко растворилъ входную дверь, и въ залу неожиданно вошелъ самъ Государь.

"Ah!" воскликнулъ Императоръ, увидъвъ насъ низко ему поклонившихся, и остановился. "Nun, wie geht's, lieber Arnold? Das ist wohl Ihr Söhnchen?"

Отецъ, еще разъ поклонившись, отвъчалъ: "Zu Gnaden, Majestät!"

Государь, посмотръвъ на меня съ благосклонной улыбкою, потрепалъ меня ласково по щекъ и сказалъ: "Fixes Kerlchen, wie? — Nun Adieu!" затъмъ милостиво махнулъ отцу рукою, и отправился съ вышедшимъ между тъмъ навстръчу монарху, оберъ-гофмаршаломъ въ кабинетъ послъдняго *).

"Ну, мышенокъ!" сказалъ отецъ, когда мы спускались внизъ по извъстной круглой лъстницъ: "послъ такого необычайнаго счастія ты долженъ сегодня особенно отличиться!"

И впрямь я въ тоть вечеръ сыгралъ Фильдово рондо съ большимъ увлеченіемъ!

XIV.

Наконецъ-то въ мартъ мъсяцъ профессоръ Парротъ сообщилъ, что г. Вильтельмъ Хахфельдъ (Hachfeld), "Gymnasial-Oberlehrer" (старшій учитель гимназіи), квартирующій въ самомъ зданіи училища, готовъ принять меня пансіонеромъ, вслъдствіе чего меня тотчасъ же и отправили.

Благополучно прівхавъ въ Дерптъ и бывъ какъ следуетъ водворенъ къ очагу новыхъ пенатовъ, я на другой же день былъ подвергнутъ пріемному экзамену и, благодаря основательной ваккербартсруской подготовкъ, принятъ въ "Кварту", т.-е. въ 4-ый сверху классъ**).

Поговоримъ сначала о самомъ городъ, какъ онъ представлялся въ то время, тъмъ болъе, что это можетъ служить какъ бы фондомъ для нъкоторыхъ изъ описуемыхъ картинъ правовъ и обычаевъ тогдашнихъ гимназистовъ и студентовъ.

Обычная почтовая дорога отъ Петербурга въ Ригу, по моему убъжденію, въроятно и нынъ еще, прилегая съ съвера

^{*)} Вообще государь императоръ, какъ не разъ тогда поговаривали въ петербургскомъ обществъ, по возвращения съ Веронскаго конгресса, выказывалъ себя особенно милостивниъ и ласковымъ.

^{**)} Въ Деритской гимназів тогда, по приміру германскихъ гимназій, было всего иять классовь, изъ которыхъ старшій или высшій именовался: первымъ, Prima (т.-е. classis), а младшій или низшій: пятымъ, Quinta.

мимо лежащей предъ самымъ городомъ мызы Ратхооъ (Rathof), спускается внизъ въ долину, образованную прибрежьемъ Эмбаха и точно такъ же, какъ "во время оно", полуоборотомъ къ востоку, ведетъ къ главному тогда такъ-называемому "каменному" мосту. Это название ему дано было весьма логически, по самому матеріалу, для отличія его отъ другаго, далве къ западу (кверху противъ теченія Эмбаха) находящагося моста, который быль и именовался "деревяннымъ", и къ которому съ съвера вела улица, отвътвлявшаяся отъ почтовой дороги. Означенный каменный мость тогдашняго времени представлялся точнъйшею копією тъхъ пяти мостовъ, которые, будучи сооруженными въ эпоху (кажется) императрицы Екатерины Великой чрезъ Фонтанку, въ 60 ыхъ еще годахъ соединяли противоположные берега этой ръчки. Перешедъ этотъ мостъ, мы очутились на довольно большой "ярмарочной площади" (Marktplatz), у южнаго предъла которой съ средневъковой, сумрачною, патриційскою спесью красовалась, — небольшая впрочемъ, - ратуша. Повернувъ круто вблизи послъдней налъво къ востоку, почтовый трактъ черезъ коротенькую улицу повель нась на другую площадь, по правую сторону (къ югу) которой была недлинная, липовая аллейка, а по левую руку миніатюрная имитація петербургскаго гостинаго двора (Kaufhof), но безъ верхняго этажа. Нъсколько далъе мы проъхали чрезъ третью, опять вплоть до Эмбаха простиравшуюся, прыбную" площадь (Fischplatz), а оттуда провхавъ десятокъ (или около того) домовъ, снова круто повернули къ югу (направо), поднимаясь на гору, къ почтовой станціи (Posthalterei), предъ которой опять-таки простиралась площадь пятиугольной формы. Оттуда вела почтовая дорога прямо на югъ къ Рижской заставъ, а другая улица, налъво, за-городъ въ дорогъ на близъ дежащую мызу Карлово.

Позади ратуши пролегала длинная улица*), отъ рыбнаго рынка къ западу вплоть до линіи ботаническаго сада, гдъ она встръчалась съ улицею, ведшей мимо онаго сада отъ Деревяннаго моста. На первоупомянутой улицъ, къ западу отъ ратуши, находились прежде всего, по лъвую руку, главное уни-

^{*)} Послѣ 60-лѣтняго промежутка времени, память моя не сохранила наименованій описываемыхъ мною улицъ.

верситетское зданіе, затёмъ нёсколько далёе, по правую сторону, гимназія, а возлё нея лютеранская церковь св. Іоанна. Русская же церковь во имя св. Николая Чудотворца находилась не очень далеко отъ гимназіи по направленію къ Эмбаху, вблизи военно-экзерциціонной площади (Exerzirplatz).

Позади университета возвышалась гора, названная "соборном" (Domberg) ради красовавшагося нѣкогда на ней, во время владычества ордена "Меченосцевъ", римско католическаго каеедральнаго собора св. Дениса. Всѣмъ, я думаю, извѣстно, что до вторженія "меченосцевъ" въ Ливонію, на мѣстѣ нынѣшняго Дерпта стоялъ русскій городокъ Юрьевз, основанный въ XI вѣкъ великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ. Позже, однакоже, въ XVI вѣкъ, царь Іоаннъ IV Грозный, пожелавъ возвратить себъ прежнія русскія владѣнія въ чудской землѣ, началь войну съ Ливонскимъ орденомъ, и между прочимъ напавъ на Дерптъ, разгромиль его, при чемъ болѣе всего пострадалъ упомянутый соборъ, который съ тѣхъ порътакъ и простояль въ развалинахъ.

Когда въ 1802 г. былъ учрежденъ Дерптскій университеть, тогда вскоръ послъ того, для помъщенія университетской библютеки была возстановлена (въ первобытномъ же, готическомъ стилъ) восточная часть древняго собора, между тъмъ, какъ средняя часть его (неоъ) и двъ огромныя башни у западнаго входа такъ и оставались въ развалинахъ. Самая же гора была засажена липовыми аллеями въ разныхъ направленіяхъ, между которыми красовались скверы съ цвътниками и извилистыми дорожками. Отъ университета до задняго (южнаго) предъла горы была проведена правильная улица, для чего съверная, круто-поднимавшаяся сторона Домберга была прорыта, а надъ образовавшимся оттого дефилеемъ выстроенъ красивенькій, деревянный, бълой краской выкрашенный мостикъ для пъшеходовъ, прозванный "Musenbrücke" (мостъ музъ). Улица вела къ большому 2-этажному дому на южной сторонъ горы, въ которомъ помъщалась университетская клиника съ квартирами для состоящихъ при профессорахъ-докторахъ молодыхъ ассистентовъ изъ студентовъ-медиковъ высшаго курса. Полъвъе отъ клиники, у восточнаго края горы находилось круглое зданіе анатомической аудиторіи (theatrum anatomicum).

Упомянуть следуеть наконець еще о находившейся напротивь башень собора, къ востоку, отдельной возвышенности квадратной формы (остатокъ древнихъ укрепленій), которая вполне предоставлялась городскому юношеству для гимнастическихъ игръ, а потому и называлась "Spielberg" т.-е. горою игръ.

Г. Хахфельдо и его семейство могли вполнъ служить типическими представителями семейства изъ среды германскаго учительского круга тогдашняго времени. Самъ онъ, г. Хахфельдъ, родомъ изъ города Гёттингена, былъ человъкъ съ обширнымъ запасомъ знаній не только по своей учительской спеціальности (исторія и географія), но также и по части какъ нъмецкой литературы, такъ и древнихъ языковъ. Относительно жарактера онъ выказался смёсью нёмецкаго "филистера" и нёмецкаго "студента-бурша": въ обращении своемъ съ женою и съ дътьми (а оттого, конечно, и со мною) онъ былъ полнъйшій педанть-филистерь самой деспотической окраски, при чемъ, однакоже, обнаруживалъ также хорошія качества истаго бурша: чувство справедливости, сердечной доброты и остроумной шутливости. Изъ студенческихъ же слабостей сохранилъ онъ, къ сожальнію, вспыльчивость и "amor liquorum nonnullae efficacitatis". Г-жа Хахфельдъ, съ своей стороны, владъла всъми пассивными и активными добродътелями идеальной нъмецкой женщины: она была молчаливо-послушной супругою, превосходной экономкою и заботливой матерью многочисленнаго семейства.

Надъ отдъленіемъ, которое занимало семейство Хахфельда, была квартира кандидата теологіи г. Фрейтага, младшаго учителя латинскаго и греческаго языковъ, молодаго еще человъка лътъ 26 или 27. Онъ былъ пріемышемъ знаменитаго въ свое время проповъдника, старшаго совътника рижской консисторіи (Ober-Consistorialrath) Зонтага, и намъревался, по окончаніи университетскаго курса поступить въ пасторы. Но, будучи довольно пылкаго характера, онъ, какъ молодцоватый "буршъ", нажилъ себъ вызовъ на дуэль, въ которой злой его противникъ разсъкъ ему такъ сильно лъвую щеку и уголъ губъ, что остался весьма видный шрамъ. Вслъдствіе этого ему пришлось отказаться отъ священнической карьеры и поступить въ ряды учителей.

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ избранъ профессоромъ древнихъ языковъ при Главномъ Педагогическомъ институтъ въ Петербургъ.

Въ твхъ нвмецкихъ городахъ, гдв имвются университеты, господствующіе между студентами духъ и обычаи болве или менъе переходятъ также и на гимназистовъ, которые, въдь, готовятся же раньше или позже поступить въ тотъ же университеть. Конечно бывають разныя степени и виды этого подражанія, смотря по возрасту и по интеллектуальному развитію юношей. Главной чертой духа тогдашнихъ дерптскихъ студентовъ было нъкое рыцарское молодечество съ маленькимъ оттънкомъ, пожалуй, нъкотораго донкихотства; а между обычаями, перенятыми отъ иностраннаго (германскаго) студенчества, однимъ изъ наиболъе выдававшихся былъ обычай подтучивать надъ вновь поступившими въ университеть и испытывать ихъ насчеть таившейся или отсутствовавшей въ нихъ "порціи" храбрости и молодечества. Таковыхъ новичковъ почему-то называли (и понынъ еще называютъ) "фуксами" (Fuchs, лиса). И въ Деритской гимназіи следовательно господствоваль обычай "die Füchse zu schrauben", прессовать лисъ, т.-е. подтрунивать надъ ними. Наилюбимъйшимъ пріемомъ таковаго прессованія было извістное и на Руси "чествованіе" качаніемъ на рукахъ, только съ тою разницею, что "фукса" не просто только качали съ должной осторожностію, а наобороть, безъ всякой осторожности по нъскольку разъ неровно и высоко подбрасывали на воздухъ, такъ что подбрасываемый того и жди, что ударится объ полъ.

Въ первый день моего появленія въ обществъ "квартанеровъ"*), они только искоса посматривали на меня, а въ паузахъ между лекціями разспрашивали: кто и откуда я? сколько мнъ лътъ? гдъ я прежде учился? и т. п. Иногда только коегдъ слышалось: "Solch ein Knirps!" — "Wie hat man den zu uns gelassen?" (Такой мальчуганчикъ! Какъ это его къ намъ-то допустили!)

Но на другое утро, когда я, какъ и другіе, по установленному порядку, пришелъ въ классъ четверть-часомъ раньше начатія лекцій, всъ прочіе ученики были уже собравшись и,

^{*)} Quartani, Quartaner, ученики 4-го класса.

увидъвъ меня, закричали: "den Fuchs prellen! den Fuchs prellen!" *) Мое мъсто, какъ послъдне-поступившаго, было на самой задней скамейкъ, близъ боковой стъны, но отъ скамейки до задней ствны оставалось много пространства. Едва успълъ я положить на столъ свой ранецъ, какъ нъсколько рукъ сразу меня подхватили и подняли, другіе схватили ноги и подбрасывали. Но къ удивленію ихъ я не полетелъ кверху, а напротивъ, сталъ сильно размахивать ногами во всъ стороны, такъ что державшіе ноги, не ожидая такого действія, невольно отступили. Дело было въ томъ, что когда меня схватили за туловище, чтобы поднять, я, какъ бывшій ученикъ ваккербартсрускаго гимнаста "онкеля Букка", успълъ быстро обернуться и крыпко обхватить обыми руками шею ближайшаго противника, такъ что, когда прочіе подбрасывали мои ноги и тъло, я, повиснувъ у него на шеъ, началъ невольно прижимать ее и въ то же время брыкаться ногами. Когда же озадаченные квартанеры отступили и оттого мои ноги сами собою очутились на полу, тогда я расплель руки и выпустиль шею совершенно обомавышаго отъ испуга и боли товарища. Затъмъ мигомъ вытащивъ изъ своего кармана ножикъ и раскрывъ его, я проскочиль въ близкій отъ меня задній уголь, сталь къ нему спиною въ твердую позицію, и закричаль (конечно по-нъмецки): "Подойдите-ка только! Перваго, кто меня тронеть, пырну ножемъ! - Все это произошло въ теченіе не болве одной минуты.

Въ этотъ самый моменть раздался низкозвучный энергичный голосъ: "Оставить фукса въ покоъ! Я беру его подъ свою защиту!" — Всъ, повинуясь, отошли отъ меня.

Это быль самь *Primus* (старшій по влассу) *Грегоръ фонъ Гельмерсенъ* **), брюнеть лѣть шестнадцати, высовій и полный, съ выдающимся на смугломъ лицѣ ястребинымъ носомъ. Онъ протянулъ мнѣ руку, въ которую я смѣло положлъ свою, и по-хвалилъ меня за находчивость, ловкость и силу.

Послъ того подошли и прочіе, также протягивали руки и также хвалили находчивость фукса.

^{*) «}Подбрасывать лису!»

^{**)} Григорій фонъ І'єльмерсенъ позже поступиль въ Горный институть въ С.-Петербургь.

Когда же въ свое время явился учитель, всв мы спокойно сидъли на своихъ мъстахъ.

Съ тъхъ поръ меня фуксомъ уже не считали, а относились во мив, какъ къ равному товарищу. Вообще должно признаться, что господствующій тогда въ нашей гимназіи духъ никакъ не быль такого свойства, чтобы усмирять врожденныя мои наклонности къ воинственности, а напротивъ, еще пуще ихъ развивалъ. Когда по воскреснымъ или другимъ праздничнымъ днямъ наша "Кварта", по предварительному соглашенію, собиралась на "Шпильбергъ", насупротивъ башенъ собора, то дюбимъйшими нашими играми были или "атака" или "турниръ". Первая исполнялась следующимъ порядкомъ. Разделялись по жребію на двъ партіи, изъ которыхъ каждая выбирала себъ предводителя. Партіи эти, ставши другъ противъ друга, на разстояніи десяти шаговъ, выстраивались въ плотныя шеренги, а каждый отдъльный "воинъ" скрестивъ руки на груди, выдвигалъ правое плечо впередъ. По данному предводителями сигналу, объ "боевыя" линіи плавно сходились и начинали другъ друга пихать плечами. Задача состояла въ томъ, чтобы одна шеренга вытёснила другую съ позиціи и отбросила ее шаговъ на пять назадъ. Руками тутъ дъйствовать не дозводилось: члены воевавшихъ колоннъ должны были единственно дъйствовать правымъ плечомъ. Побъдители имъли право садиться верхомъ на побъжденныхъ, и тріумфальной кавалькадою объвзжать кругомъ все пространство Шпильберга.

Когда же рѣшено было играть въ турниръ, тогда старшіе, слѣдовательно болѣе плотные и сильные, товарищи выбирали себѣ партнеровъ изъ младшихъ, которые должны были сѣсть первымъ на плечи; ноги сѣдока крѣпко поддерживались руками несшаго его. Сѣдокъ представлялъ "рыцаря", несущій его — "боеваго коня". Выбиралось трое судей и четыре "герольда": судьи должны были рѣшать, на чьей сторонѣ побѣда, а герольды наблюдать за правильностью и честностью турнира. Порядокъ состязанія опредѣлялся по жребію, нумерами на билетикахъ, которые "рыцари" вынимали изъ шапки старшаго судьи. Получившіе №№ 1-й и 2-й "рыцари", выѣхавъ гордо на своихъ "коняхъ", были поставлены герольдами такъ одинъ противъ другаго, чтобы солнечные лучи равною долею падали

на того и на другого бойца, а затъмъ старшій судья маханіемъ платка подавалъ знакъ къ начатію состязанія. Тогда бойцы приближались другъ къ другу: каждый "конь" толкалъ другаго плечами и тъломъ, стараясь выбить его съ позиціи, а "рыцари" схватывались руками и силились сбросить одинъ другаго съ коня. Послъ №№ 1-го и 2-го, вступали въ бой №№ 3-й и 4-й, а потомъ №№ 5-й и 6-й и т. д. Дозволялось только схватываться руками, а толкать кулаками или же бить строго запрещалось. Когда что-либо подобное было пущено въ дъло, то всъ четыре "герольда" тотчасъ бросались разнимать бойцовъ, и судьи "нечестно турнировавшаго рыцаря" въ 1-й разъ объявляли побъжденнымъ, а за 2-й разъ лишали права участвовать въ турнирахъ.

Случалось однакоже иногда, что уединенный Шпильбергъ служилъ не только ристалищемъ для рыцарскихъ турнировъ и воинственныхъ игръ, но также и полемъ дъйствительныхъ сраженій, въ видъ кулачныхъ боевъ между соединенными арміями Кварты и Квинты "классической" гимназіи съ одной стороны и соединенными силами представителей "реальнаго направленія", т.-е. учениковъ двукласснаго уъзднаго училища (Kreisschule) съ другой стороны. Изъ этого видно, что горячій "споръ о преимуществъ классической или реальной системы образованія юношества" – весьма уже старый. Разница только въ томъ, что доводы и аргументы на Шпильбергъ излагались съ каждой стороны гораздо горячъе, а къ тому же въ весьма въскихъ и чувствительныхъ формахъ.

Нельзя не отдать справедливости основно-установленному тогда вообще въ Дерптской гимназіи методу преподаванія научныхъ предметовъ въ томъ, что послёднее не налегало пре-имущественно и непосредственно на память, а старалось, сколь возможно удобопонятнымъ для юной еще силы уразумёнія изложеніемъ и толкованіемъ вызвать въ обучаемыхъ живое воспринятіе. Большое, конечно, значеніе имъетъ также индивидуальная оживленность самого преподавателя, потому что она невольно возбуждаетъ интеллектуальную силу учащихся къ дъятельности, между тъмъ какъ сухое, педантическое преподаваніе нъсколько усыпляетъ, слъдовательно ослабляетъ эту силу.

Г. Фрейтаг, хотя и придерживался метода яснаго, удобо-

понятнаго толкованія, но не уміль насъ достаточно оживлять: преподавание его отзывалось нъкоторой педантической сухостью. Зато гг. Хахфельдз (по географія) и Бубрихз (по исторіи) своими весьма оживленными, словно картинными изложеніями заставляли, какъ бы шутя, мое воображеніе отчетливо работать, такъ что все ими разсказанное, само собою, безъ труда укладывалось въ памяти. Не менве успвшно шли уроки высшей ариометики и планиметріи у старшаго учителя г. Соколовского, потому что для этихъ предметовъ требуется работа не памяти, а соображенія, т.-е. здраваго смысла. Довольно оживленно также преподаваль старшій учитель г. Германна уроки нъмецкаго языка и въ особенности декламаціи; но у него быль одинь большой порокь: онь быль уроженецъ города Дрездена, и выговаривалъ нъмецкія слова какъ истый саксонецъ, напр. Kassenpup вмъсто Gassenbub и т. п. Насчетъ же метрики онъ дъйствительно, какъ говорится, "собаку съвлъ". Весьма слабо, напротивъ того, шли уроки русскаго языка у младшаго учителя г. Тихвинскаго, малоросса и бывшаго питомца Кіевской семинаріи. Правда, впрочемъ, что правила русскаго языка въ то время вообще преимущественно изучались практическимъ путемъ, помощью чтенія и анализа твореній новъйшихъ писаталей (Карамзина, Озерова, Гивдича, Крылова, Батюшкова, и только-что въ славу тогда входящаго Жуковскаго); но этимъ мы у г. Тихвинскаго не занимались.

А лучшей вообще русской грамматикою пока еще, кажется, считалось твореніе нёмца на нёмецкомъ же языкі: "Russische Sprachlehre von Dr. Wilhelm Tappe, Oberlehrer an der St. Peter-Pauls-Schule zu St. Petersbourg 1810. По этой грамматикі учили же и насъ въ Деритской гимназіи*).

Сынъ упомянутаго выше г. Германна, Теодоръ, былъ почти двумя годами старше меня и сантиментально-поэтическаго настроенія. Вслъдствіе прилежнаго изученія книги своего отца о метрикъ греческихъ, латинскихъ и нъмецкихъ стихотворцевъ, онъ пристрастился къ писанію виршей. Нашедши во мнъ толикую же долю поэтической (хотя и не сантиментальной, а

^{*)} Съ граматиками Н. Греча и А. Востокова я познакомился повже, въ 1828 г., когда я слушалъ лекціи профессора русской литератури г. Перевощикова.

болье въ веселому юмору влонящейся) натуры да нъкую также страсть въ "виршествованію", Теодоръ подружился со мною. А такъ какъ, по убъжденію Теодора, главная суть стихотворства должна была заключаться въ "полномъ владвніи встми возможными метрическими формами", то мы съ нимъ и условились, вст наши разговоры, чего бы таковые не касались, всегда облекать въ различныя "по очереди" метрическія формы, напр., одинъ день говорить все гексаметрами или дистихами, на другой день — тяжелыми Софокловыми анапестами, на третій Торквато-Тассовскими ottave-rime, на четвертый — стихами новъйшихъ формъ à la Göthe, Schiller или Voss, и т. д.; и т. д.

Вотъ и начали мы, вмъсто того напр., чтобы просто сказать: "Guten Morgen! wie hast du geschlafen?*)" высокопарно другъ друга такъ "апострофировать:"

"Guten Morgen, mein Freund! es sei dir Phöbus geneiget! "Hat dir die Göttin des Schlafs freundliche Träume gewährt?**)"

А иной разъ и такъ:

"Guten Morgen "Sonder Sorgen "Wünsch', o Freund, ich Dir! "Glückt's zu thuhen "Wohl zu ruhen, "Ist's zur Freude mir!" ***) и т. п.

Поупражнявшись въ теченіе почти года на таковомъ "парнасскомъ жаргонъ", мы съ Теодоромъ Германнъ получили такую рутину въ стихо- и риемо-плетеніи, что иной разъ даже крайне затруднялись говорить простою, обыкновенною ръчью какъ всъ прочіе смертные.

^{*)} Доброе утро! какь ты спаль?

^{**)} Доброе утро, мой другъ! будь Фебъ къ тебе благосклоненъ! Сна богина ль тебе сладковиденъя дала?

^{***)} Добро утро
Бевь заботы
Богь пошли тебь!
Коль удался
Сонъ спокойный,
То отрадно мив.

Тъмъ временемъ наступилъ май мъсяцъ 1824 года, а съ нимъ и годичные экзамены. Хорошо ихъ выдержавъ и будучи переведенъ въ "Терцію", я поъхалъ домой, въ Петербургъ, на жаникулы.

Затыть насталь и августь мысяць, а съ нимъ и новый учебный годь. Не "квартанеромъ", не "мальчуганомъ" глядыль и выступаль уже я, а "юношей-терціанеромъ", готовив-шимся, подъ руководствомъ самого директора гимназіи, г. д-ра Карла Розенбергера, читать и переводить "Сајі Julii Caesaris commentarium de bello gallico".

Прошло нъсколько недъль пока дошла и до меня очередь быть вызваннымъ къ переводу. Въ это полугодіе предполагалось пройти три послъднія книги (VI—VIII) комментарія. Пока читалась VI-я книга, я свои переводы готовилъ по принятому искони обычаю, т.-е. въ прозъ; но когда мы дошли до геройскаго возстанія Арвернскаго князя Верцингеторикса, духъ пінтическаго тщеславія въло меня искусивъ, натолкнулъ на мысль, подражать лавровътчанному поэту Торквату-Тассу и приготовить переводъ въ восьмистишіяхъ, которыя я твердо выдолбилъ наизусть.

Насталъ великій день ожидаемаго торжества, ибо по нъкоторому, въ предшествующемъ урокъ, сильному марганію глазами г. Розенбергера и грозному метанію взглядовъ въ мою сторону всъ были увърены, что на сей разъ я непремънно буду вызванъ. И впрямь, едва г. Розенбергеръ занялъ свое мъсто у каеедры, какъ тотчасъ и возгласилъ: "Arnolde! Tibi hodie Caesaris commentarii continuationem germanicis nobis verbis reddere oportet. Ita, mi fili, incipe!"*)

Я всталь и началь: "Libri septimi, capitulum quartum. Simili ratione ibi Vercingetorix, Celtilli filius, Arvernus" **) и. т. д. Послъ прочтенія оригинала надлежало дълать аналитическую переконструкцію, а когда и это было исполнено, послъдовала команда: "Verte germanice" ***).

^{*) «}Арнольдъ! сегодня тебъ сятдуеть переводить намъ на нъмецкій языкъ продолженіе комментарія Цезаря. Итакъ, сынъ мой, начинай!»

^{**)} Начало 4-ой главы седьмой вниги означеннаго творевія въ оригиналь.

^{***) «}Переводи по-нѣмецки».

Собравшись съ духомъ, я началъ не безъ нъкоторато паеоса и съ отчетливой скандировкой:

"Damals geschah'es, dass zu gleichen Zwecken,

"Vercingetorix, des Celtillus Sohn,

"Arverner, — um den Aufruhr zu erwecken"...*)

Далъе — увы! — продолжать не удалось! Чуть-чуть не поперхнулся я даже на послъднемъ словъ, ибо предо мною стояла съ покраснъвшимъ грознымъ лицомъ, быстро, какъ молнія, соскочившая съ каеедры маленькая фигурка д-ра Розенбергера. "Halt! halt! genug!"**) оралъ онъ самымъ гнъвнымъ голосомъ, почти дискантомъ. "Это какіе вы еще стихи изволите намъ рецитировать? какимъ это вы новымъ воспользовались ослинымъ мостомъ? ***) По окончаніи уроковъ приказываю вамъ оставатся туть до самаго вечера подъ арестомъ!"

"Г. директоръ!" взмолился я: "это не чужое, — это не съ ослинаго моста, — это мой собственный переводъ, — извольте посмотръть!" И я быстро, выхвативъ изъ кармана тетрадь, въ которой находилась черновая рукопись, со всъми сдъланными въ стихахъ поправками, представилъ ее ему.

Г. Розенбергеръ, успъвъ нъсколько успокоиться, взялъ тетрадь и сталъ читать про себя, мурлыкая: "Zwecken, — — erwecken, — — decken"; hm! — "Sohn — — schon, — — Thron", hm! — "erhalten, — — Gewalten", hm! ****) Потомъ сказалъ совершенно спокойнымъ уже, но нъсколько насмъщливымъ голосомъ: "Вижу, вижу, что стихи-то собственной вашей фабрикаціи, но ръшеніе мое перемънить не могу. Рго ргіто: Юлій Цезарь своего комментарія стихами не писалъ, а рго зесиндо: еслибъ и писалъ его стихами, то уже навърно — не такими бы плохими виршами"...

^{*) &}quot;Во время оно, то жъ питавъ желанье, "Верцингеториясъ, сынъ Цельтилла, самъ "Арвернецъ, чтобы возжигать возстанье...

^{**) &}quot;Стойте! стойте! довольно!"

^{***)} Ослинымъ мостомъ влассическими педантами прошлаго въка былъ названъ всякій печатный переводъ творенія какого-либо античнаго автора. А почему дано такое названіе — само собою легко объяснимо.

^{****)} Это онъ произносиль слова составлявшія римем соотв'ятствующихъ строкъ перваго осмистишія злополучнаго моего перевода, сопровождая ихъ восклицаніями: лю?

Съ этого же втораго полугод;я 1824-го года, въ награду за переходъ мой изъ Кварты въ Терцію, отецъ разръшилъ мить на только вновь систематически заниматься фортепіанной игрою. но также и брать уроки пвнія. Съ этой цвлью г. Хахфельдъ пригласилъ лучшаго тогда въ Дерптъ учителя, г. Августа Ф. Вейраухъ, родомъ саксонца. Какъ фортепіанистъ былъ онъ, кажется ученикомъ Лудвига Бергера, который съ своей стороны быль ученикомъ Клементи. Пвніе г. фонъ-Вейраухъ изучаль у Ваккаи, а теорію музыки у Азіоли. Онъ быль не только превосходнымъ музыкантомъ, но вообще многостороннеобразованнымъ человъкомъ и даже нъсколько выдающимся нъмецкимъ поэтомъ. Изъ числа литературныхъ его произведеній драма "Die Stände von Blois" была дана на дрезденской придворной сценъ, а позже появилась и въ печати; а изъ музыкальныхъ его сочиненій романсъ (на собственныя слова) "Nach Osten hin, nach Osten" получиль большое распространеніе *).

Какъ учитель онъ выказалъ великую добросовъстность, не безъ примъси педантической строгости, при чемъ иногда горячился и доходилъ до ручной расправы. У меня, напр., ему, видно, въ особенности полюбился весьма густой тогда курчавый мой чубъ. Да проститъ его Богъ, ибо все-таки я многимъ ему обязанъ. Преимущественно хорошо умълъ онъ научить правильному положенію рукъ и методическому слъдованію пальцевъ (doigter, аппликатура) и тщательно вырабатывалъ нормальную постановку голоса (mesa di voce). Лучшей и люби-

^{*)} Тексть этого романса быль въ 20-хъ годахъ великолено переведент В. А. Жуковскимъ на русскій явикъ, а мелодією (съ русскимъ уже текстомъ "Къ востоку, все къ востоку") воспользовался въ 30-хъ годахъ А. С. Даргомыжскій для прелестнаго его тріо (мещо сопрано, теноръ и басъ). Въ 40-хъ годахъ появилось въ Париже взданіе этого романса съ текстомъ Мг. *** "Adieu", — при чемъ авторомъ музыки быль выставленъ Францъ Шубертъ. Между темъ ни въ венскихъ (подлинныхъ), ни въ лейщигскихъ (тщательнейшихъ) изданіяхъ полнейшаго сборника романсовъ Шуберта этой песни нетъ, и, конечно, быть даже не могло. Каково же было мое удивленіе, когда въ 1871 году я въ Москве увидёлъ изданіе г. Юргенсона песенъ Шуберта "подъ редакцією Н. Гр. Рубинштейна", въ которомъ красовался также романсъ "Прости" (въ переводе А. Н. Плещеева "Блезка пора разлуки") по стопамъ легкомысленнаго французскаго издателя столь же неосновательно приписанный Шуберту!!! Въ 1825-мъ году г. фонъ-Вейраухъ переселился въ Дрезденъ.

мъйшей его ученицею считалась (какъ говорили тогда въ Дерптъ) одна родственница профессора д-ра Мойера, пъніе которой однакоже мнъ слушать не приходилось.

награду:

HIB HES

ON ATPOL

(axoen-

ABITE

тъ был

Съ свое

ейратп

)ЫДЪ Ł

OPOHe:

УЩШ(

10H38

33 #F

1084

10-го ноября получены были въ Дерптв первыя, не вполнъ ясныя еще въсти о страшномъ 7-го числа наводнении въ Петербургъ и конечно сильно меня перепугали, потому что родители мои въ то время жили противъ новаго Адмиралтейства, на Мойкъ, на углу Англійскаго проспекта (гдъ нынъ находится дворецъ Великаго Князя Алексвя Александровича), а по распространившимся слухамъ, эта сторона также значительно пострадала. Дня черезъ два или три, наконецъ, появился въ Дерптв нумеръ St.-Petersburger Deutsche Zeitung съ подробнымъ описаніемъ наводненія, да и самъ я получилъ письмо отъ старшаго брата Александра. "Изъ Мойки, — писалъ онъ, - около объденнаго времени, т.-е. въ 4-мъ часу дня, на нашъ дворъ и въ садъ начала быстро приливать вода и поднималась все выше и выше, такъ что часа черезъ два дошла почти уже до балкона втораго этажа. Изъ сосъдства притащились въ намъ нъсколько семействъ съ своими пожитками. Отецъ во-время еще успълъ прівхать изъ дворца, но колеса коляски до половины катились въ волнахъ. Отпряженныхъ лошадей кучеръ втащилъ вверхъ по парадной лъстницъ на площадку у входа въ квартиру". Братъ Александръ, будучи задержаннымъ въ департаментъ, вмъсть съ другими чиновниками, живущими вблизи Офицерской и Екатерингофскаго проспекта, добыль себъ лодку, изъ которой и высадился онъ на балконъ нашего дома. Чтобы впустить его, пришлось выставить внутреннюю, зимнюю раму балконной двери. Сынъ же дяди Шпальте, Егоръ Густавовичъ, сослуживецъ Александра, жившій у отца, который пользовался пом'вщеніемъ въ зданіи государственнаго банка, по набережной Екатерининскаго канала, наняль извощика съ дрожками малаго калибра, т.-е. съ такъ называемой "гитарою". Пока онъ добхалъ по Невскому проспекту до Казанскаго моста, все болве и болве прибывавшая вода принудила его и возницу подняться и держаться на ногахъ. Когда же они повернули направо вдоль набережной канала, то имъ пришлось уже встать на самое сидъніе, поддерживая другь друга. Въ такомъ-то положеніи дотащились они шагомъ до банковскаго зданія, выходящаго въ переулокъ, который ведеть на Садовую, и встали подъ одно изъ оконъ квартиры. Тутъ молодой Шпальте постучалъ въ окно. Услыхавъ стукъ, отецъ отворилъ форточку и помогъ сыну влъзть черезъ нее. Извощикъ же погналъ лошадку, сказавъ, что надъется добраться до Измайловскихъ казармъ на свою квартиру.

XV.

Въ "Терціи" началось вообще болье серьезное изученіе предметовъ, которые по этой причинъ исключительно преподавались одними только "старшими" учителями. По части латинскаго языка мы занимались у двухъ наставниковъ: у вышеупомянутаго директора Розенбергера и у г. Мальмгрена. Но первый считался какъ бы только адъюнктомъ, а главнымъ на самомъ двив преподавателемъ латинскаго языка былъ второй. Γ . С. Мальмірень, родомъ шведъ, имълъ весьма высоко въ то время чтимое званіе доктора филологіи всемірно славившагося Упсальского университета. Его выговоръ латинского языка звучалъ такъ элегантно и мелодично, какъ мив позже не приходилось болве слышать ни отъ кого, не исключая даже многихъ знаменитыхъ германскихъ филологовъ *). Г. Мальмгренъ занимался съ нами четыре раза въ недълю по часу: два урока посвящались чтенію Овидіевыхъ "Метаморфозъ", а другіе два урока изученію подробнаго синтаксиса. Чтеніе Овидіевой поэмы производилось весьма тщательно: г. Мальмгренъ, строго требоваль, чтобы мы читали стихи Овидія

> "Не такъ какъ понамарь, А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой",

да съ соблюденіемъ точнаго ритма стиховъ. Послѣ перевода какого-нибудь предложенія, особенно выдающагося поэтическими метафорами, мы должны были передать его по латынѣ же, другою конструкціею и другими словами. А словосложеніе

[&]quot;) Изъ числа всёхъ датинистовъ, съ которыми впоследствіи свела меня судьба, по сужденію (музыкальнаго) моего слуха, къ д-ру Мальмгрену, относительно именно-то образцоваго выговора, ближе всего подходили только бывшій профессоръ Бернскаго университета д-ръ философіи Лудвигъ Эккартъ (уроженецъ г. Вёвы), да славный нашъ соотечественникъ, профессоръ прежде Московскаго, а ныпъ Новороссійскаго университета, д-ръ филологіи Осодоръ Евгенісвичъ Коршъ.

БИБЛИОТЕКА УЛИТИНА Айсисся Викторович

преподавалъ г. Мальмгренъ не только теоретически, но и практически, заставляя насъ сочинять письма и коротенькія статейки. Вызванные переписывали на доску свои произведенія, а остальные должны были критиковать да поправлять. Однимъ словомъ, г. Мальмгренъ училъ насъ такъ-называемому "мертвому" языку, какъ хорошими преподавателями принято учить "живымъ", т.-е. современнымъ языкамъ.

Равномърно любили мы также уроки исторіи у г. Хахфельдъ, который своимъ лекціямъ умълъ придавать особенное оживленіе своимъ поэтическимъ направленіемъ. Въ подходящіе моменты онъ читывалъ намъ (конечно въ нъмецкомъ переводъ) относящіяся къ предмету мъста изъ произведеній древнихъ поэтовъ или лътописцевъ.

Такъ, напр., говоря о древнихъ египтянахъ и ассирійцахъ онъ читывалъ намъ повъствованія Геродота; упоминая о троянской войнь, приводиль отборныя мыста изъ Иліады Гомера; исторія Эдипа и его сыновей сопровождалась сценами изъ трагедій Софокла и Эсхила. Съ подробностями войнъ эллиновъ съ персами онъ насъ знакомилъ помощью Оукидида; съ характеристикою нъкоторыхъ позднъйшихъ героевъ - приведеніемъ мфстъ изъ Плутарха; съ правами ангиннъ времени Перикла, — чтеніемъ изъ комедій Аристофана и т. п. Также и для вящшаго разъясненія средней исторіи онъ уміль находить подходящій поэтическій матеріаль. Исторія Карла Великаго иллюстрирована была имъ чтеніями изъ "Хроники" епископа Григорія Турскаго и изъ "Пъсни о Роландъ" *). Повъствованіе объ окончательномъ дёленіи владёній Карла Великаго на Германію и Францію въ 842 г. сопровождалось сообщеніемъ въ оригинальныхъ наръчіяхъ торжественныхъ клятвъ Людовика Германца и Карла Лысаго, произнесенных в ими въ присутствін ихъ воиновъ, на Страсбургскомъ полъ **); кровавая борьба англійскихъ принцевъ Бълой и Алой розы добавлялась отрывками изъ трагедій Шекспира, (въ переводъ Шлегеля); характеристика императора Максимиліана І, разъяснялась мъ-

^{*) &}quot;Das Rolandslied", сочиненіе священника Колрада (Pfaffe Konrad) около 1175 года, подражаніе еще бол'єе древней французской (франко-галльской) эпонем.

^{**)} Первый произнесъ клятву на франко-галльскомъ, второй на франко-германскомъ языкъ.

стами изъ старинной поэмы "Theuerdank" *), и т. д. Иногда г. Хахфельдъ приносилъ съ собою какую-нибудь средневъковую хронику и читалъ намъ уже прямо изъ нея разсказы объ историческихъ происшествіяхъ, такъ что послъднія, въ передачъ ихъ на современномъ имъ наръчіи, получали какую-то особенную, увлекательную окраску. Во мнъ же спеціально съ тъхъ поръ и возродилась особенная страсть къ древнимъ трактатамъ и хроникамъ, такъ что и понынъ еще не могу равнодушно видъть лежащій на столъ какой-нибудь, стариною отзывающійся, фоліантъ; невольно порываюсь открыть и хоть мелькомъ просмотръть его.

Въ іюнъ мъсяцъ 1825 года умерла г-жа Хахфельдъ, а вслъдствіе того домашняя обстановка этого семейства совершенно измънилась, такъ что г. Хахфельдъ не нашелъ болъе ни удобнымъ, ни даже возможнымъ содержать у себя пансіонеровъ. По его же рекомендаціи я былъ помъщенъ въ семейство пастора-адъюнкта г. Юлія Бубрихъ, младшаго брата, вышеупомянутаго гимназіальнаго учителя. Новый мой попечитель жительствоваль неподалеку отъ гимназіи. Семейство его состояло изъ жены, сына Теодора, однихъ почти со мною лътъ, малютки дочери и пансіонера-гимназиста Генр. Тондорфъ. Послъдняго я уже зналъ, такъ какъ онъ хотя и двумя годами старше меня, былъ моимъ товарищемъ по "Терціи". Молодой же Бубрихъ былъ "квартанеромъ" и весьма пустымъ малымъ.

Г. пасторъ былъ мужчина лътъ подъ-сорокъ, брюнетъ, небольшаго роста, съ полнымъ румянымъ и довольно пріятнымъ лицомъ, окаймленнымъ баккенбардами и съ кругленькимъ, какъ нъмцы говорятъ, "поповскимъ брюшкомъ" (Pfaffenbäuchlein). Человъкъ онъ былъ, можно сказать, разносторонне-образованный и обладалъ свътскими манерами тогдашнихъ лифляндскихъ нъмцевъ интеллигентной сферы. Кромъ того онъ очень любилъ музыку, съ литературою которой онъ былъ хорошо знакомъ, даже имълъ отборную музыкальную библіотеку, порядочно игралъ на фортепіано и пъвалъ, не безъ вкуса, изряднымъ теноркомъ. Характера пасторъ Бубрихъ оказался мягкаго, а нрава веселаго, и вообще былъ милый, любезный

^{*)} Поэма Мельхіора Пфинцингеръ, секретаря самого Максимиліана, сочиненная около 1515 года.

человъкъ. Но такъ какъ на земномъ нашемъ шаръ совершенствъ не бываетъ, то и у добраго нашего Юлія Бубриха нашелся маленькій недостаточекъ: онъ любилъ нъсколько дедъять свой мамончикъ и не имълъ даже силы отказать ему въ какой-нибудь сласти, что иногда давало поводъ къ довольно забавнымъ сценамъ. Такъ, напр., я помню, разъ онъ возвратился домой изъ увзднаго училища, гдв онъ состоялъ преподавателемъ Закона Божія. Столъ къ объду быль уже накрытъ, и мы всв стояли у своихъ стульевъ, выжидая появленія главы дома, перемінявшаго въ своей спальной выходное платье на домашній костюмъ. Наконецъ, выходить г. пасторъ и говоритъ меданхолическимъ голосомъ: "Садитесь, садитесь, мои любезные! Ты, мамочка, - обращается онъ къ женъ, разливай супъ, а я пока около васъ похожу. Мет что-то не совствить можется . — "Ахъ! и восилицаетъ пасторша, придавая своей физіономіи соотвътственное выраженіе: "надъюсь, что не опасно? Да, ужъ очень некстати!" — "А что?" любопытствуетъ г. Бубрихъ. — "А то", отвъчаеть она, "что сегодня какъ разъ любимый твой супъ: mok-turtle!*) - не изготовить ли тебъ наскоро хоть овсянаго отвара?" — "Брръ!" слышится со стороны мужа, "нътъ, душечка; налей мнъ немножко mok-turtle, ну съ полтарелочки или хоть неполную тарелку; попробую, авось не повредить!" И садится нашъ хозяинъ, и хотя все еще по временамъ охаетъ, а между тъмъ налитая ему заботливою хозяйкою преполная даже порція черепашьей похлебки исправно опоражнивается. Но вотъ нашъ пасторъ встаетъ и опять прохаживается, охая. Между тъмъ кухарка ставить на столь второе уже блюдо. Хозяйка приступаеть въ раздаванію поданнаго. Г. Бубрихъ пошевеливаетъ носомъ и вдыхаетъ въ себя несущійся ему навстрічу ароматъ. "Мамочка, это, кажется, фрикассе изъ зайца?" — "Да, папочка, фрикассе изъ зайца". — Хозяинъ все еще похаживаетъ, пока намъ раздаютъ, но похаживаетъ уже въ раздумью; наконецъ не вытерпълъ: "Дай-ка, мамочка, кусочекъ и мив. Попробую; авось не повредить!" А на его тарелив лежать уже два-три кусочка. Когда онъ съ ними покончилъ, то спросиль уже самь: "А третьимь блюдомь-то что у тебя?" —

^{*)} Черепатій супъ.

"Кіrschtörtchen" (пирожки съ вишневой начинкою). — "Знаешь что, мамочка, ты положи мий немножко, а я пока подкрилю себя рюмочкой малаги; тогда оно будетъ безопасние". Сказано — сдилано, а между тимъ нижная супруга накладываетъ на его тарелку съ два десятка пирожковъ! — Ничего! недугъ г. Бубриха прошелъ безъ всякихъ вредныхъ послидствій.

Хотя и была у пастора Бубриха эта маленькая слабость, но вообще мы съ нимъ прекрасно ладили Къ тому же, такъ какъ въ книгъ судебъ человъческихъ въроятно въ то уже время мев было написано сдвлаться современемъ серьезнымъ музыкантомъ, то для раціональной подготовки къ этому поприщу едва ли можно было тогда найти болве подходящихъ руководителей для меня какъ двухъ братьевъ Бубрихъ. Выше уже я упоминаль, что у пастора Бубриха была довольно отборная музыкальная библіотека и что самъ онъ порядочно играль на фортепіано, да підь теноромь. Брать же его влядълъ довольно хорошимъ басомъ и сносно игралъ на скрицкъ. Товарищъ мой, Тондорфъ, могъ, въ случав необходимости, справляться съ баритонными партіями, хотя и съ гръхомъ пополамъ, а у меня былъ довольно объемистый, и моимъ маэстро Вейраухомъ нъсколько уже выработанный, альтъ. У насъ нашелся даже сильный и высокій (хотя правду сказать, нъсколько пискливый) сопрано, въ лицъ двоюродной сестрицы нашей г-жи пасторши: она была учительницей городскаго женскаго училища (Städtische Töchterschule), дъвица "необъявимых дътъ", но съ музыкальнымъ инстинктомъ и безъ чопорныхъ претензій. Такимъ образомъ, по вечерамъ, въ воскресенье и праздничные дни уже непременно, а иногда и въ будни, составлялись свои концерты, по большей части экспромтомъ, т.-е. безъ всякаго приготовленія и безъ напередъ установленной программы. Исполнялись симфоніи Гайдна и Моцарта*) и увертюры тогдашняго репертуара (западной Европы) въ переложении для фортепіано въ 4 руки; это выпадало на долю г. пастора вмъсть со мною. Сонаты тъхъ же вънскихъ двухъ влассиковъ, преимущественно для скрипки съ фортепіано, откачивали два брата Бубрихъ, а иногда и я замъ-

^{*)} Творенія Бетховена въ то время даже и въ Германіи находили себ'я весьма малое только еще распространеніе.

нялъ пастора-піаниста. Но преимущественно интересовали насъ исполненія (a prima vista) ораторій и оперъ, потому что въ этомъ участвовала вся честная компанія. Боже мой, чего только мы не перепъвали въ течение полутора года. Тутъ были оперы и до-Моцартовской даже эпохи, и французской школы раньше Бойельде, и творенія последнихъ годовъ до Фрейщюца включительно. Изъ ораторій, кромъ двухъ знаменитъйшихъ твореній Гайдна, я такимъ образомъ познакомился также съ произведеніями: Грауна (Der Tod Jesu), Фридр. Шнейдера (Das Weltgericht), съ многоголосной кантатою Линдпайнтнера (Te Deum) и съ мелодрамою Георга Бенды (Ariadne auf Naxos). Что между пътыми нашимъ кругомъ операми были сочиненія Глюка (Alceste, Orpheus, Armida и объ Ифигеніи), Моцарта (Zauberflöte, Titus, Die Entführung aus dem Serail, Idomeneus), Kepybuhu (Der Wasserträger, Lodoïska), Спонтини (Die Vestalin), Россини (Der Barbier von Seviglia, Der glückliche Betrogene, Aschenbrödel, Die diebische Elster) и Вебера (Abu-Hassan oder die drei Wünsche, Preziosa, Der Freischütz), конечно, никого не удивить, хотя и межъ этими операми встръчаются такія названія, которыя изръдка только доходять до свъдънія нынъшнихъ любителей музыки. Но на нашихъ домашнихъ концертахъ распъвались и такія оперы, про которыя нын'в даже изъ настоящихъ музыкантовъ развъ двумъ-тремъ только случалось кое-гдъ прочесть, но которыя въдесятыхъ и двадцатыхъ годахъ довольно часто встръчались въ репертуаръ первъйшихъ европейскихъ театровъ. Такъ какъ свъдънія объ этомъ репертуаръ могутъ пополнить понятіе о музыкальномъ вкуст тогдашней публики, то я сообщаю здёсь названія тёхъ оперь въ томъ же порядке, какъ они записаны на старыхъ моихъ памятныхъ листкахъ: Ditters von Dittersdorf (Der Betrug durch Aberglauben, Die Liebe im Narrenhause); Jos. Weygl (Der Bergsturz, Die Schweizerfamilie); Cimarosa (Die heimliche Ehe); Naumann (Cora); Abt Vogler (Zamori, Hermann von Unna); Paisiello (Nina oder die Wahnsinnige aus Liebe, Die Herrin als Dienerin); Joh. Adam Hiller (Die Jagd; Die Liebe auf dem Lande; Der Erndtekranz); P. v. Winter (Die Pyramiden von Babylon, Das unterbrochene Opferfest, Der Sturm); Catel (Die Bayaderen); Mehul (Joseph in Egypten); Vincenz Martin (Cosa rara); Simon Mayer (Telemach); Monsigny (Die Königin von Golkonda); Paër (Camilla); Grétry (Richard Löwenherz); Boyeldieu (Benjowskij; Tantchen Aurora); D'Alayrac (Die Zwei Savoyarden; Adolph und Clara, oder die beiden Gefangenen) *). Крайне интереснымъ и совершенно для меня новымъ родомъ музыки показались мнъ баллады Іоанна Рудольфа Цумштега (Zumsteeg): "Ritter Toggenburg"; "Die Büssende"; "Die Entführung"; "Leonore"; "Des Pfarrers Tochter von Taubenhayn". Впослъдствій (въ 1839 г.) это случайно пріобрътенное знакомство съ формою музыкальной баллады оказалось даже весьма практически-полезнымъ для меня.

Но большее еще вліяніе вообще на интеллектуальное мое развитіе имело следующее обстоятельство. Леть за десять предъ тъмъ, по предложению вышеупомянутаго старшаго учителя Германна, была устроена гимназіальная библіотека для чтенія, которая поддерживалась и ремонтировалась изъ сумиъ, собираемыхъ по ежегодной добровольной подпискъ не только учениковъ, но и учителей. Эта библіотека помъщалась въ самомъ зданіи гимназіи и состояла подъ надзоромъ и управленіемъ директора и двухъ учителей. Последніе исполняли вместе съ тъмъ (безплатно) должность библіотекарей и засъдали каждую субботу отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ въ библіотекъ для раздачи гимназистамъ желаемыхъ и принятія обратно возвращаемыхъ ими книгъ. Должность эта была весьма логично возложена на двухъ учителей господствующаго, т.-е. нъмецкаго, языка: гг. Германна и Бубриха (брата пастора). Но главнъйшая суть дъла не въ томъ, что оба эти достойные педагоги аккуратно записывали выдаваемыя и возвращаемыя книги, а въ томъ, что, соображаясь со степенью умственнаго развитія каждаго изъ учениковъ, они охотно и съ теплымъ даже участіемъ руководили ихъ въ выборъ книгъ, и къ тому же безъ всякаго педантизма. Мнъ лично было весьма удобно пользоваться просвъщенными и на широко-поэтическомъ пониманіи основанными совътами старшаго г. Бубриха (т.-е. учителя), который, будучи холостякомъ, хотя и жилъ на отдъльной квартиръ, но объдалъ

^{*)} Не должно удивлять, что въ этомъ спискі всі оперы, даже французскихъ и вталіанскихъ маэстро, обозначены німецкими названіями: я передаю посліднія такъ, какъ оні значились на тіхъ изданіяхъ, которыя были у пастора Бубриха, и какъ мы привыкли ихъ называть.

ежедневно у своего брата и проводиль съ нами же свои вечера. Онъ всегда съ величайшею готовностью объяснялъ намъ, пасторскимъ пансіонерамъ, всъ вопросы, съ какими мы къ нему обращались относительно какого-либо научнаго предмета. Такъ и насчетъ выбора для чтенія литературныхъ произведеній онъ мною руководилъ весьма раціонально и указывалъ сначала на болве легкихъ авторовъ, не забраковывая однако и тогдашнихъ модныхъ романистовъ и нувеллистовъ не только въ родъ Вальтера Скотта, Іоганны Шоппенгауеръ *), Вилибальда Алексиса, Амедея Гофмана, Ламотъ-Фуке, Гауфа, Шамиссо и т. п., но даже и въ родъ Каролины Пихлеръ и Клаурена. Точно такъ же и изъ стихотворныхъ произведеній онъ даваль мив читать сначала лирическія: Бюргера, Теод. Кёрнера, Шенкендорфа, Уланда и т. п., а затъмъ уже Шиллера, Гёте, да эпопеи Гёте же (Hermann und Dorothea), Фосса, Тассо, Аріоста и т. п., а драмы и трагедіи великих германских, испанских и англій. скихъ поэтовъ я проходилъ не раньше какъ чрезъ два года. СъФаустомъ-Гёте, да съ Жанъ-Пауломъ, Мильтономъ, Петраркою, Данте и пр. познакомился я только будучи уже студентомъ. И опять таки выходить, что въ нормальномъ развитіи юнощества весьма важную роль играють педагогическій таданть и душевное настроеніе наставниковь и преподавателей.

По случаю предстоявшаго, въ день 18-го декабря, одного экстреннаго семейнаго празднества, отецъ мой чрезъ профессора Паррота заранъе исходатайствовалъ мнъ отъ директора гимназіи дозволеніе выъхать на рождественскіе праздники гораздо раньше обыкновеннаго отпускнаго срока. Положено мнъ было отправиться 12-го декабря; и такъ, какъ разръщеніе послъдовало уже въ половинъ ноября, то я съ нетериъніемъ считалъ истекающіе дни и часы до ожидаемаго отъъзда. Въ самое это время, въ исходъ почти уже ноября, пришла совершенно неожиданная печальная въсть, что Государь Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогъ 19 числа. Тотчасъ же по всъмъ церквамъ были отслужены панихиды, а на другой день всъ профессора университета и учителя гимназіи, а также и всъхъ прочихъ училищъ, состоявшіе въ русскомъ подданствъ, собрались въ большой

^{*)} Матери «пессимиста» последующей эпохи — Артура Шопенгауера.

актовой залъ университета для принесенія върноподданической присяги новому Государю Императору, бывшему Великому Князю Цесаревичу, Константину Павловичу.

Приказаніе это, какъ тогда всё говорили, послёдовало отъ Правительствующаго Сената, по распоряженію молодаго Великаго Князя Николая Павловича, который, за отсутствіемъ въ Петербургів новаго Государя Императора, имівшаго дотолів въ качествів Намівстника Царства Польскаго постоянное свое мівстопребываніе въ Варшавів, приняль за него начальство въ столиців. Самъ же Великій Князь, по общему разсказу, тотчасъ по полученіи вівсти о кончинів Государя Императора Александра I, быль первымь, который присягнуль въ віврноподданствів старшему Августівішему своему брату Цесаревичу.

Самая-то внезапная кончина стодь боготворимаго своими подданными Царя, конечно, повергла всёхъ въ неописуемое глубокое гореваніе, но никому и въ голову не пришло, что принесенная, по общему, всею Россіею тогда предполагаемому, законному порядку наслёдія престола, присяга была преждевременна, и что она будетъ отвергнута самимъ Цесаревичемъ. И впрямь, всюду, повидимому по крайней мъръ, царили полнъйшее спокойствіе и обычный общественный порядокъ.

Итакъ ничто не препятствовало мив отправиться домой, какъ предположено было, въ день 12-го декабря, такъ что 13-го декабря къ вечеру я былъ уже въ объятіяхъ своихъ родныхъ.

На другое утро, вставъ въ 9 часовъ, мы услышали отъ поднявшейся уже, противъ своего обычая, матушки, что ночью къ отцу прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ, прибыть ровно къ 9-ти часамъ въ придворную контору, въ парадной формъ, для присяги на върноподданство новому уже Государю Императору Николаю Павловичу, такъ какъ Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отказался отъ наслъдія престола. Все это было такъ ясно и естественно, что не было никакого, хотя бы и малъйшаго, повода для какого-либо душевнаго безпокойства. А потому матушка безъ всякаго сопротивленія разръшила мнъ ъхать къ бабушкъ на Васильевскій островъ. Туда извощикъ повезъ меня чрезъ Неву (противъ 9-й ливіи). У бабушки я встрътилъ Егора Шпальте, съ которымъ мы вмъсть въ 1-мъ часу и отправились навъстить

мою замужнюю сестру Юнгъ-Стиллингъ*), жившую на Гороховой улицъ, между Адмиралтейской площадью и Малой Морской. Дорога туда намъ предстояла чрезъ существовавшій въ то время Исаакіевскій мостъ, мимо Сенатскаго зданія и монумента Петра Великаго. Когда мы доъхали почти уже къ концу моста, мы наткнулись на стоявшій тутъ пость солдатъ, которые насъ дальше не пустили. "Нельзя!" да и только, безъ дальнъйшихъ объясненій. "Да намъ неподалечку, въ Гороховую!" возразили мы. — "Сказано: нельзя!" отвъчалъ старый унтеръ-офицеръ, "не вельно!" — "Да какъ же быть-то намъ?" спрашивали мы: "въдь совсъмъ близко!" — "Нельзя!" — Тутъ мы замътили, что пъшеходовъ не задерживаютъ. Мы снова адресовались къ унтеру: "А пъшкомъ дозволено пройти?" — "Пъшкомъ ничего, пъшкомъ можно!" Нечего было дълать: отпустили мы извощика и пошли пъшкомъ.

Хотя вся эта случившаяся съ нами процедура крайне озадачила Егора Шпальте и меня, хотя мы вообще никакъ не могли себъ объяснить, съ какой это стати собрадись полки именно въ этомъ мъсть, тогда какъ (по объясненію Шпальте) недель около двухъ тому назадъ все гвардейскія части присягали въ своихъ казармахъ, но мы все еще были далеко отъ настоящей догадки. Между тъмъ, сколько мы ни торопились, а движеніе впередъ становилось все трудиве: съ площади около монумента и тянувшейся вокругъ строившагося Исаакіевскаго собора дощатой ограды нахлыновали все болье и все гуще толпы народа. Вивсто того, чтобы наиъ хотя какънибудь выйти на площадь противъ Вознесенскаго проспекта, волны этого людскаго океана, въ которомъ бушевало върно ужъ нъсколько тысячъ головъ, тъснили насъ все ближе и ближе въ самому зданію Адмиралтейства. Я объими руками прицъпился къ лъвой рукъ Шпальте, который года на четыре былъ старше меня. "Протвенимся-ка ужъ лучше къ воротамъ Адмиралтейства; тамъ все-таки свободнве", предложилъ мой спутникъ. И начали мы дружнымъ натискомъ пропихиваться, такъ, что наконецъ достигли самой ствны зданія, какъ разъ

^{*)} Мужъ ея Өедоръ Юнгъ-Стиллингъ былъ сынъ знаменитаго нѣкогда мистика, гейдельберскаго профессора Юнгъ-Стиллинга, друга Гёте, Гердера, пресловутой г-жи фонъ-Крюденеръ и министра почтъ князя А. Н. Голицына.

подъ дъвую изъ двухъ нишъ съ атлантами. Тутъ вздохнули мы уже посвободнъе и стали оглядывать стоящихъ вблизи: это большею частью были люди средняго сословія, въ общеевропейской одеждъ, да кой-какія лица въ лисьихъ тулупахъ, съ смирными, хотя и съ столь же испуганными, тревожными физіономіями, какъ и всъ мы прочіе. Видно было, что это либо лавочники, либо ремесленики. Какъ разъ около насъ, прижавшись другъ къ другу, стояла группа изъ трехъ лицъ такого типа: съдовласый старикъ, молодецъ лътъ 30-ти и молодая женщина.

Съ Сенатской площади неслись неистовые, буйные крики; что это именно кричали, недьзя было хорошенько разобрать.

"Дъдушка! а дъдушка! почтеннъйшій!" обратился Шпальте къ старику: "что это они оруть? что все это значить?"

"Да вотъ давеча", сообщилъ старикъ, "какъ мы вонъ тамъ около "мунаминта"-то проходили, московцы*) баили, будто хотятъ обидътъ Государя, кому намеднись мы присягнули; корону, значитъ, Богомъ данную, отнять у него. Вотъ они и кричатъ "ура" Константину Павловичу: допущать его до обиды-то имъ нежелательно".

"Да это все ложь", разсердился Шпальте: "Цесаревичъ самъ отказался; письмо съ курьеромъ Сенату прислалъ прошлой ночью".

"Такъ-то, такъ, милый господинъ! И самъ батюшка митрополитъ имъ то же самое говорилъ, и генералъ-губернаторъ нашъ, графъ Милорадовичъ; да подитка, не върятъ! И высокопреосвященнъйшаго напугали, едва успълъ уйти къ собору. А бъднаго Милорадовича-то такъ-таки уложили. Я самъ видълъ, какъ онъ съ лошади-то упалъ".

"Да баили еще", вмъшался туть молодецъ, искоса насъ оглядывая, "что Государь-то Константинъ Павловичъ съ аршавской своей-то съ гвардіей сюда идетъ расправу творить, и что ужъ онъ у Пулкова".

"И супруга ихняя тоже съ ними", прибавила робко молодая женщина.

"Да-съ! точно-съ и супруга Государева", уже оживленнъе

^{*)} Т.-е. солдаты Московскаго полка.

сказалъ молодой парень; "вотъ, почему солдатики тѣ и кричатъ, кто Константинъ, а кто и Конституція!"

"Какъ конституція?" воскликнулъ Шпальте: "да это вовсе не то значить!"

"Нътъ, господинъ милый! Это должно быть точно есть имя такое — то, значить Государева супруга!"

Вдругъ съ лъвой стороны, на Дворцовой площади раздалось громогласное "ура!" Въ первый моментъ мы съ Шпальте вздрогнули; но это "ура" звучало совершенно другимъ тономъ: оно звучало свътло, тепло, радостно! Изъ любопытства мы взлызи вр находящуюся надр нами нишу и присфли около статуи атланта. Голые стволы деревьевъ на бульваръ не очень-то мъшали, такъ что чрезъ головы стоявшаго внизу народа всетаки довольно ясно можно было видеть, что происходило на плацу. Видны были войска отчасти въ мундирахъ, отчасти же и въ шинеляхъ, разставленныя близъ дворца и вдоль бульвара и около угла Невскаго проспекта, а по серединъ масса толпившагося народа, между которой выдавались треугольныя шляпы съ бълыми султанами. Крики "ура" повторялись нъсколько разъ, и каждый разъ вмёстё съ темъ замечалось живое движение въ упомянутой толпъ по срединъ Дворцовой площади. На другой день ходила молва о томъ, что молодой Царь целовался тамъ съ окружавшимъ его добрымъ народомъ. Потомъ вся эта масса гражданъ исчезда изъ гдазъ и видны были только густые ряды солдать, а въ срединъ юный монархъ, окруженный генералами. Вскоръ затъмъ Императоръ показался верхомъ, а около него еще нъсколько лицъ также на лошадяхъ, и всв они медленно направлялись впередъ къ Сенатской площади.

Тамъ въ это время тоже оказалась перемъна: около забора строившагося храма тъснилась весьма густая масса самаго чернаго народа, судя по одеждъ на фигурахъ, а впереди ихъ волновались въ безпорядкъ шеренги солдатъ, которыхъ вначалъ тамъ не видно было. Внизу подъ нами находившіеся, какъ и мы, невольные зрители говорили, что это вновь прибыли роты гвардейскаго экипажа.

Противъ насъ же, вдали, по Гороховой улицъ и по Вознесенскому проспекту, показались новые отряды пъхоты. Императоръ Николай Павловичъ со свитою, частію верхомъ, частію пъшкомъ, тъмъ временемъ все понемногу подвигался и уже поравнялся съ зданіемъ Губернскаго Правленія, какъ вдругъ, остановившись со всею своею свитою, посторонился, а мимо него промаршировала рота солдатъ, которая направилась къ мятежникамъ около Петровскаго монумента и тамъ, вставъ, повернулась лицомъ къ той сторонъ, гдъ стоялъ Государь Императоръ. Вслъдъ за тъмъ послышались по всей линіи бунтовщиковъ дикіе крики: "ура Константину!" а гдъ и "ура Конституціи!" Это всъхъ насъ озадачило.

Императоръ же Николай Павловичъ, какъ будто ничего особеннаго не было, подвигался спокойно все дальше впередъ, и поравнялся уже почти съ домомъ князя Лобанова, когда прибыли на плацъ подошедшія изъ Гороховой и съ синяго моста войска. Государь подъйхадъ къ нимъ и что-то имъ сказалъ, на что солдаты отвътили восторженнымъ "ура!" Императоръ во главъ ихъ подвинулся еще болъе впередъ, почти вплоть до линіи мятежниковъ, и что-то говорилъ последнимъ; а потомъ, когда со стороны ихъ повторялись все тв же безумные крики, то повернуль лошадь и медленно отъвхаль немного назадъ*). Около Лобанова дома и позади забора храма св. Исаакія показались эскадроны Конной гвардіи Последовавшихъ затемъ моментовъ въ подробностяхъ нынё уже не помню; но очень твердо осталось въ моей памяти, что я видълъ, какъ, прежде чъмъ стоявшія на Адмиралтейской площади вфрныя части гвардіи и подъбхавшая между томъ артиллерія начали дійствовать, молодой царь два раза еще приблизившись къ мятежникамъ, ихъ увъщевалъ. Не раньше какъ послъ третьяго увъщанія, когда раздававшіеся въ отвътъ буйные крики сопровождались даже ружейными выстръ-

^{*)} На другой день ходили о томъ различные слухи: нѣкоторые разсказывали, будто какой-то переодѣтый офицерь (поручикъ Каховскій), другіе же будто какой-то статскій (учитель и поэтъ Вильгельмъ Кюхельбеккеръ), стоявшій близъ того мѣста, гдѣ сходились ряды экипажъ-гвардіи съ рядами Московскихъ ротъ, два раза поднималь пистолетъ, чтобы стрѣлять въ Царя, но что оба раза стоявшіе около него старые солдаты изъ числа бунтовщиковъ же сильно ударили его по рукѣ такъ что онъ долженъ быль опустить пистолетъ. Потомъ же оказалось, что Кохавскаго до того еще схватили за убійство графа Милорадовича, и что Кюхельбеккеръ покушался на жизнь не Государя Императора, и Великаго Князя Михаила Павловича.

лами, Государь, возвратившись за колонны върныхъ защитниковъ священныхъ его правъ, уступилъ настоятельнымъ требованіямъ своихъ генераловъ, какъ потомъ всъ находившіяся тогда около Императора лица подтвердили, и разръшилъ наступательныя дъйствія. Всъ эти свидътели разсказывали, что имъ больно и тяжко было видъть на лицъ Государя выраженіе сильнъйшей борьбы его души между требованіями государственнаго разсудка и влеченіемъ любвеобильнаго сердца.

Двинулась наконецъ гвардейская артиллерія впередъ и выстрвлила въ толпу мятежниковъ. Но этотъ залпъ произвелъ незначительное только смятеніе между бунтовщиками; зато, къ несчастію, онъ крайне напугаль стоявшій на бульварь народъ. Вся эта безчисленная масса людей съ криками и воплями разомъ быстро отхлынула назадъ къ самой ствив адмиралтейскаго зданія, при чемъ (какъ потомъ говорили) многіе, въ особенности женщины и дъти, сильно пострадали отъ давки и топтанія ногъ. Позже объяснилось, что этотъ залиъ былъ пущенъ холостыми зарядами. Не почувствовавъ на себъ никакого вреда, бунтовщики начали еще свиръпъе стрвлять изъ ружей; но такъ какъ все-таки между ними произошло смятеніе вообще, следовательно и должнаго порядка очевидно уже не было, то и стръляли безъ опредълительной команды, лишь бы отстръливаться, не очень-то разбирая куда именно. Оттого-то не мало отъ нихъ шальныхъ пуль попало въ несчастный народъ, теснившійся около стенъ адмиралтейства.

Тогда подскакали еще двъ другія артиллерійскія баттареи, да ближе еще къ монументу Петра, и пустили въ бунтовщиковъ залпы, настоящими уже зарядами, картечью; а вслъдъ за тъмъ со стороны Исаакіевскаго собора кавалерія (мнъ помнятся бълые т.-е. кирассирскіе мундиры) произвела атаку. Потомъ послъдовало еще два залпа артиллеріи. Мятежники обратились въ бъгство и старались спасаться кто по набережной канала у казармъ конной гвардіи*), кто по Галерной улицъ или по Англійской набережной и даже на Васильевскій

^{*)} Этотъ каналъ въ началъ тридцатыхъ годовъ былъ обращенъ въ подземный протокъ, а сверху надъ нимъ сдълана насыпь, да сооруженъ нынъшній конногвардейскій бульваръ.

островъ по льду самой Невы. Ихъ преслъдовали еще двумя выстрълами, а въ дальнъйшую погоню за ними поскакала кавалерія, должно быть конные піонеры, потому, что за исключеніемъ кавалергардовъ и конной гвардіи въ самомъ Петербургъ другіе кавалерійскіе отряды, кромъ означенныхъ, не квартируютъ.

Въ 7-мъ часу все было покончено, и върныя Государю войска расположились биваками на Петровской, Адмиралтейской и Дворцовой площадяхъ, по Дворцовой набережной, по Невскому и Вознесенскому проспектамъ да по Гороховой улицъ до мостовъ чрезъ Мойку.

Лишь только установился кой-какой порядокъ, такъ мы съ Шпальте поскоръе дали тягу чрезъ Гороховую на Большую Морскую, а тамъ далъе побъжали по набережной Мойки прямо домой, гдъ я, къ крайнему моему огорченію, нашелъ своихъ родителей въ ужасной тревогъ обо мнъ. Самъ же отецъ пріъхалъ изъ дворца въ 4-мъ еще часу, сдълавъ не безъ труда крюкъ чрезъ Марсово поле и Большую Садовую. Ночью я очень долго заснуть не могъ: все вспоминалъ про ужасы проведенныхъ мною у адмиралтейства семи часовъ, и успокоился только, когда возсіяла въ памяти моей свътловеличественная личность молодаго героя Императора. И по сію пору горячо и глубоко живетъ эта память въ сердцъ 80-лътняго старца и отразилась въ словахъ и въ звукахъ гимна:

"Славенъ русскій бѣлый Царь Православный Государь!
Славенъ милосердьемъ въ намъ, Доблестью во страхъ врагамъ.
Свять для насъ Царевъ вѣнецъ, Царь отечества отецъ!
Боже нашъ, Царя храни,
Благодатью осѣни!
За Царя вся Русь стоитъ,
Онъ оплотъ намъ, мечъ и щитъ;
Отъ измѣны, отъ враговъ —
Боже! будь надъ нимъ повровъ!"

~~~~~

XVI.

Лътомъ 1826 года перешелъ я въ Секунду.

Слъдующіе два классныхъ года могу я считать какъ бы предвъщательными для моей жизни, какъ бы даже служившими подготовленіемъ къ той безконечной борьбъ, которая ожидала меня потомъ на будущемъ моемъ, въ то время ни малъйше еще не предполагаемомъ, поприщъ музыкальнаго дъятеля.

Уже въ Квартъ и въ Терціи случалось мит изръдка испытывать отъ старшихъ годами товарищей иткотораго рода насмъщии и какое-то небрежное со мною обхожденіе изъ-за того, что я быль не въ уровень имъ по лътамъ и по возаръніямъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извъстно, юноши переходнаго возраста гораздо менте снисходительны, что, кромт этихъ естественныхъ причивъ, холодность отношеній ко мит товарищей усиливалась еще и довольно явно выказаннымъ учителями вниманіемъ ко меть за небольшія, случайно мит природою дарованныя способности. Не хочу наконецъ отрицать и возможности собственной моей вины въ томъ, что какъ вообще мальчики 14—15 лътъ подобнаго же калибера, статься можетъ и я также нъсколько кичился упомянутымъ отличіемъ. А это школьными товарищами никакъ не прощается.

Однимъ словомъ, настоящихъ друзей у меня тогда не было*). Было три — четыре изъ секунданеровъ, съ которыми я состоядъ, какъ говорится, на пріятельской ногѣ. Остальные же относились ко мнѣ равнодушно, словно я для нихъ и не существовалъ. Но былъ между секунданерами также одинъ, который съ самого начала сталъ всячески ко мнѣ придираться, а когда, несмотря на его 18 лѣтъ, я не дозволялъ ему безвозмездно подтрунивать надо мною, то его нерасположеніе перешло въ озлобленіе противъ меня. Это былъ старшій изъ толькочто въ нашу гимназію поступившихъ двухъ сыновей лейбъмедика М***, по имени Александръ.

Въ двухъ высшихъ классахъ Дерптской гимназіи господство-

^{*)} Упомянутый выше Теодоръ Германнъ быль тогда своимъ отцомъ отправленъ въ Лейнцигъ.

валъ въ двадцатыхъ годахъ духъ подражанія обычаямъ и корпораціонному устройству студентовъ. На этомъ основаніи ученики "Примы" и "Секунды" соединились (втайнъ, конечно, отъ гимназическаго и всякаго иного начальства) въ сомкнутое общество, которое не только отъ времени до времени собиралось на "коммерсы"*) но и содержало особое помъщеніе какъ для празднованія своихъ коммерсовъ, такъ и для упражненія въ фехтованіи эспадронами. Для этой цъли каждый "буршъ", т.-е. членъ этой корпораціи, вносилъ ежемъсячно не менъе четвертака серебромъ (1 рубль ассигнаціями) въ кассу общества, которой завъдывали старшина (Senior) и два его адъюнкта. Въ тотъ годъ сеніоромъ гимназическихъ буршей состоялъ ученикъ Примы, Александръ Дерфельдтъ изъ Петербурга**), молодой человъкъ лътъ 19-ти, пансіонеръ г. директора Розенбергера.

Чтобы сдъдаться членомъ корпораціи буршей-гимназистовъ, надлежало, чтобы кто-нибудь изъ болве старыхъ буршей предложилъ кандидата къ принятію въ кружокъ. Самое рвшеніе же принятія или непринятія рвшалось тогда баллотировкой.

Вслъдствіе вышеизложенных холодных ко мив отношеній тонарищей, само собой случилось, что не только никто не предложилъ меня въ кандидаты на вступленіе въ корпорацію, но даже самое-то существованіе этой корпораціи оставалось совершенной тайной для меня.

Тою же осенью умеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, и самое управленіе Императорскимъ придворнымъ вѣдомствомъ было реорганизовано, почему и отецъ мой получилъ увольненіе отъ занимаемаго имъ поста въ бывшей придворной конторѣ. Одновременно съ этимъ событіемъ возникли какія-то недоразумѣнія между новымъ министромъ финансовъ генераломъ отъ инфантеріи (впослѣдствіи графомъ) Егоромъ Францевичемъ Канкринымъ и моимъ отцомъ, который служилъ начальникомъ Счетнаго отдѣленія также еще и въ департа-

^{*)} Вечернія сходки, на которыхъ сядя вокругъ стола, бурши распівають пісни и пьють вино или "крамбамбули" (жменку).

^{**)} Сывъ тогдашниго генераль-капел-мейстера гвардейскаго корпуса и брать (вынъ уже умершаго) композитора Антона Антоновича Дерфельдта, позже наслъдовавшаго должность отца.

ментъ внъпней торговли*). Вслъдствіе этого мой отецъ вышелъ въ отставку и со всвиъ семействомъ переселился въ Дерптъ. Само собою разумъется, что и я также, оставивъ домъ милаго пастора Бубриха, сталъ жить у своихъ родителей. По искони принятому обычаю отецъ сдълалъ визиты нъкоторымъ профессорамъ и дворянамъ, служившимъ прежде въ Петербургъ по военной либо статской службъ, съ которыми онъ во время оно имълъ случай познакомиться, а затъмъ сталъ жить, по петербургскому своему обычаю, довольно открытымъ домомъ. Всявдствіе того и я свель знакомство съ нъкоторыми юношами моихъ летъ, сыновьями тамошнихъ дворянъ. Почти все эти барончики воспитывались дома особенными своими "информаторами", и наибольшей частью готовились поступить въ петербургскія военно-учебныя заведенія (Пажескій корпусъ, Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ или Инженерное училище и др.).

По переселеніи нашего семейства въ Дерптъ, родители мои начали обходиться со мною какъ бы съ взрослымъ. Вследствіе того я пользовался особой комнатою, находившейся совершенно отдельно отъ остальныхъ покоевъ, съ выходомъ въ общія сти и съ двужа окнами на удицу. Въ одну прекрасную апрельскую ночь 1827-го года я проснулся отъ какого-то необыкновеннаго шума на улицъ, какъ разъ предъ нашимъ домомъ. Я поднялся и прислушался. Какая то толпа людей вричала: "Pereat! pereat!" **) Конечно, я тотчасъ вскочиль, подбъжалъ къ окну и, отстранивъ занавъску, старался разглядъть, какіе это нахалы такъ позорно относились къ дому моихъ родителей. При тускломъ свътъ уличнаго фонаря, стоявшаго на углу нашего палисадника, я увидълъ человъкъ болье двадцати, въ числь которыхъ я узналъ многихъ изъ нашихъ приманеровъ и секунданеровъ да между прочими, именно-то впереди всвхъ, моихъ петербургскихъ земляковъ Дерфельдта и Александра М***. Я закипълъ неописуемой яростью и, схвативъ стоявщую тутъ же въ углу палку, выско-

^{*)} Въ прежніе годы, когда Е. Ф. Канкринъ быль еще провіанть-мейстеромъ армін, между нимъ и моимъ отцомъ существовали довольно интимныя дружескія отношенія.

^{**) &}quot;Да погибнеть! да погибнеть!"

чилъ въ свии и началъ судорожно отпирать дверь, выходившую на улицу. Изв'єстно, однаноже, что въ 20-хъ годахъ "парадныя" двери и замки, да и самые ключикъ нимъ, далеко не были еще столь удобоуправляемыми, какъ въ настоящее время. Потребовалось по крайней мёрё три минуты, пока удалось повернуть четырехвершковый и къ тому же несколько заржавъвшій ключь да отомкнуть неуклюжую дверь. Визгьзамка и скрипъ двери конечно не остались не замъченными честной компанією, и когда я вступиль на порогъ дверей, то при мерцаніи плохихъ уличныхъ фонарей только и увидълъ вдали нъсколько бъгло двигавшихся тъней. На другое утро прошель я, какъ и всегда, сперва къ отцу въ кабинетъ, поздороваться съ нимъ, а затёмъ въ столовую, гдё матушка предсъдательствовала за чайнымъ столомъ. На "инциндентъ" прошлой ночи никакого даже и намека не было. Это меня немного успокоило. "Слава Богу! подумалъ я, они ничего не знають, и и могу покончить дело безъ нихъ".

Съ этими мыслями отправился я въ гимназію, куда я едва не опоздаль: не успъль я усъсться на свое мъсто, какъ учитель уже взошель на каоедру. Понятно, что утренніе уроки словно вовсе не существовали для меня: модча и угрюмо сидваъ я, бавдный, глубоко въ сердцв сивдаемый злобою, и темъ более, что я инстинктивно чувствовалъ, какъ во все время взоры товарищей съ любопытствомъ были устремлены въ мою сторону. Но вотъ пробило, наконецъ, двънадцать часовъ, и я скорве собраль свою влассную аммуницію. Какъ только учитель оставиль классь, тогда и я быстро подошедь къ выходной двери, выпрямился во весь ростъ и, обернувшись лицомъ къ товарищамъ, зычнымъ голосомъ произнесъ: "Прошлой ночью предъ домомъ моихъ родителей раздалось "pereat" изъ устъ пьяной ватаги. Всв вы "dumme Jungens!" *) Съ этими словами я быстро вышель, оставивь всёхь въ переполохъ отъ неожиданнаго моего спича. Дома, конечно, я старался скрывать свое волненіе, и на вопросъ матушки за завтракомъ, почему я ничего не вмъ. - отговорился легонькимъ разстройствомъ желудка. Собираясь послъ завтрака снова въ гим-

^{*)} Выраженіе "dummer Junge" (глупый мальчишка) и поныні еще у нізмецкихъ студентовъ служить формулою для принужденія противника къ вызову на дуэль.

назію, я, сколько возможно было при тревожномъ моемъ состояніи, обсуждаль заварившееся діло, но ни малійше не сожаліль о своемъ спичь. "Несомнівню, — размышляль я, — нісколько человінь вызовуть меня драться на "шлегерахь" (выточенные эспадроны). Ну, такъ что же? Буду драться; какъ-нибудь, відь съуміню, а тамъ что Богъ дастъ!" На всяній случай однакоже взяль я съ собой свой англійскій складной ножъ.

Когда я подходилъ къ гимназіи, я увидълъ шедшиго мив навстръчу Александра М***, и остановившись, невольно пользъ рукою въ карманъ, чтобы въ случав нужды выхватить ножъ. Но М***, подошедъ съ самой сладчайшей улыбкою и, какъ бы дружески взявъ меня подъ руку, отвелъ меня нвсколько шаговъ назадъ и началъ уговаривать оставить это дъло въ поков. "Видишь-ли (говорилъ онъ), все это было одно только недоразумвніе: это "pereat" собственно-то было назвачено фонъ-деръ-Боргу*); но такъ какъ ночь была довольно темная, а мы всв немножко "angeduselt" **), то и перепутали дома!" Объясненія М*** показались мнъ правдоподобными, и я началъ уже успокоиваться, почти даже готовъ былъ, въ свою очередь извиняться за мой утренній спичъ.

Тъмъ временемъ мы воротились и какъ ходили рука объ руку, такъ и взошли въ гимназію. Классы наши находились въ бель-этажъ. Когда мы съ М*** начали подниматься по лъстницъ, я увидълъ, что изъ отдъленія высшихъ классовъ гуртомъ высыпали приманеры и секунданеры, а впереди ихъ Дерфельдтъ, спускавшійся внизъ по лъстницъ намъ навстръчу. Когда же онъ дошелъ до насъ, то М***, вдругъ схвативъ меня сзади за руки, скрутилъ ихъ назадъ, а Дерфельдтъ, приступивъ къ столь измъннически обезоруженному, осыпалъ меня бранью и ударилъ меня по лицу, при дикомъ хохотъ всей честной компаніи. Въ этотъ моментъ классные часы пробили два, и у входа внизу послышался скрипъ дверей. Гимназисты разомъ шмыгнули въ ввои классы.

Ошеломленный внезапнымъ измънническимъ нападеніемъ и

^{*)} Г. фонъ-деръ-Боргъ, занимавшій домъ рядомъ съ нашимъ, былъ синдикъ (прокуроръ) университетского суда.

^{**)} Подпившіе.

жестоко страдая отъ обиды и безсильной ярости, я упалъ и чуть не скатился съ лъстницы. Меня удержали поднимающіеся по ней старшій учитель греческаго языка г. Гиргенсонъ и мой старый другъ, учитель исторіи г. Бубрихъ, и съ участіемъ освъдомились, что со мною случилось? Я отвътилъ, будто съ утра уже мнъ нездоровилось, а теперь вдругъ приключился обморокъ, такъ что я ударился лицомъ о перила лъстницы. Оба, очень соболъзнуя мнъ, совътовали отправиться домой, что, впрочемъ, я и самъ намъревался сдълать.

Дома разсказалъ я родителямъ, конечно, ту же басню, не отказался отъ предложеннаго матушкою лъкарства и легъ даже, по требованію ея, въ постель. Весь остатокъ этого дня и всю ночь размышляль я о средствахь получить полное удовлетвореніе какъ за обиду отца, такъ и за лично мив нанесенное оскорбленіе. Первое мое ръшеніе было выписаться изъ гимназіи и вызвать Дерфельдта и М*** на дуэль на пистолетахъ. Но чтобы выписаться изъ гимназіи, потребовалось бы согласіе отца, а тогда пришлось бы разсказать родителямъ про все, что случилось, и тъмъ потревожить ихъ покой. Къ тому же я соображаль, что если 19 летніе мои противники уже за обругание мною всвхъ "глупыми мальчишками" отвътили мнъ не вызовомъ на дуэль, а измънническимъ нападеніемъ и грубыми побоями, то въроятнъе всего, что въ отвътъ на мой вызовъ послъдуетъ какое-нибудь еще болъе въроломное нападеніе съ худшимъ даже еще оскорбленіемъ. А при таковомъ враждебномъ противъ меня духъ большинства товарищей оставлять гимназію безъ того, чтобы напередъ получить блестящую сатисфанцію, значило бы выназать подлую трусость. Все это ужасно мучило юную мою душу до самой почти зари слъдующаго дня. Къ счастію, общая тълесная и моральная усталость повергла меня наконецъ въ сноподобное состояніе. Проснувшись въ обычное время, я почувствоваль себя довольно спокойнымъ, и при ясномъ разумъ ръшилъ разомъ вопросъ, какъ мнъ поступить.

Въ надлежащій часъ отправился я въ гимназію, уложивъ, однакоже, въ свой ранецъ вмъстъ съ книгами и тетрадями также и огромный ключище отъ параднаго входа. Занявъ молча свое мъсто, я, въ виду всъхъ, съ невозмутимой самоувъренностью въ лицъ, вынулъ классную свою амуницію, а

также и ключище, который такъ и не выпускаль изъ рукъ, пока не взошелъ первый по очереди учитель. Во все продолженіе дополуденныхъ часовъ этого дня царила въ нашемъ классь какая-то удивительная тишина, даже въ самыхъ паузахъ между уроками, словно всв предчувствовали и ожидали. что будеть какая то необыденная развязка вчерашняго происшествія. Въ исходъ 12-го часа долженъ быль, какъ и всегда, проходить по классамъ директоръ гимназіи. Этого момента именно-то и выжидаль я. Наконець изъ двери, введшей изъ нашего класса въ Приму, появился г. Розенбергеръ и прошелъ мърными медленными шагами по срединъ власса между двумя рядами ученическихъ столовъ. Когда онъ поравнялся съ тъмъ рядомъ, въ которомъ сидълъ я, то я, вставъ, громко сказалъ: "Г. директоръ, прошу у васъ позволенія сообщить неотлагаемое, крайне нужное объявленіе. "Эта никогда еще небывалая выходка конечно озадачила всъхъ: и директора, и преподававшаго учителя, а въ особенности моихъ одновлассниковъ. Г. Розенбергеръ остановился и, принявъ серьезный, недовольный видъ, отвътилъ: "Здъсь не мъсто и не время дълать объявленія; пожалуйте по окончаніи уроковъ въ директорскій кабинеть". - "Простите, г. директоръ, - возразилъ я, - но я вынужденъ всепочтительныйше просить васъ, выслушать меня именно-то въ присутствіи моихъ товарищей, дабы они не сочли меня трусливымъ доносчикомъ, такъ какъ мое объявление касается именно-то ихъ $^{\alpha}$.

- Γ . Розенбергеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ на прочихъ секунданеровъ, и такъ какъ нельзя было ему не замѣтить явнаго на ихъ лицахъ смущенія отъ моихъ словъ, то и сказалъ мнѣ: "Говорите!"
- "Г. директоръ, произнесъ я, въ позапрошлую ночь ватага подгулявшихъ приманеровъ и секунданеровъ имѣла дерзость кричать "регеаt! " предъ домомъ моихъ родителей. А вчера, за то, что и, котя и по праву, но признаюсь сильными выраженіями порицалъ этотъ безсовъстный поступокъ, приманеръ Дерфельдтъ, при въроломномъ содъйствіи секунданера Александра М***, въ присутствіи гимназистовъ двухъ старшихъ классовъ, ударилъ меня по лицу. Я требую непремѣнно, чтобы Дерфельдтъ, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всѣхъ его соучастниковъ просилъ въ присутствіи

же этихъ самыхъ двухъ старшихъ классовъ, формально у меня прощенія. Въ противномъ случав я сочту себя вынужденнымъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ г. куратору учебнаго округа".

Г. Розенбергеру, видимо, конецъ моего объявленія не оченьто пришелся по нраву, но законность и логичность онаго отрицать было нельзя. Директоръ пригласилъ меня тутъ же идти съ нимъ въ его кабинетъ для показанія дальнъйшихъ подробностей, что я и исполнилъ. Потомъ онъ безъ замедленія распорядился о созваніи учительской экстренной конференціи на тотъ же вечеръ.

Посльобъденные уроки прошли безъ всякихъ приключеній; но на лицахъ большей части гимназистовъ двухъ старшихъ классовъ явно выражались и тревожное выжиданіе ръшенія вечерняго учительскаго засъданія и скрытое озлобленіе противъ меня. Съ моей же стороны я тревожился лишь опасеніемъ, что, быть можетъ, не удастся, какъ въдь съ самаго начала я желалъ, не вмъшивать моихъ родителей въ эту исторію, а вынести ее сполна на собственныхъ плечахъ.

Вечеромъ на конференціи, какъ мнѣ позже разсказали, происходило слѣдующее. Къ учительскому суду были призваны Дерфельдтъ, Александръ М*** и нѣсколько другихъ еще приманеровъ и секунданеровъ въ качествѣ свидѣтелей. Послѣдніе не могли не подтвердить объявленныхъ мною фактовъ. Вслѣдствіе того, по рѣшенію учительской конференціи, было предложено Дерфельдту или исполнить мое требованіе, или быть формально исключеннымъ изъ гимназіи. Дерфельдтъ, собственното отъ природы очень мягкій и симпатичный молодой человѣкъ, объявиль предъ конференціею, что само по себѣ уже ему жаль и стыдно стало его поступка со мною, а потому онъ согласенъ на удовлетвореніе меня. Что же касалось М***, то его тутъ же отправили на трое сутокъ въ карцеръ.

Въ тотъ же вечеръ къ моему отцу явился старшій учитель Мальмгренъ, и они долго разговаривали въ кабинетъ и даже пригласили матушку на это совъщаніе. Меня въ тъ часы не было дома; а когда я позже явился къ ужину, то мои родители были какъ то въ особенности ласковы ко мнъ. Черезъ годъ только матушка сообщила мнъ, что г. Мальмгренъ разсказалъ имъ все происшествіе, котораго они даже и не подо-

зръвали. Г. Мальмгренъ совершенно одобрилъ мое поведеніе, сказалъ, что на другой день все дъло окончательно уладится, и просилъ моихъ родителей, чтобы и они также удовлетворились тою сатисфакціею, какую я потребовалъ, потому что позорное исключеніе Дерфельдта, пансіонера директора Ровенбергера, крайне огорчило бы послъдняго. Затъмъ онъ дружески посовътовалъ моимъ родителямъ скрыть отъ меня, что имъ извъстна эта исторія, дабы не усиливать душевной моей тревоги.

На другой день, въ 12 часовъ, самъ директоръ растворилъ двери между двумя классами и вызвалъ Дерфельдта и меня. Первый формально просилъ прощенія и протянулъ руку; я подалъ ему свою и началъ было: "Мнъ самому не легко..." Но тутъ директоръ (вообще недовольный, что дъло касалось его пансіонера) вдругъ перебилъ меня, сказавъ довольно ворчливымъ тономъ: "Вамъ тутъ нечего болъе говорить; предъвами извинились, какъ вы того требовали, и тъмъ дъло должно быть окончено. Ступайте домой, господа!" Съ этими словами онъ вошелъ въ Приму и затворилъ двери. А мы всъ вышли изъ класса, и каждый отправился восвояси.

Вся эта исторія однакоже такъ сильно подъйствовала на меня, что я къ вечеру того же еще дня получилъ гастрическую горячку, которая въ теченіе нъсколькихъ недъль приковала меня къ постели. Вслъдствіе того я прогулялъ переводные экзамены. Родители мои, боясь за мое здоровье, не позволяли мнъ заниматься во время каникулъ, и въ виду дъйствительно слишкомъ юнаго моего возраста ръшили, что лучше мнъ оставаться еще годъ въ Секундъ.

Предсказаніе г. Мальмгрена, будто всё недоумёнія между мною и моими товарищами окончательно уладятся доставленною мнё сатисфакцією, оказалось несбывшимся съ самаго начала новаго учебнаго сезона. Напротивъ, тутъ-то и открылась между нами настоящая война. Наибольшее число секунданеровъ находилось подъ вліяніемъ М***, такъ какъ онъ не только быль лётами однимъ изъ старшихъ въ классё, но также еще состоялъ и вторымъ адъюнктомъ сеніора "буршевой корпораціи". Вслёдствіе того на послёдней сходкё буршей-гимназистовъ предъ каникулами, корпорація приманеровъ и секунданеровъ, по предложенію М***, изрекла преданіе мей ранавеемё", т.-е. совершенному отлученію отъ всякихъ това-

рищескихъ отношеній. Но такъ какъ я забольть еще до наступленія каникуль, то "присужденіе гимназическаго фемгерихта" могло быть мнъ объявлено только по открытіи уже новаго учебнаго курса, что и было исполнено, по обычаю древняго вестфальскаго тайнаго судилища, въ слъдующей "таинственной" формъ.

Утромъ втораго дня, по начатіи новаго учебнаго сезона, пришелъ я въ гимназію въ обычное время; къ моему удивленію въ нашемъ классъ никого еще не было. Подошедши къ моему мъсту, я увидълъ, мъломъ на столъ написанное слово занавема". Не успълъ я еще стереть эту надпись, какъ разомъ вся ватага хлынула въ классъ и по всей комнатъ прогудъло то же самое слово. Я поблъднълъ, но присутствія духа не потерялъ и сохранилъ стоическое молчаніе, котораго и не нарушалъ до окончанія уроковъ.

Дома сталъ я обсуждать мое положение. Виноватымъ предътоварищами въ чемъ-либо я себя находить не могъ. Меня, видимо, желали унизить и угнетать единственно за то, что я моложе и меньше всъхъ прочихъ ростомъ. "Ладно же! докажу я имъ, что кръпостью духа я вполнъ имъ ровесникъ; стану бороться одинъ противъ полсотни!"

Тотчасъ послъ завтрака я отправился опять въ гимназію, не дождавшись урочнаго часа; кромъ книгъ и тетрадей захватиль я съ собою извъстный тяжеловъсный ключъ отъ парадныхъ дверей да кусокъ мъла. Не было еще и половины втораго часа, когда я вошелъ въ нашъ классъ, гдъ, конечно, въ это время никого не было. Вынувъ мълъ, сталъ я по всъмъ столамъ, противъ каждаго отдъльнаго мъста, большущими буквами вычерчивать слово "анафема".

Затъмъ, я отправился къ д-ру Мальмгрену, который всегда мив оказывалъ особенное свое расположеніе, и, разсказавъ ему, что я учинилъ, просилъ его, въ случать, если бы оно дошло до директора, разъяснить причину, которая меня къ тому вынудила; буде же дтло не дойдетъ до учительской конференціи, то убтрилъ его, хранить мое сообщеніе въ глубочайшей тайнт отъ встахъ. Г. Мальмгренъ успокоилъ меня своимъ дружескимъ сочувствіемъ и обтральнить мою просьбу.

• Въ влассъ я вернулся какъ разъ во-время, даже не всъ еще ученики собрались, а нъкоторые были еще заняты сти-

раніемъ надписей на своихъ мѣстахъ. При входѣ моемъ гг. товарищи значительно переглянулись и потомъ съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за мною. А я, скорчивъ равнодушную мину, подошелъ къ своему мѣсту и притворился столь же удивленнымъ какъ они, и молча, такъ же какъ и они, стеръ надпись на моемъ столѣ. Позже приходившіе, конечно, были не менѣе поражены неожиданной выходкой, и шушуканье безпрестанно возобновлялось, пока не вошелъ учитель.

Итакъ перван атака была счастливо отбита: я расквитался съ моими антагонистами и выказалъ имъ, что не страшусь борьбы съ ними. Дурачество съ надписью болъе не повторялось, и даже слово "аначема" никогда хоромъ не произносилось болье. Раза два, правда, отъявленные забіяки пробовали начать ссору и за мои далеко не боязливыя возраженія вздумали даже пуститься въ драку; но въ первый разъ я такъ сильно хватилъ своего противника вышереченнымъ ключищемъ по рукъ, что онъ вскрикнулъ отъ боли и сначала думаль, что рука его перешиблена; а въ другой разъ, такъ "примусъ" класса (бывшій мой сопансіонеръ Тондороъ) и другіе товарищи вмішались въ ссору и заставили зачинщика прекратить свои придирки. Вообще, подъ конецъ того же 1827-го года, нъкоторые изъ моихъ товарищей, да именно-то тъ, которые считались дучшими по успъхамъ и характеру, начали уже безпристрастиве и раціональные глядыть на мое дъло, и видимо было, что стойкая выдержка моя въ этой, далеко не равной по матеріальной силь, борьбь, не осталась безъ вліянія на ихъ возарвнія.

Но и съ моей также стороны, я сталь сильно тяготиться своимъ одиночествомъ. Это не въ томъ смыслъ, будто у меня въ то время никакихъ уже не было знакомыхъ; напротивъ, молодые люди того круга, въ которомъ я тогда вращался по соціальнымъ отношеніямъ моихъ родителей, всъ одобряли меня, но лишь съ точки односторонняго ихъ "баронскаго" воззрѣнія на "мѣщанское" общество гимназистовъ. А все-таки личныя отношенія между мною и молодыми "баронами" нашего знакомства никогда не переступали за предълы общежитейской учтивости: между нами не было никакой взаимной симпатіи, не было никакихъ общихъ идей и стремленій; существовалъ

какой-то рутинный modus vivendi, и только. Да оно и быть иначе не могло: остзейскіе бароны никогда никакихъ русскихъ дворянъ себъ равными не признавали.

Итакъ я душевно страдаль, глубоко страдаль отъ моего одиночества. Но я твердо переносиль это состояніе, потому что гордое сознаніе моей правоты не допускало меня до сгибанія головы предъ матеріальною силою.

Мало-по-малу однакоже общее мижніе гимназических моихъ товарищей все болже и болже повертывалось въ мою пользу. Находились даже ижкоторые, которые перестали чуждаться меня, а иногда даже заговаривали со мною въ присутствіи прочихъ товарищей. Таковыми въ особенности выступали, кромф вышеупомянутаго Тондорфа, ближайшіе мои состали по мъсту въ классь: фонъ-Генъ*) и Эвертъ**).

Последній быль въ родстве съ вдовою пастора Рейтлингера, которая находилась въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ моей матушкою. Разъ (это было уже въ февралъ 1828 года) г-жа Рейтлингеръ говорила мив, что Эвертъ весьма сожалветъ о непріязненныхъ отношеніяхъ между мною и гимназистами, и что онъ желаль бы знать, какъ я о томъ думаю? На это я отвътиль, что отъ всей души желаль бы помириться съ товарищами, но что, въдь, не я ихъ, а, наоборотъ, они меня обидъли, а потому никакимъ образомъ отъ меня перваго шага въ примиренію быть не можеть. Вследствіе этого г-жа пасторша пригласила меня прійти къ ней вечеромъ другаго дня, прибавивъ, что будетъ и Эвертъ. Такъ мы тамъ и сощлись съ последнимъ, и было положено, что на вскоре предстоящемъ коммерсъ буршей-гимназистовъ, Эвертъ предложилъ бы отмъненіе "отлученія" моего, сообщивъ корпораціи отъ себя, но никакъ не отъ моего имени, что онъ ручается за мое согласіе на примиреніе.

Эвертъ такъ и сдълалъ. Корпорація буршей, за изъятіемъ одного лишь Александра М***, приняла предложеніе Эверта и ръшила пригласить меня въ свои члены, для чего явиться мнъ на слъдующій коммерсъ. А насчетъ М*** было положено, чтобы мы съ нимъ покончили дъло дуэлью на выточен-

^{*)} Von Hahn, умершій въпрошломъ году, въ чинъ дъйств. стат. совътн.; онъ состояль начальникомъ одного изъ отдъленій Импер. публичной библіотеки въ Спб.

^{**)} Впоследствін лифляндскій генераль-суперинтенденть.

ныхъ эспадронахъ до трехъ "тушей" *). Сообщеніе мив этого рѣшенія корпорація было поручено тремъ секунданерамъ: упомянутому уже Тондороу, Эверту и нѣкоему Лантингу. Перваго и третьяго я попросилъ быть моими секундантами въ предложенной дуэли.

Въ назначенный день, въ 7 часовъ вечера, я зашелъ за Тондорфомъ, который повелъ меня во "святилище" гимназическихъ буршей. Тамъ дружески встрътили меня первый адъюнитъ сеніора, приманеръ Платонъ Аккерманнъ **), и всъ собравшіеся "бурши", за исключоніемъ М*** и его двухъ секундантовъ, находившихся въ другой комнатъ. Сеніора Дерфельдта не было по причинъ траура по недавно умершемъ отцъ. Пожавъ по очереди руку каждому изъ буршей, я отправился со своими секундантами въ назначенную для "вооруженія" меня смежную комнату.

Тамъ я снялъ съ себя сертукъ и рубашку. На меня наложили широкій и толстый, краснымъ сукномъ крытый и тщательно выстеганный замшевый набрюшникъ; обвили шею галстучной машиною, въ четверть аршина вышиною, а на голову надъли каску изъ толстой, лакированной кожи. Затъмълъвую мою руку слегка привязали назади, а на правую напялили по самый локоть, длинную перчатку изъ двойной замши, сунули въ эту руку эспадронъ съ рукояткою въ видъ коробки и съ широкимъ стальнымъ клинкомъ, конецъ котораго, вершковъ на шесть, былъ выточенъ до остроты бритвы. Потомъ Тондорфъ и Лантингъ взяли меня подъ руки и повели обратно въ залъ, гдъ находились "бурши" и куда въ тотъ же моментъ вошелъ также и М*** въ сопровождени двухъ его секундантовъ и въ такомъ же, какъ и я, нарядъ.

Секунданты провели мъломъ поперекъ зала двъ черты на разстояніи 5-ти шаговъ одна отъ другой и поставили насъ въ этомъ пространствъ другъ противъ друга. Мы съ М*** скрестили наши эспадроны, а секунданты, занявъ свои мъста,

^{*) &}quot;Тушъ" (la touche) прикосновеніе. Такъ называется ударъ рапирою, эспадрономъ или саблею, который, не будучи отраженнымъ, болю вли меню попадаетъ въ одного изъ фехтующихъ. Результатомъ "туша" бываетъ или "шмиссъ" (Schmiss, бойкій ударъ), т.-е. рана, или "кратцеръ" (Kratzer), т.-е. царапина-

^{**)} Впоследствін старшій бургомистерь города Дерита.

скомандовали: "Los!" *) И начали мы свою работу: то наступая наносили другь другу удары, то, повертываясь вправо или влёво, парировали ихъ. Вдругъ секунданты, простирая свои эспадроны, остановили дъйствія нашихъ и произнесли: "Es sitzt!" **) "У Арнольда!" прибавилъ секундантъ моего противника. Стали освидетельствовать: действительно оказадось, что верхній край брющнаго моего панцыря быль разсвченъ "квартою" ***), которую нанесъ мив М***, и которую я недостаточно отпарироваль. Первый "Gang" (ходъ) оконченъ; насъ вновь поставили въ позицію, и снова, по командъ "Los!" начали мы рубиться. Во второй разъ секунданты, разнявъ противниковъ, произнесли: "es sitzt!" и во второй разъ послышалась прибавка: "у Арнольда". По освидътельствованію оказалось, что и это была также плохо отпарированная мною кварта, такъ что клинокъ превосходившаго меня силою и ростомъ противника, перегнувшись чрезъ мой клиновъ, разсъкъ мнъ кожу въ верхней части груди. "Еіп Kratzer 4 ****), объявиль Аккерманнь, исправлявшій должность "Obmann'a" *****).

Мы въ третій разъ заняли свои позиціи и, по командъ "Los!" пустились въ третій и последній ходъ. Понявъ, что мой противникъ преимущественно налегаетъ на кварты, я старался быть предусмотрительне и обращать главное свое вниманіе на отбиваніе во время и сполна ударовъ М***. Онъ же, увидёвъ, что сильный квартовой ударъ ему два раза удался, былъ увъренъ, что въ третій разъ еще лучше попадетъ мнъ въ грудь, и сталъ горячиться. Но, слишкомъ уже стараясь перекинуть свой клинокъ черезъ мой, онъ черезъ мъру подавался правымъ плечомъ впередъ. Тогда собравшись съ силою и отпарировавъ его кварту ловкимъ отбоемъ его клинка въ сторону, я ударилъ терціею по верхней части правой его руки.

^{*)} Сокращенное выражение витсто "Geht los"; по-французски; "allez!" начинайте.

^{**) &}quot;Засѣло!"

^{***)} Искусство эспадроннаго и сабельнаго фехтованія считаеть пять главних ударовь (въ разнихъ направленіяхъ), которые именуются: примою, секундою, терціею, простою квартою и польскою квартою

^{****)} Царапина.

^{*****)} Третейскій сулья.

"Es sitzt!" воскликнули секунданты, къ чему на сей разъ послъдовала прибавака: "у М***!" — "Ein kleiner Schmiss!" *) ръшилъ третейскій судья и затъмъ объявилъ: "Die Paukerei ist aus! Vertragt euch!" **) М*** и я подали другъ другу руки и пошли переодъваться.

Когда я воротился въ залъ, то стоявшіе прежде у ствиъ столы оказались придвинутыми одинъ къ другому посреди комнаты, и вся компанія сидъла вокругъ нихъ, распъвая студенческія пъсни и потягивая "крамбамбули" ***) изъ сосудцевъ разныхъ видовъ и величинъ. Мъсто "презуса" въ этотъ вечеръ занималъ вышереченный старшій адъюнкть сеніора, Родерихъ Аккерманъ, а по срединъ стола, предъ "обершенкомъ" Лантингомъ, стояла огромная съ горячимъ "нектаромъ" кастрюля, изъ которой онъ, помощью ковша, разливалъ "den Stoff" *****) въ подставляемые ему со всъхъ сторонъ сосудцы.

Позже явился и сеніоръ Дерфельдтъ, но на нъсколько лишь минутъ, и то собственно только для того, какъ онъ объяснилъ, чтобы уже самому отъ себя отъ души извиниться предо мною и дъйствительно помириться. Мы чокнулись и горячо обнялись. Такимъ образомъ окончилась первая моя житейская борьба.

По случаю однакоже всей этой глупой ссоры прогуляль я въ предыдущемъ году переводъ въ Приму, вслъдствіе чего, конечно, и не могъ я попасть въ число "абитуріентовъ" *****) сего 1828 года. Мои родители вовсе и не требовали отъ меня непремъннаго въ этомъ году поступленія въ университетъ; но, такъ какъ еще въ іюнъ мъсяцъ 1825 года, когда изъ-за неудовлетворительнаго экзамена по латинскому языку мнъ пришлось остаться лишній годъ въ Терціи, я далъ отцу слово, что къ осени 1828 года я, во что бы ни стало, а буду студентомъ, то мнъ и хотълось сдержать слово. А потому я, по благополучномъ окончаніи вышеописанной борьбы, убъдительнъйше просилъ родителей о позволеніи оставить гимназію, чтобы частными уроками приготовиться къ августовскому, при

^{*)} Маленькая рана.

^{**) &}quot;Дуэли конецъ! Миритесь!"

^{***)} Жжёнка изъ рейнвейна и рома.

^{****)} Матерія, а также: химическій элементь.

^{*****)} Держащіе выходной экзамень

самомъ университетъ, экзамену на поступленіе въ студенты. Получивъ наконецъ это разръшеніе, я, предъ Свътлымъ еще Христовымъ Воскресеньемъ, выписался изъ гимназіи, и подъ руководствомъ хорошихъ учителей изъ докторантовъ и кандидатовъ сталъ ревностно заниматься. Богъ помогъ, и къ 1-му сентября того же 1828 года я былъ, какъ и объщалъ отцу три года тому назадъ, "Almae matris Dorpatensis Academicorum in catalogum inscriptus studiosus philosophiae"*) по части камеральныхъ наукъ.

XVII.

Такъ накъ родители жили открыто, на петербургскій свой ладъ, то у насъ было не малое знакомство, и оттого въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ всегда собиралось довольно много гостей. Въ особенности любили насъ посъщать молодые люди обоего пола: студенты и дочери знакомыхъ (пре-имущественно профессоровъ и отставныхъ военныхъ), потому что у насъ не господствовала рутинно-ложная, мелочная чо-порность уъздныхъ городковъ вообще, а нъмецкихъ городковъ въ особенности. Занимались мы обыкновенно сначала музыкою и разными общественными играми и почти всегда кончали танцами, ибо моя матушка любила, когда молодежь веселилась, и всегда готова была брать на себя роль неусыпной тапёрши.

Изъ всего круга нашихъ знакомыхъ наше семейство ближе всъхъ сошлось съ семействами: вдовы извъстнаго въ свое время зеркальнаго фабриканта Амелунга, отставнаго полковника фонъ-Гебгардта и университетскаго синдика Фонъ-деръ-Боргъ.

Съ г-жею Амелунгъ матушка моя была дружнъе всъхъ, потому что она познакомилась съ нею уже нъсколько лътъ тому назадъ, когда эта дама съ своею дочерью довольно долгое время гостила въ Петербургъ у брата своего д ра Вольфа, который былъ домашнимъ врачемъ нашего семейства. Кромъ того, я самъ и раньше уже былъ хорошо принятъ въ домъ Амелунговъ, такъ какъ и въ Квартъ и въ Терціи меньшой сынъ былъ мнъ хорошимъ товарищемъ, и только съ полгода

^{*)} Деритскаго университета имматрикулованный студентъ философскаго факультета

тому назадъ промънялъ Дерптскую гимназію на Инженерный корпусъ.

У нихъ же въ домъ я, въ началъ 1826 года, впервые встрътилъ 24-лътняго мичмана черноморскаго флота Владиміра Ивановича Даля, знаменитаго впоследствіи автора народныхъ разсказовъ и ученаго составителя "Толковаго словаря". Даль не любилъ танцовать, но не скучалъ въ обществъ молодыхъ дамъ и дъвицъ и умълъ ихъ такъ занимать, что и онъ даже забывали про танцы. Въ общественныхъ играхъ напр. онъ выказывалъ столько разнороднъйшаго знанія, литературной начитанности и самороднаго остроумія и столь необывновенный таланть къ разсказамъ, что дамы нарочно плутовали противъ него, чтобы хотя бы одного, по крайней мірів, фанта добиться отъ него. А потомъ, при выниманіи фантовъ, такъ дамы, которымъ это поручалось, всякій разъ, когда вынимаемый фантъ принадлежаль Далю, уже непремънно сопровождали вопросъ: "was soll das Pfand thun?"*) особенной, всемъ понятной улыбкою. Тогда со всвхъ сторонъ подымались радостныя восклицанія: "Erzählen, etwas erzählen!" **) И вотъ съ еще болве веселой улыбкою, раздавательница фантовъ поднимаетъ свою руку и говорить: "Herr Dahl, Ihr Pfand!"***) Громкіе апплодисменты привътствують эти слова, а иныя изъ барышень бъгуть въ сосъднюю комнату, гдъ засъдають солидные старички и старушки и тогда слышатся два-три серебристыхъ голоска: "Papà", или "Mamà", komme doch; Herr Dahl wird etwas erzählen!" ****) Затвиъ изъ той же комнаты за возвращающимися дочками тащутся, не одни только папаши и мамаши, но и вся солидная компанія. А "Herr Dahl", принявъ свой фантъ и усъвшись въ средину круга, минуты на двъ задумывается, а тамъ и начинаетъ разсказывать. Въ темахъ для разсказовъ у него недостатка никогда не было. То описываетъ онъ жизнь матросовъ на кораблю; то разсказываетъ про свою родину, про Луганскій заводъ; то передаеть какой-нибудь анекдотъ про шалости молодыхъ мичмановъ въ Николаевъ, или

^{*) &}quot;Что делать фанту?"

^{**) &}quot;Разсказать, что-нибудь разсказать!"

^{***) &}quot;Г. Даль, вашъ фантъ".

^{****) &}quot;Папа, мама, придя же; г. Даль будеть разсказывать".

про чудака, стараго адмирала Самуила Самуиловича Грейгаит. п. Къ тому же онъ разсказывалъ живо, рельефно; ибо владълъ (по крайней мъръ въ то время) нъмецкимъ языкомъ на столько же, сколько и русскимъ. Отдъльныя подробности этихъ разсказовъ, конечно, должны были вскоръ улетучиться изъ моей памяти; но когда въ концъ 30-хъ годовъ я сталъ читать разсказы "Казака Луганскаго", то повъсти эти невольно вызвали во мнъ вновь ту картину, которую я только что начертилъ, и мнъ будто послышались серебристые голоски: "Мата, komme doch, Herr Dahl wird etwas erzählen!"

По своемъ прівадв въ Дерпть, Даль первое время (кажется въ теченіе двухъ місяцевъ) являлся въ мичманскомъ мундирів. Помню очень твердо, что разъ какъ-то, пришедши вечеромъ къ Амелунгамъ, я увидёлъ въ комнате третьяго сына, студента-медика, сидъвшаго около стола незнакомаго мнъ морскаго офицера съ сухощавымъ лицомъ, съ выдающимся лбомъ и довольно большимъ, нъсколько орлинымъ носомъ, котораго обступали человъкъ до десяти студентовъ и гимназистовъ, съ любопытствомъ глазъвшихъ на его занятіе. Предъ этимъ офицеромъ стояда какая-то машинка съмедными трубочками, и предъ машинкою зажженная спиртовая дампочка, а по правую и по левую сторону — коробочки, въ которыхъ дежать сломанныя, тоненькія стеклянныя трубочки различныхъ цвітовъ. Офицеръ бралъ въ каждую руку по одной изъ такихъ трубочекъ и, начиная дуть въ машинку (отчего огонекъ лампочки вытягивался горизонтально), то протягиваль, то приближаль, повертываль руками туда и сюда, сплеталь, вытягиваль трубочки на огнъ и т. д. и т. д. Когда онъ окончилъ свои эволюціи, то стеклянныя трубочки стали меньше, а на кончикъ одной изъ нихъ висъла какая-то штучка. Онъ отломилъ и подалъ намъ эту штучку. Оказалось, что это была маленькая, микроскопическая коробочка, сплетенная изъ тончайшихъ двуцвътныхъ стеклянныхъ нитей. Этотъ-то офицеръ и былъ мичманъ Даль, впервые научившій дерптское общество пріятному, въ часы досуга, препровожденію времени — производству миденькихъ бездвлушекъ изъ литаго, цввтнаго стекла. А самъ онъ былъ великій въ этомъ производствъ искусникъ: у него выходили удивительныя по формъ, по выдумкъ и по исполненію, вполив художественныя вещицы. У моей матушки долго

сохранялся премиленькій віночекъ розъ, около полдюйма въдіаметрів, работы Даля.

Осенью 1828 года Владиміръ Ивановичъ блестяще сдалъ докторскій экзаменъ и отправился въ дъйствующую армію для поступленія въ полковые врачи.

За недълю до своего отъвзда онъ вмъсть съ Амелунгами былъ еще у насъ на маскарадной вечеринкъ, которая давалась въ честь брата Александра, прівхавшаго изъ Петербурга погостить у насъ. При этомъ случав Даль показалъ даже свою необычайную гимнастическую довкость, да къ тому же въ самой оригинальной формъ. Для понятія произведеннаго Вл. Ив. Далемъ эффекта надобно разсказать краткую топографію нашего зала. На улицу выходило 5 оконъ, а дверей было трое, изъ коихъ однъ напротивъ средняго окна, а другія двъ, однъ противъ другихъ, вдоль зала; однъ изъ этихъ послъднихъ служили сообщеніемъ съ переднею. Половинки всъхъ трехъ дверей, когда были открыты, то вдавались въ залъ.

Уже не мало собралось гостей и въ костюмахъ, и въ обыкновенной бальной одеждъ, а изъ первыхъ кто въ маскъ, кто и безъ маски. Вдругъ совершенно неслышной, легкой, скользящей походкою является Пьерро съ сухопарой, блёдной физіономіей, обрамленной длинными, льнянаго цвъта локонами, въ широчайшихъ шароварахъ, въ мъшкъ до половины икръ, на которомъ красуются шесть огромныхъ красныхъ пуговицъ, на головъ — китайская широкая шляпа изъ съраго войлока, а на ногахъ башмаки, словно австралійскія каноэ, кончающіяся и впередъ и назадъ лодочкой. Пьерро поклонился, повернулся и поклонился еще разъ. Вотъ-те чудо! Да это двойникъ-Пьерро, о двухъ переднихъ лишь половинкахъ, сросшихся въ срединъ! Пьерро подходитъ къ вдающейся въ залъ половинкъ дверей, хочетъ пройти сквозь нее и, конечно, стукается головой. Дверь не поддается. Тогда упрямый Пьерро, безъ всякаго шума, и безъ малъйшаго ломанія себя, словно настоящій горилла, взлизаеть на дверь, а съ другой стороны тихонько сползаеть. Пошель онь затымь вдоль стынь, (да все поверткомъ, такъ что нельзя было разобрать, какая сторона обращена къ намъ) и набрелъ на среднія двери; тутъ ему противятся двъ уже половинки. Нашему Пьерро это нипочемъ: онъ перелъзъ чрезъ объ и побрелъ дальше, перелъзъ такимъ же манеромъ и черезъ третьи двери. Само собою разумвется, что вся наша публика, съ веселымъ хохотомъ следила за всеми проделками Пьерро. После последняго перехода онъ пошелъ черезъ залу къ выходу, все время повертываясь и постоянно раскланиваясь на обе противоположныя стороны. Наконецъ онъ изчезъ за притворившимися за нимъ дверьми выхода въ сени, при громкихъ апплодисментахъ всехъ гостей. Чрезъ полчаса вошелъ въ залу "Herr Doctor Dahl" въ мундиръ полковаго врача*).

Семейства фонъ-Гебгардтъ и фонъ-деръ-Боргъ жили въ непосредственномъ нашемъ сосъдствъ. Но не столько по этой причинъ установились дружескія отношенія между нашими домами, сколько потому, что "фрау" фонъ-Гебгардтъ и "фрау" фонъ-деръ-Боргъ болве прочихъ дамъ дерптскаго "bonne société" выказались подходящими къ нечопорному естественнообщежительному, веселому и всегда ровному характеру моей матушки. Къ этому присоединились еще и тъ обстоятельства, что два сынка и дочка фонъ-деръ-Боргъ были сверстниками моихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ; а хорошенькая 15-лътняя дочь полковника фонъ-Гебгардтъ, "фрейлейнъ" Луиза была хорошая піанистка, такъ что мив чрезвычайно пріятно было играть съ нею въ 4 руки классическія и салонныя пьесы тогдашняго репертуара. Изъ этого весьма последовательно вытекало, что на нашихъ музыкальныхъ вечерахъ фрейлейнъ Луиза и я занимали не послъднее мъсто, а въ мазуркъ и въ котильонь, который уже тогда началь вытеснять старый ан-

^{*)} Въ ноябре 1860 года, когда после первой моей поевдки по Волге, я прівхаль въ Москву, тогда, отыскавь всёхъ жившихъ туть старыхъ моихъ деритскихъ знакомыхъ (напр. профессоровъ Иноземцева, Анке и Сем. Куторгу), навёстилъ я, конечно, также и маститаго уже старца Владиміра Ивановича, который принялъ меня съ его обычной привётливостью. Я напомнилъ ему про деритскія его продёлки, и старикъ весело захохоталъ, вспомнивъ свою молодость. "Н—да!" сказалъ онъ потомъ, съ невольнымъ вздохомъ, "мы были молоды тогда! Теперь мей бы этого уже не продёлать". Когда же въ 1870 году, послё семильтней моей дёятельности въ Германіи, я поселился въ Москве навсегда, тогда въ теченіе трехъ цёлыхъ лётъ моя борьба съ интригами любевныхъ моихъ собратьевъ по Аполлону поглощала до того все мое время и всё мои заботы, что о старыхъ деритскихъ студентахъ и вспомнить было некогда. А въ 1873 году искренне- и высокоуважаемаго Владиміра Ивановича не было уже въ живыхъ. Онъ скончался осенью 1872 года.

глегъ, — обывновенно фигурировали вмъстъ въ первой паръ. Но, il n'y avait que sympathie artistique.

Иногда случалось, что въ нашихъ музыкальныхъ вечерахъ участвовали и гораздо превосходившія насъ, поистинѣ артистическія силы, именно: одна фортепіанистка и одинъ скрипачъ. Первая была дочь весьма крупнаго негодіанта, m-elle Леонтина Тунъ, лѣтъ 18—19, собственно-то не красивая собою, но весьма симпатичная и очень образованная дѣвица. Своимъ инструментомъ она владѣла превосходно, а пьесы, въ особенности классическія, исполняла она съ разумомъ и съ поэтическимъ увлеченіемъ*).

Ξ.

: F

Ξ.

Другой же быль 23 льтній студенть медицины, Юлій Давидгофъ (Davidhoff), сынъ митавскаго банкира-еврея**). Не въдаю я, кто именно быль его учителемь, но замъчательная игра талантиваго студента явно отзывалась классической школою славнаго той эпохи скрипача Карла Липинскаго. Я совершенно свъжо вспоминаю про эту игру, отличавшуюся, кромъ чистоты звуковъ, въ особенности грандіозно широкимъ веденіемъ смычка, результатомъ чего являлся весьма мощный и въ то же время пъвучій, мягкій тонъ. Не мало, правда, способствовало тому также и превосходство имъвшагося тогда у него инструмента. Это была настоящая скрипка "Nicolai Amati", необыкновенно красивой формы, такъ что однъ уже мягкія линіи выпуклостей объихъ декъ привлекали къ себъ вниманіе знатоковъ. Элегантная, совершенно пропорціональная всему инструменту шейка и артистической работы ръзная львиная головка довершали прелесть этого образцоваго произведенія знаменитаго

^{*)} Въ 1840-мъ году мий сказали, что m elle Леонтина въ 30-хъ годахъ давала концертъ въ Лондонй и что всийдствіе того она была назначена придворной фортепіанисткой при англійской королевъ. Сообщила же мий это роднал сестра ел, жена моего университетскаго товарища д-ра Беренсъ. А далие справиться мий тогда и въ голову не приходило, ибо невиролинаго туть я ничего не находилъ.

^{**)} Въ 1860-мъ году я встретвиъ доктора Давидова (вакъ онъ тогда назывался) въ Москве. Въ семействе его музика играла значительную роль. Младшій его синъ, Карлъ Юліевичъ, тогда уже славился какъ одинъ ввъ лучшихъ віолончелистовъ Европи; одна изъ дочерей, Паулина Юліевича, превосходно играла на фортепіано. Заслуги же двухъ старшихъ синовей доктора Давидова, Ивана и Августа Юліевичей, въ сферахъ общественной и ученой деятельности, всёмъ довольно известны.

Кремонскаго мастера XVII въка. Любопытно бы знать, въчьих рукахъ находится нынъ этотъ замъчательный инструменть? Самъ г. Давидгофъ былъ, хотя далеко не красивый, но чрезвычайно симпатичный молодой человъкъ. Несмотря на общирное его знакомство съ европейской литературою, несмотря, наконецъ, на упомянутую высокую степень музыкальнаго его развитія, скромность его была такъ велика, что, когда я случайно съ нимъ познакомился у актуарія городскаго суда Вильде, весьма солиднаго віолончелиста любителя (у котораго квартировалъ г. Давидгофъ), то мнъ стоило большаго труда и долговременнаго уговариванія, пока удалось притащить его въ домъ моихъ родителей. Съ искреннимъ уваженіемъ я и по сію пору вспоминаю объ этомъ, во всъхъ отношеніяхъ достопочтенномъ товарищъ дерптской моей жизни.

Что музыкальные наши вечера не обходились безъ пвнія, это само собою разумвется. Странно только, что "примадоннъ"-то у насъ не было, хотя для хоровыхъ исполненій не было чувствительнаго недостатка въ женскихъ голосахъ. Въ моей памяти не осталось, ни образа, ни даже имени какой-либо пвницысолистки изъ среды дамъ и дввицъ нашего круга знакомыхъ. Но между посвщавшими насъ студентами встрвчались любители пвнія съ весьма порядочными голосами, въ особенности для квартетнаго пвнія. Въ последнемъ роде отличались на нашихъ вечерахъ: два брата Геппенеръ (Норрепег) изъ Ревеля и три уроженца г. Риги, братья Жоржъ и Робертъ Пфанштиль (Pfannstiel) *) и Кавитцель (Cawietzel)**). Самъ же я въ эти годы не пввалъ, потому что голосъ мой находился тогда въстадіи мутаціи.

Отъ времени до времени устраивались у насъ также и сценическія представленія, которыми руководили университетскій лекторъ нъмецкаго языка Раупахъ (племянникъ славившагося тогда нъмецкаго драматическаго писателя Эрнста Раупаха), и молодой поэтъ, Баронъ Александръ фонъ-Унгернъ-Штерн-

^{*)} Робертъ Пфанштиль, немногимъ только старше меня, состоялъ впосл'ядствіи чиновникомъ особыхъ порученій при Великой Киягин'я Елен'я Павлови'я.

^{**)} Когда въ мав месяце 1863 года, проевдомъ въ Германію, я побываль въ Риге, то навестиль я также и Кавитцеля, занимавшаго тогда постъ втораго бюргермейстера (товарища городскаго головы).

бергъ, впослъдствіи (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) переселившійся въ Берлинъ и сдълавшійся однимъ изъ любимыхъ романистовъ той эпохи *).

Хотя послъдній и быль льть на шесть или на семь старше меня, но мы съ нимъ вскоръ подружились. Часто бесъдовали мы съ нимъ о техникъ поэтическаго труда, и ему-то я пре-имущественно обязанъ здравымъ развитіемъ моего воззрънія на должное (серіозное) подготовленіе къ каждому задуманному сочиненію. Онъ первый обратилъ мое вниманіе на тъ письма Шиллера и Гёте, въ которыхъ эти великіе поэты разсуждаютъ о планахъ своихъ твореній и о развитіи характера героя или героини будущихъ своихъ романовъ или драмъ; онъ же знакомилъ меня со статьями Лессинга о драматургіи и разъясняль мнъ глубокое ихъ значеніе; онъ же, наконецъ, указалъ мнъ на сочиненія Энгеля и барона Секкендорова объ искусствъ мимики и пантомимики, и на пользу изученія этой науки также для писателей, и не только драмъ, но и романовъ.

Репертуаръ былъ не великъ, но довольно разнообразный, и никогда не былъ тривіаленъ, хотя мы придерживались исключительно только жанра комедіи. Въ теченіи двухъ зимъ исполняли мы двъ комедіи Гёте, двъ — Шиллера; три одноактныя пьесы Теодора Кёрнера и одну комедію Мюлльнера, да два лучшихъ творенія Коцебу. Въ этихъ театральныхъ представленіяхъ участвовали также и дамы. Изъ нихъ въ особенности отличались талантливымъ, характеристически-живымъ исполненіемъ дъвицы: Луиза фонъ-Бёлендорфъ, дочь профессора, и упомянутая выше Леонтина Тунъ.

Между мужскими участниками, лучшими членами нашей труппы оказались, конечно, Раупахъ и Унгернъ Штернбергъ. Но весьма хорошими, т.-е. естественно-типическими, тонкими комиками являлись также два студента, оба медики: Анке (москвичъ) **) и Аккерманнъ (уроженецъ Петербурга); первый

^{*)} Наиболье прославился онъ романомъ «Die gelbe Gräfin». Какъ литераторъ подписывался онъ: «A. von Sternberg».

^{**)} Николай Богдановичъ Анке, впоследстви профессоръ Московскаго университета, быль врестникомъ моего отца. Его отецъ состояль учителемъ и воспитателемъ при основанномъ моемъ отцомъ въ Москев «Пансіонъ коммерческихъ наукъ», въ 1810 году переформированномъ и переименованномъ въ «Академію коммерческихъ наукъ». Николай Богдановичъ владълъ необниковеннымъ.

изъ нихъ между прочимъ превосходно изобразилъ сонливаго. стараго помъщика "Herr von Langsalm" въ вомедіи Коцебу "Der Wirtwarr" (Суматоха), а другой глупаго плута: ночнаго сторожа въ пьесъ Кёрнера того же названія ("Der Nachtwächter"). Раупахъ игралъ всего одинъ только разъ, представивъ хитраго хозяина гостинницы въ классической комедіи Гёте (въ стихахъ) "Die Mitschuldigen" (Совиновные), и потомъ участвовалъ только еще въ должности режиссера и суолёра. Унгернъ-Штернбергъ избъгалъ ролей "jeune premier, и я также, въ особенности после того, какъ я провадился, изобразивъ съ чрезмърнымъ до смъщнаго паносомъ любовникастудента въ простенькой пьескъ Кёрнера "Der Nachtwächter". Довольно значительный успъкъ въ нашемъ кругу имъло исполненіе одноавтной блюэтки Коцебу: "Die Zerstreuten" (Pasсвянные), именно по внъшней забавности ея обстановки. Исполнителями являлись Унгернъ-Штернбергь, упомянутый Аккерманнъ, одинъ студентъ-медикъ Лейтнеръ (нзъ Казани) и я. Аккерманнъ да я были почти равны ростомъ (аршина въ два съ половиною), а Штернбергь и Лейтнеръ на полголовы выше насъ. Унгернъ-Штернбергъ, помощью гримировки и костюма, представиль стараго капитана донельзя тощимь, отчего казался еще выше; Лейтнеръ заказаль себъ башмаки съ высокими каблуками, а Аккерманнъ, помощью подушекъ, изобразиль маіора почти шарообразнымъ. Роль же дочери этого квадратнаго толстяка поручили мив. Стоило большихъ хлопоть найти подходящее къ моему росту женское платье "à décolleté", да парикъ, который, хоть сколько-нибудь, придаль бы мив видь "d'une jeune démoiselle de bonne famille".

Сыграться мы такъ сыгрались, что обощлись безъ суфлера, и къ тому же въ своемъ исполнении никто изъ насъ ни малъйше не позволилъ себъ утрировать комизмъ нехудожественнымъ себя ломаніемъ. Но самая-то пьеса уже содержала много остроумно составленныхъ, естественно-смъщныхъ ситуацій, а на подборъ большой ростъ исполнителей прибавляло также своего рода эффектъ. Зрители много хохотали и долго, долго еще вспоминали объ этомъ представленіи, ко-

талантомъ подражать голосу и манерамъ различныхъ лицъ и великолънно умълъ сценически разсказывать вмористическія вриключенія.

торое прозвали: "eine Riesenvorführung" т.-е. выводъ напоказъ великановъ, а также и гигантское представленіе).

Публичнаго театра въ Дерптъ не существовало, но бывали иногда публичные, съ платою за входъ, концерты. Такъ, напр., въ большой залъ "Академической муссы" *) раза по два въ зимніе сезоны устраивались концерты съ благотворительной цълью, съ участіемъ тамошнихъ любителей, преимущественно изъ студентовъ, а иногда также какой-нибудь оперной пъвицы изъ Риги или изъ Ревеля. Устраивались эти музыкальныя торжества комитетомъ благотворителей изъ высшаго круга дерптскаго общества; дирижеромъ былъ "университетскій музыкдиректоръ" Бидерманнъ**). Затъмъ случалось иногда, что артисты-виртуозы, проъздомъ изъ Риги въ Петербургъ, соглашались предстать также и предъ дерптской публикою въ собственно отъ себя даваемыхъ концертахъ. Эти послъдніе давались обыкновенно въ залъ "большой (или общественной) муссы".

Помню я, въ особенности два случая, которые, пожалуй, имъють даже нъкоторое музыкально-историческое значеніе.

Это, во-первыхъ, былъ благотворительный концертъ, данный зимою 1826-го года, къ участію въ которомъ была приглашена изъ Ревеля, жившая тамъ великая прошлаго въка знаменитость, пъвица Мара.

Гертруда Елизавета Шмелингъ, какъ она называлась до замужества, родилась въ 1749-мъ году, и въ 1769-мъ году считалась уже одной изъ первъйшихъ пъвицъ всего міра. Съ 1771-го по 1780-й годъ состояла она примадонною при королевско-прусской оперъ въ Берлинъ и была высоко почитаема Фридрихомъ Великимъ. Жалованья получала по 3000 фридрихсдоровъ въ годъ, что въ то время составляло безпримърно-щедрое вознагражденіе. Затъмъ пъла она въ Вънъ, въ Парижъ, въ Римъ, въ Неаполъ и въ Венеціи, и вездъ приводила слушателей въ безпредъльный восторгъ. Но мужъ ея,

^{*)} Musse, отдыхъ. Это слово означало также и клубъ.

^{**)} Въ двукъ таковыхъ концертахъ участвовалъ и л. Въ 1824 г. осенью исполнялась ораторія "Die Glocke" Андрея Ромберга, въ которой л пѣлъ (будучи гимназистомъ) солистную альтовую партію; а въ 1829 г., будучи уже студентомъ, я игралъ А-мольный концертъ Гуммеля, и исполняль баритонную арію: "Nun prangt in vollem Glanz" изъ ораторіи: "Die Schöpfung" Гайдна.

віолончелисть Мара, за котораго она вышла въ 1773-мъ году, безхарактерный человъкъ и дебоширъ, вскоръ расточилъ состояніе жены и едва не довель ее до крайней нищеты. Наконецъ, въ 1790-иъ году, удалось ей избавитьси отъ недостойнаго супруга. Последніе свои тріумом великая певица стяжала себъ въ нашей Россіи. Данные ею въ самомъ началъ сего стольтія, въ Петербургь и въ Москвь, блестящіе концерты, должно быть, доставили ей весьма приличный капиталь, такъ что она ръшилась проститься съ своею карьерой, для какой цвли, въ 1802-мъ году, пріобрвла себв дачу близъ Москвы (около Калужскаго тракта), гдв она и поседилась было на покой. Послъ десяти лътъ тихой и мирной жизни, злополучной артистив суждено было лишиться своего пріюта: въ 1812-мъ году дача ея была разорена и сожжена французскими мародерами. Тогда она отправилась въ Петербургъ, а оттуда, по приглашенію нъкоторыхъ лицъ изъ эстляндскихъ дворянъ, въ Ревель, гдъ и поселилась въ качествъ частной учительницы пънія. Тамъ же она умерла въ 1833-мъ году и погребена на тамошнемъ кладбищв.

Изъ этого краткаго очерка ея жизни выходить, слъдовательно, что въ упомянутомъ концертъ 1826-го года я слышалъ знаменитую пъвицу на 77-мъ году ея жизни. Когда очередь по афишъ дошла до нумера, подъ которымъ значилось: "Arie aus dem Oratorio "Der Tod Jesu", von Carl Heinrich Graun, gesungen von Madame Gertrude Elisabeth Mara aus Reval", то предсъдатель благотворительнаго комитета вывелъ на эстраду худощавую, морщинистую старушку, въ позахъ которой, однакоже, несмотря на маститую ея старость, сохранились еще слъды истинной величавости и прежней граціозности великой артистки.

Запъла старушенка — и всъ мы удивились. Голосъ ея, правда, былъ уже не сильный, скоръе даже слабый; но не слышалось въ немъ дрожанія: звуки были чисты, серебристы, мягки. А какъ она владъла этимъ голосомъ! какая мастерски сглаженная, выравненная была у ней колоратура! сколько ума и художественности въ фразировкъ, сколько благородства и теплоты чувствъ въ выраженіи!

Нынъшней публикъ (конечно не безъ исключеній) "маститая" пъвица Мара, въроятно, не понравилась бы. Нынъшняя

публика ценить ведь въ певцахъ единственно только силу дегкихъ и дихое отмахивание пассажей; она отъ пъвца требуеть, чтобы голось заставиль окна дрожать, хотя бы и тембръ звучалъ уже несколько натряснутымъ, хотя бы на каждой нотвъ слышалось уже дрожаніе. Эта публика отъ пъвицы требуеть прежде всего привлекательной красоты лица или хоть роскошныхъ формъ, да шикарности въ движеніяхъ. Но съ полвъка тому назадъ оглушительное форте не выхваливалось еще какъ первенствующее достоинство пъвца; безпрерывное тремулированіе считалось порокомъ; публика не восхищалась преимущественно кукольною миловидностью и богатствомъ женскихъ предестей; но зато она была одарена инстинктивнымъ пониманіемъ искусства пънія и увлекалась даже пъніемъ морщинистой старушки, коль скоро она умъла такъ художественно пъть, какъ пъла Гертруда Елизавета Мара, урожденная Шмелингъ!

Другой случай относится въ появленію въ Дерптв въ 1828 году гражданина существовавшаго тогда еще "вольнаго города" Кракова, "маркиза де Контски", какъ значилось на визитныхъ его карточкахъ. Съ нимъ прівхали цълыхъ пять "дивъ музыкальнаго искусства", нарожденныхъ счастливымъ этимъ высокороднымъ отцомъ-импрессаріемъ. Семейство Контскихъ дало два концерта въ "большой муссъ" и поэтому прожило въ Дерптъ около двухъ недъль. Это было осенью, и я былъ уже студентомъ*).

Вслъдствіе неотразимаго моего влеченія къ музыкальному искусству и къ жрецамъ и жрицамъ его, я, послъ перваго же объявленія о прибытіи цълой семьи "юныхъ первоклассныхъ виртуозовъ (какъ гласилось въ афишахъ), вездъ возбудившихъ безпредъльный восторгъ первъйшихъ въ міръ знатоковъ и имъвшихъ счастіе играть предъ такими и такими-то Величествами, Высочествами и Свътлостями", — тотчасъ же отправился къ нимъ съ визитомъ, заручившись напередъ позволеніемъ матушки**), подписаться на десять креслъ въ концертъ и пригласить гг. Контскихъ къ объду у насъ на слъдующій

^{*)} Вотъ почему мев такъ твердо и помнится годъ появленія Контскихъ въ Дерптв.

^{**)} Отца моего тогда уже не было въ Дерпте, такъ какъ онъ въ начале еще года снова поступилъ на службу и убхалъ въ Петербургъ.

день. Затъмъ мы еще нъсколько разъ имъли удовольствіе видъть у себя дорогихъ гостей.

Маркизъ съ своимъ семействомъ помѣщался въ "гербергъ" *) того же фуръ-мейстера **), лошади и работникъ котораго привезли знаменитыхъ странствующихъ виртуозовъ изъ Риги въ Дерптъ и по договору должны были доставить ихъ въ Петербургъ. Матери при дѣтяхъ, кажется, тогда не было, по крайней мѣрѣ я ее рѣшительно не помню. Самъ же ясновельможный панъ Контскій былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, нѣсколько выше средняго роста, сухощавый, съ орлинымъ носомъ, съ безпокойными сѣрыми глазами, съ густой свѣтлокаштановой, съ просѣдью, живописно растрепанной шевелюрой и съ навощенными, на старинный польскій ладъ, лихо закрученными усами. Когда въ 1873-мъ году я въ Москвѣ, въ послѣдній разъ встрѣтился съ знаменитымъ польскимъ "Паганини", Аполлинаріемъ Контскимъ, онъ мнѣ живо напомниль своего отца.

Изъ пятерыхъ "музыкальныхъ чудъ" меньшому, т. е. упомянутому Аполлинарію было около 5-ти лътъ ***); но онъ смъло и храбро отмахивалъ уже на своей скрипчонкъ въсколько выученныхъ пьесокъ бравурнаго содержанія, при чемъ отецъимпрессаріо ставилъ его обыкновенно на столъ. Трое другихъ сыновей: Каролъ (18 ти лътъ), Станиславъ (14-ти лътъ) и Антонъ (10 ти лътъ) были піанистами, а дочь Евгенія (16-ти лътъ) была пъвица. Послъдняя, въ своемъ искусствъ стояла не выше достопочтеннаго дилеттантизма; но голосокъ у ней былъ свъженькій и пріятненькій и она обладала тонкимъ слухомъ да естественною дикцією; а главное: она была довольно красивенькая дъвушка, съ роскошными свътлокаштановыми локонами ****).

^{*)} Постоялый дворъ.

^{**)} Цеховой хозяннъ-извозчикъ.

^{***)} Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ я довольно часто видался съ Антономъ и Аполлинаріемъ Контскими, и мы вспоминали не разъ про дни нашего дерптскаго знакомства. Слёдовательно Аполлинарій Контскій долженъ былъ родиться въ 1828 мли 1824 году, а не въ 1826, какъ показано въ музыкальномъ словарѣ Н. Д. Перепелицына.

^{****)} Ее въ Дерптъ приняли съ снисходительнымъ интересомъ, какой выказывали къ семьъ высокорожденныхъ странствующихъ артистовъ; дъйствительное же признаніе таланта стяжалъ одинъ лишь Станиславъ.

Изъ трехъ піанистовъ Станиславъ выказывалъ наиболъе истинную, художническую даровитость. Антонъ и тогда уже обнаруживаль большой таланть, клонившійся преимущественно къ бравурной техникъ; а Карлъ былъ не что иное какъ уваженія достойный музыкальный труженикъ. Слышаль я потомъ, что онъ сдълался хорошимъ фортепіаннымъ учителемъ (въ Парижъ), чему вполнъ върю. Станиславъ же (какъ мнъ впослъдствіе говорили братья его) умеръ, не достигнувъ и 20-ти лътъ. Это очень жаль, потому что, по искреннему моему убъжденію, изъ него навърное вышелъ бы истинно-геніальный художникъмузыканть, между темь какь все артистическое достоинство Антона и Аполлинарія Контскихъ, даже и въ то время, когда они находились въ зенитъ ихъ славы, заключалось единственно только во вижшней виртуссной техники и въ лихой шикарности ихъ манеры исполненія. Съ этой стороны нельзя не причислить ихъ въ выдававшимся въ свое время музыкальнымъ талантамъ, но геніальной глубины въ нихъ не было. Въ этомъ самомъ и таится причина, что оба брата имъли несчастіе пережить свою славу, и что двятельность ихъ не оставила следовь, действительно достойныхь исторической памяти.

Но старый Дерптъ, относительно музыки, поступалъ какъ скряга, не любящій показывать всякому лучшія свои сокровища. Такъ, напр., жилъ тамъ одинъ, не молодой уже помъщикъ, Baron Paul von Wulff, который смъло могъ бы конкурировать со многими славившимися въ то времи иностранными піанистами. Но онъ быль большой чудакъ и весьма неохотно садился играть въ присутствіи незнакомыхъ ему постороннихъ людей, такъ что услышать его игру считалось большой ръдкостью. Съ самаго моего прибытія въ Дерптъ мив довольно часто и много разсказывали про чудное его исполнение Моцартовыхъ сонатъ, Гуммелевыхъ концертовъ и въ особенности Баховыхъ фугъ, но самому услышать его удалось мив всего только одинъ разъ, когда въ 1826 или 1827 году насилу уговорили его участвовать въ одномъ благотворительномъ концертъ, устроенномъ въ академической муссъ. Исполниль онъ тогда полонезъ Гуммеля "La bella capricciosa" и двъ прелюдіи съ фугами Баха — безспорно великольпно и въ строгомъ стилъ классического направленія.

Другое еще болъе цънное музыкальное сокровище храня-

лось въ роскошныхъ палатахъ богача Карла фонъ-Липгардтъ, на пригородной его мызъ "Rathoff". Это быль, содержимый имъ спеціально и исключительно для себя, превосходнъйшій струнный квартеть, въ которомъ амплуа перваго скрипача занималь 18-льтній въ то время виртуозь Фердинандь Давидь, одинъ изъ лучшихъ учениковъ всемірно-славившагося Луи Шпора*). Віолончельную же партію исполняль, немногимь только старше Давида, Ципріянъ Ромбергъ, сынъ извъстнаго скрипача и композитора Андрея Ромберга и ученикъ своего дяди, Бернгарда **). Самъ же фонъ-Липгардтъ игралъ (не помню уже хорошенько) или на скрипкъ, или на альтъ, и иногда также участвоваль въ квартетныхъ исполненіяхъ. Пришлось ли когда-либо |дерптскимъ жителямъ слышать исполнение этого квартета въ публичномъ, за плату, концертв? о томъ моя память ничего не сохранила; но думаю, что нътъ, потому что г. фонъ-Липгардтъ, по всемъ известной непомерной его гордости, на это, безсомевнно, никогда не далъ бы своего согласія. Но такъ какъ мой отецъ, чрезъ президента ландгерихта фонъ-Мензенкамфъ познакомился съ дерптскимъ крезомъ, то и я, по поступленіи въ университеть имъль честь быть ему представленнымъ и удостоивался потомъ не разъ приглашенія на балы и на музыкальные вечера. На последнихъ, разумъется, главная доля исполненій выпадала всегда на квартетный ансамбль. Туть впервые я услышаль сочиненія Бетховена и тогда началъ предчувствовать существованіе инаго, совершенно новаго, какого-то исполинскаго міра звуковъ, оживленнаго глубоко-поэтическими идеалами и выраженнаго прежде негаданными, смедыми гармоническими сочетаніями и оборотами. По моей просьбъ, матушка моя, чрезъ музыкальный магазинъ Карла Пеца въ Петербургъ, выписала

^{*)} Съ Ф. Давидомъ, когда онъ жилъ въ Дерптв, я близко не сошелся. Въ 1863 г. мы встрътились опять въ Лейпцигв, но принадлежали къ различнымъ партілмъ. Онъ былъ противъ Листа н Вагнера, а я за нихъ. Несмотря на этотъ антатонизмъ, мы другъ друга уважали, и когда въ 1868 г. я оставилъ Лейпцигъ, мы обменялись своими фотографіями.

^{**)} Съ Ципр Ромбергомъ им тогда же дружески сошлись, а въ 1835 г. встръчались опять въ Петербургъ. Принадлежа однакожъ въ различнимъ кружкамъ, мы не часто видались. Когда же послъ ноей женитьбы, я воротился въ Петербургъ въ 1839 году (осенью), то я Ромберга болъе не встръчалъ.

БИ_ЛИОТЕКА УЛИТИНА Ажексея Викторовича

для меня изъ-за границы фортепіанныя сочиненія Бетховена. Первыя сонаты, которыя Пецъ прислаль, были Ор. 109 и 110, да Ор. 13 (Patetica) и Ор. 27 (Quasi Fantasia). Что изъ нихъ двъ первыя для меня тогда были непонятны и напугали своею трудностію, было весьма естественно; но двумя другими я сразу страстно увлекся, до нъкотораго даже нервнаго возбужденія, въ родъ бреда, такъ что матушка, по совъту нашего домашняго доктора, въ теченіе цълаго мъсяца, не допускала меня до фортепіано.

XVIII.

Еще въ началъ 1828 года отецъ мой снова былъ призванъ на государственную службу для реформы отчетной части въ коммиссаріатскомъ департаментв военнаго министерства, при чемъ быль назначень туда начальникомъ отделенія. Вследствіе ли скораго и удовлетворительнаго исполненія этой реформы, или же въ награду за прежнюю его долгольтнюю службу въ Придворной конторъ и въ Министерствъ Финансовъ (я ныне уже не помню), только къ концу того же года отецъ мой удостоился особой Монаршей милости, состоящей въ назначении отцу моему, изъ собственнаго Государя Императора Кабинета, ежегодной стипендіи въ 1500 рублей (ассигнаціями) на университетское образование его сына. Такимъ манеромъ я высшимъ научнымъ своимъ образованіемъ всецвло обязанъ Монаршей щедротъ незабвеннаго Государя Императора Николая Павловича. Требовалось при этомъ, однакоже, чтобы я по прошествін каждаго полугодія сдаваль экзамены и о томъ представляль бы надлежащія свидітельства министру финансовь графу Е. Фр. Канкрину.

Матушка же съ братомъ Иваномъ и съ многочисленными подростками нашей семьи оставались въ Дерптв еще до весны 1829 года, и тогда уже обратно переселились въ Петербургъ. Послв того я сталъ жить въ Дерптв одинъ, по-студентски.

Университеты наши въ то время имъли особыя права: общій для всъхъ прочихъ гражданъ судебный, по полицейскимъ дъламъ, порядокъ тогда не касался университетскаго міра. Каждый университетъ пользовался собственною своею "юрисдикціею", т.-е. своею "управою благочинія". Всъ вообще студентскія дъла разбирались и обсуживались въ университетскомъ совътъ

(Senatus Academiae) подъ предсъдательствомъ ректора, который носиль титуль "Magnificus" (великольпный) или "Seine Magnificenz" (Его Великольпіе). Дылами академическаго сената по части "благочинія" (acta ad disciplinam morum attinentia) правилъ и о вихъ "сенату" докладывалъ синдикъ (прокуроръ) университета; онъ же наблюдаль за порядкомъ исполненія рвшеній совъта. Когда дъло по части благочинія касалось какого-нибудь простаго лишь нарушенія полицейскаго порядка или денежныхъ разсчетовъ студентовъ съ квартирными хозяевами, съ ремесленниками, магазинщиками и съ подобными лицами, тогда ръшенія академического сената за подписью ректора и скрвпою синдика считались окончательными; но когда дъло касалось какого-нибудь дъйствительнаго, т.-е. уголовнаго уже преступленія, такъ что виновнаго надлежало передать въ руки общаго правосудія, тогда ръшенію университетскаго суда подлежало только исключение виновнаго изъ списковъ студентовъ (relegatio), которое могло быть временное или окончательное. Таковыя решенія получали законную силу по утвердительной подписи (confirmatio sententiae) попечителя университета (curator academiae), который вивств съ твиъ быль и попечителемъ всего учебнаго округа. Но этимъ, кажется, и ограничивалось тогдашнее вліяніе г. попечителя на дъла академической юрисдикціи.

Вообще, сколько я могу нынъ сообразить съ представлявшимися тогда случаями, попечитель учебнаго округа въ то время исполняль обязанность не столько феодального сюзерена надъ судьбою преподавателей и учащихся, сколько ревностнаго блюстителя за распространеніемъ блага просвъщенія въ ввъренномъ ему округъ, и въ этомъ отношеніи онъ поистинъ бывалъ благотворнымъ посредникомъ между культурными нуждами края и Министерствомъ Народнаго Просвъщенія. На этомъ основаніи на его обязанности, какъ тогда не одинъ разъ поговаривали, лежала по возможности частая личная инспекція гимназій и школъ его округа. Собственно же въ университетскія-то діла если можеть быть и было какое вмішательство г. попечителя, то оно, по крайней мірів, не доходило до свъдънія нашего, т.-е. студентовъ, ибо всъ вывъшенныя въ университетскомъ вестибюль для общаго свъдынія объявленія отъ академическаго сената или были подписаны самимъ

ректоромъ, или начинались словами "отъ имени Его Великольнія господина ректора". А потому не удивительно, что во все время моего пребыванія студентомъ Дерптскаго университета мнь случалось не болье, кажется, четырекъ разъ увидъть нашего г. "куратора", да и то лишь какъ участника въ академическихъ торжествахъ. Послъдній моего времени попечитель, генералъ-адъютантъ баронъ фонъ-деръ Паленъ даже не живалъ въ Дерптъ, такъ какъ онъ одновременно носилъ должность генералъ-губернатора остзейскихъ провинцій и поэтому постоянное свое пребываніе имълъ въ г. Ригъ.

Команда "исполнительной полиціи" Дерптскаго университета состояла всего изъ четырехъ педелей подъ предводительстомъ старшаго или оберъ-педеля, и этого малаго числа служителей университетской германдади было тогда совершенно достаточно для полицейскаго надзора за тъми слишкомъ 700 студентами, которыхъ въ мое время насчитывалось въ Дерптскомъ университетъ.

Восемъ лътъ провелъ я въ Дерптъ, и въ продолжение всего времени ни разу не слышно было, чтобы университетскому начальству приходилось обратиться къ полицеймейстеру, а тъмъ менъе къ командиру расположеннаго въ городъ полка, за помощію въ возстановленіи порядка среди студентскихъ сборищъ по случаю либо торжественныхъ ихъ факельцуговъ*), либо періодически устраиваемыхъ на главной (ярмарочной) площади, публичныхъ коммерсовъ. Когда уличный "скандальчикъ" производился въ действительно небольшомъ размере, тогда обыкновенно достаточно было появленія одного, либо и двухъ педелей съ воззваніемъ "Im Namen Seiner Magnificenz, bitte, liebe Herren, auseinandergehen!" **) — чтобы возстановился порядокъ. Случалось, — спору нътъ, — что происходили (но весьма ръдко) также и довольно шумныя сходки нъсколькихъ десятковъ студентовъ, подъ вліяніемъ излишнихъ вакхическихъ изліяній, но даже и съ таковыми "anständige"***) скандалами почти всегда благополучно, и притомъ безъ всякаго грубаго насилія, успъвали управиться оберъ-педель и четыре его акко-

^{*)} Fackelzug, — процессія съ факкелами.

^{**)} Во ния Его Великоленія, пожалуйста, милме господа, разойдитесь!

^{***)} Anständig, порядочний.

лита. Помню я всего только раза два, что "порядочный" скандаль возрось до размъровь "большаго" скандала тъмъ, что на мъсто сходки все вновь да вновь притекали цълые десятки буршей, и сборище начало принимать нъсколько буйный уже характеръ. Дали знать ректору (профессору Густаву фонъ-Эверсъ), который, посившивъ созвать нъкоторыхъ самыхъ любимъйшихъ студентами, профессоровъ (Блюма, Брёкера, Вильгельма Струве и др.), явился съ ними на мъсто сходки. Лишь только студенты увидъли своихъ любимыхъ профессорояъ, какъ вся громко шумъвшая толпа мало-по-малу утихла. Эверсъ и его сподвижники проникли поодиночки въ разныя кучки и стали уговаривать студентовъ: "Meine Herren, bitte, beruhigen Sie sich! Thuen Sie uns persönlich die Liebe an, gehen Sie auseinander! Um der akademischen Ehre willen, gehen Sie auseinander!"*) Наконецъ толпа, совсёмъ усмирившись, начала мало-по-малу ръдъть. Тогда Эверсъ всталъ на какое-то вблизи находившееся возвышение (тумба, наружная лъстница или т. п.) и звучнымъ голосомъ произнесъ: "Господа, благодарю васъ! завтра ровно въ 12 часовъ я готовъ принять въ залъ академического сената депутацію для разбора сегодняшняго дъла. До свиданья! - Ректоръ и профессора удалились, сопровождаемые восилицаніями "Vivat Magnificus! vivat Academia! vivant professores! — Чрезъ четверть часа площадь оказалась молчаливой пустыней.

Весьма быть можеть, что нынв найдутся люди, которые стануть сомневаться въ справедливости моихъ воспоминаній: одни стануть удивляться "снисхожденію" ректора и профессоровъ, другіе не поверять "уступчивости" студентовъ. А между темъ дело объясняется весьма просто, стоитъ только анализировать обоюдныя отношенія действующихъ лицъ.

Ректоръ университета былъ главою академической "управы благочинія", члены которой избирались изъ профессоровъ. Университетскій судъ, слёдовательно, состоялъ не изъ одностороннихъ толкователей одной лишь буквы закона, а изъ людей, морально болёе или менёе связанныхъ съ тёми юношами, степень виновности которыхъ имъ приходилось обсужи-

^{*)} Господа, пожалуйста, усновойтесь. Сділайте намъ личное одолженіе, разойдитесь! Ради академической чести, разойдитесь.

вать. Ибо профессора 20-хъ годовъ (по крайней мъръ Дерптскаго университета) наибольшей частію не чуждались академического юношества и охотно принимали у себя молодыхъ своихъ слушателей, коль скоро они мало-мальски умъли вести себя, какъ принято въ кругахъ интеллигентныхъ людей. Наши деритскіе ученые не только не забывали, но даже любили вспоминать о томъ, что и они когда-то были "лихими буршами⁴. Вследствіе же этого душевнаго настроенія своихъ членовъ, университетскій судъ умълъ различать шалость молодости отъ дъйствительно вреднаго обществу проступка и сообразно съ этимъ взглядомъ опредълялъ также и приговоры свои; по тому же поводу академическій сенать равномірно всегда готовъ былъ выслушивать желанія и жалобы подвідомственнаго ему юношества, и позаботился объ удовлетвореніи ихъ, буде они были основательны, а въ противномъ случав убъждаль доказательно въ недопускаемости оныхъ. Избранные изъ среды таковыхъ профессоровъ ректоры, какъ оно само собою вытекало изъ общаго итога обстоятельствъ, поставляли себъ не только за долгъ, но даже за честь поддерживать льготы и права университетского суда. Таковыми-то именно ректорами были Густавъ фонъ-Эверсъ (умершій въ началь 1829 года) и достойный его преемникъ Фридрихъ Парротъ*).

И вотъ почему тогдашніе дерптскіе студенты, пользовавшіеся преимущественными льготами относительно личной свободы, имъли полное довъріе къ своему ректору и къ своему академическому сенату; вотъ почему они уважали и любили ихъ, а оттого безъ малъйшаго рабольпія, въ минуты даже возбужденнаго состоянія головъ, охотно и безпрекословно имъ повиновались. Совершенно правъ, слъдовательно, Шиллеръ, жогда онъ говоритъ:

> "Предъ рабомъ, разорвавшимъ цѣпи свои, Не предъ мужемъ свободнымъ, ты трепещи!" **)

Отношенія же между дерптскими студентами и педелями были столь оригинальны, что нынёшнимъ студентамъ русскихъ университетовъ только придется удивляться. Прежде всего слё-

^{*)} Знаменитый профессоръ физики, впослёдствие членъ Императ. Академіи.

^{**) &}quot;Vor dem Sklaven, wenn er die Kette bricht, --

[&]quot;Vor dem freien Manne erzittre nicht!"

дуетъ упомянуть о томъ, что наши педели, или "пудели" (какъмы ихъ звали) бывали не изъ грубаго невѣжественнаго народа, а изъ горожанъ, и довольно грамотные, даже знакомые съ стихами Шиллера, съ сантиментальными романами Августа Лафонтена и съ разбойничьими новѣстями Лейброка. Они почти всегда бывали мягкаго, добродушнаго характера и всѣмъ сердцемъ срослись съ университетскимъ міромъ, а потому отечески расположенные къ молодымъ "буршамъ". У нихъ была отличная память на физіономіи и имена студентовъ и всегда провѣдывали (Богъ ихъ знаетъ, какъ?) всю подноготную ихъ житъя-бытья. Зато и не разъ они указывали одному — другому бѣдняку-буршу на то, чрезъ какого профессора какимъ путемъ ему добиться избавленія отъ платы за слушанье лекцій.

Мы всё хорошо ладили и дружески шутили съ нашими стариками-"пуделями". Они же, съ своей стороны, всегда были готовы скрывать наши шалости, когда это оказывалось возможнымъ безъ риска собственной отвётственности. Шутки надъ "филистерами" *) суть традиціонныя, ибо онё исполнялись уже встарину въ разныхъ западныхъ университетахъ, и хотя съ точки строгаго благочинія онё, конечно, должны были бы считаться нарушеніемъ покоя кого-нибудь изъ согражданъ, но съ другой стороны эти проказы выказывались столь наивношаловливыми и смёхотворными, да и въ сущности безвредными, даже мало обидными, что и между филистерами онё обыкновенно возбуждали болёе смёха, чёмъ гнёва. Къ наиболёе повторявшимся шалостямъ принадлежали слёдующія.

Возвращается буршъ ночью домой. На одной улицъ видитъ онъ, что у одного изъ оконъ какого-то дома ставни не притворены, а въ самомъ-то окнъ имъется форточка. Это его соблазняеть. И вотъ онъ подходитъ и стучитъ въ окно, при чемъ подражая голосу плаксивой старушки, восклицаетъ: "Масhen Sie auf! Um Gottes willen, machen Sie auf!"**) И это продолжается стессендо до тъхъ поръ, пока форточка не отворится и не появится кто-нибудь за нею съ вопросомъ: "Na, Herr Jesus, was giebt's denn da?"***) Тогда буршъ собственнымъ

^{*)} Филистеромъ называется всякій, кто не членъ университетскаго міра, преимущественно же изъ сословія мінцанъ.

^{**)} Отворите! ради Бога, отворите!

^{***)} Ну. Господи Інсусе, что же тамъ такое?

уже своимъ голосомъ отвъчаетъ: "Ach, excusiren Sie! Ich wollte blos 'mal Ihnen eine schöne gute Nacht wünschen!"*) А затъмъ спокойно уходитъ.

Иной разъ нъсколько буршей, конечно также ночью, прожодя по улицъ, случайно поражены ярко освъщенною лучами мъсяца вывъской кондитерской. Тутъ вдругъ припоминаютъ они, что на той же улицъ, насупротивъ кондитерской, находится мясная лавка, вывъска которой теперь едва замътна, потому что та сторона улицы совершенно въ тъни. "Это не справедливо!" (говорятъ бурши) "dulcedine caro utilior; utiliori praerogativa convenit!"**) Вслъдствіе же этого присужденія бурши снимаютъ объ вывъски и перевъшиваютъ ихъ: вывъску мясника подъ полное отраженіе мъсячныхъ лучей надъ входомъ въ кондитерскую, а вывъску послъдней на темную сторону, надъ лавкой мясника.

Случалось также иногда, что какой-нибудь буршъ, возвращаясь съ товарищемъ съ торжества Вакха, впадаетъ въ сантиментальность: помнится ему, что его "Linchen" ***), уступивъ настойчивой воль папаши "Schumachermeister"****), вышла замужъ за какого-то сорокапятильтняго "ehrbarn Bürger und Zunftvorsteher, Herrn Knopfmachermeister +) Christoph Leberecht Gottlieb Seidenraup; а сей ревнивецъ держитъ ее-то "Linchen" — въчно взаперти. "Bruderherz" +), обращается влюбленный буршъ къ товарищу, съ которымъ вийсти рука объ руку они невольно выписываютъ зигзаги по улицъ, -"Bruderherz, помоги мнъ какъ истый другъ! Хочу я учинить серенаду своей Linchen, да еще и наказать этого ledernen Kerl +++) Christoph Leberecht Gottlieb Seidenraup". - "Bene, benissime!" отвъчаеть брудергерцъ: "накажемъ этого Зейденраупъ!" И идутъ друзья домой. Влюбленный снимаетъ со ствны свою гитару, а брудергерцъ беретъ старую метлу и перевернувъ ее, прикръпляетъ къ ней случайно валявшуюся

^{*)} Ахъ, извините! и хотвлъ только пожелать вамъ пріятной, доброй почи!

^{**)} Сластей полезнве мясо; полезнвитему подобаеть преимущество.

^{***)} Ласкательное сокращеніе именя Caroline.

^{****)} Башиашный мастеръ.

^{†)} Многопочтенный гражданинъ и цеховой глава, г. пуговичный мастеръ.

⁺⁺⁾ Братъ сердечный.

⁺⁺⁺⁾ Кожаний мужице, выраженіе, обозначающее никуда негоднаго, очень наскучившаго человѣка.

въ углу маску такъ, что вмёсто волосъ торчатъ надъ ней прутья метлы. Вооружившись этимъ матеріаломъ друзья отправляются въ тотъ переулокъ, гдъ во 2-мъ этажъ одного изъ домовъ жительствуетъ ревнивый филистеръ "Knopfmachermeister Seidenraup". Кругомъ все тихо, и ночь довольно темная. Чрезъ висейныя гардины одного окна слабо мерцаетъ свъть ночной дампы: это спальня. Подъ этимъ-то окномъ влюб. денный крыпко уставившись въ позицію, упирается въ стыну вытянутыми впередъ руками, а брудергерцъ, взобравшись ему на плечи, привязываетъ метлу, палкою внизъ и маскою обращенной въ окну, и затъмъ спускается на мостовую. Потомъ подъ нъжно дрожащіе звуки аккомпанирующей гитары раздается въ два голоса слащаво-сантиментальная пъсенка. Тамъ и сямъ отворяются форточки, за которыми замъчаются головки разныхъ "Trinchen, Minchen, Finchen"*) и т. д., то съ золотистыми, то съ свътлорыжими локонами: знать, серенада буршей производить эффектъ, и пъвцы удвоивають свое стараніе. Наконецъ просыпается и "Linchen", а съ нею же и ревнивецъ Зейденраупъ, который тотчасъ и угадываетъ значение серенады. Разозлившись, срывается онъ съ одра, бъжитъ къ окну и торопясь его растворить, заранве уже начинаеть кричать и ругаться, но въ мигъ умолкаетъ, весь объятый страхомъ: едва только усивлъ онъ несколько растворить окно, какъ кто-то извив тотчась его опять захлопнуль, а въ самыя-то стекла стучить, эхидно кланяясь, лохматая, огромная голова съ страшнымъ, блёднымъ лицомъ и большими черными глазами. Въ то же время на улицъ раздается смъхъ молодыхъ голосовъ, а затъмъ пъніе удаляющихся трубадуровъ на извъстный мотивъ "Фуксовой песни" **):

> "Es ist der Seidenraup, (bis) "Es ist der lederne Seidenraup, "Ci-ça Seidenraup, "Es ist der Seidenraup!"***)

^{*)} Ласкательныя сокращенія имень: Катерина, Минна, Софья.

^{**) &}quot;Fuchslied", многонзвёстная студентская пёсня, содержащая разныя насмёшки надъ фуксами.

^{***)} Вотъ самъ-онъ Зейденраупъ, (два рава)
Вотъ самъ-онъ, кожаный Зейденраупъ,
Си-са Зейденраупъ,
Вотъ самъ-онъ Зейденраупъ!

И въ таковомъ-то родъ бывали вообще и всъ прочія шутки, продълываемыя буршами надъ филистерами.

Наибольшей частью эти шалости проходили учинившимъ ихъ безнаказанно, такъ какъ сами филистеры, боясь хлопотъ и потери лишняго времени, не подавали жалобы въ академическій сенать. Къ тому же они знали, что когда бы они возбудили дело, то проказы надъ ними только стали бы повторяться и усиливаться. Для педелей же, казалось, никакая проказа, гдъ и когда бы она ни исполнялась, тайною не оставалась, и доказательствомъ тому служило то, что, когда иной разъ слишкомъ уже обидившійся филистеръ на другой день донесъ о сыгранной съ нимъ шуткъ, всабдствіе чего синдикъ университета педелямъ строго предписалъ, отыскать и представить виновнаго въ академическій судъ, то это и было исполнено безъ всякой мальйшей остановки. Но въ таковыхъ случаяхъ, тотчасъ же всябдъ за формальной, однимъ изъ педелей лично объявленной виновному буршу "цитировкою" для предстанія предъ судъ, была ему тайнственно доставлена копія съ рапорта донесшаго "ex officio" педеля, для его соображенія въ своихъ отвътахъ; а въ этомъ рапортъ, по искони принятому обычаю, самое-то происшествіе всегда представлено было въ наизвозможно смягченномъ и наиболъе для отвътчика выгодномъ видъ. А потому виновные за подобныя, въ сущности же дъйствительно не зловредныя, юношески-наивныя шалости обыкновенно отделывались карцернымъ арестомъ отъ двухъ до трехъ дней. Итакъ какъ подобной сатисфакціею всегда оказывались вполив удовлетворенными самые даже сердитые челобитчики, то отъ этой нормы гуманной юрисдикціи отступать никакихъ поводовъ не представлялось. Въдь были же оттого, какъ говорится, и волки сыты и овцы цёлы, а между тъмъ не разбивались навъки поистинъ иногда цвътущія надежды целыхъ семействъ изъ какихъ-нибудь пустыхъ проказъ всегда болъе или менъе къ шалостямъ расположенныхъ юношей. Такъ думали и разсуждали тогда въ Дерптв о студентскихъ дълахъ не только члены университетскаго суда, но и всъ, чай, безъ изъятія горожане, а преимущественно, кажется, честные, ничъмъ никогда не подкупные наши "полисмены", педели.

Ибо самъ отъ себя, по собственной иниціативъ, о таковыхъ

шаловливыхъ шуткахъ никажой педель никогда не доносилъ. Напротивъ бывало даже, напр. дружище старый педель Мартини случайно какъ-то набредеть на мъсто шуточной продълки въ самый моменть ен исполненія, — следовательно, когда онъ могъ быть увъренъ, что, кромъ развъ самихъ шалуновъ, никто его не заметить, -и что же? после тихохонько и осторожно (на всякій случай) произведенной рекогносцировки, онъ быстро удаляется въ противоположную сторону. Насилу удерживая невольно захватывающій его сміхь, онъ будто про себя, но довольно внятно ворчить: "Kommen Sie mir nicht zu nah'! Ich seh' nichts! Ich will Sie nicht kennen!" *) А вакъ пройдетъ нъсколько дней и жалобы ни отъ кого не поступило, то, при встръчъ съ проказникомъ, старикъ, весело улыбаясь, дружески грозить пальцемъ да шутливо приговариваеть: "Nanu aber, lieber Herr X., 's nächste Mal muss ich Sie denn wohl wirklich fest kriegen!" **)

Такія же дружескія объясненія происходили и тогда, когда въ случав неизбъжныхъ послъдствій отъ принесенной филистеромъ жалобы, педель рано утромъ являлся къ какому-нибудь буршу-проказнику "отъ имени Его Великольпія" съ цитировкою въ академическій сенатъ.

"Ну ужъ вы, Мартини (скажетъ примърно виновный), хорошо ли это съ вашей стороны? Сами тогда, знаете, говорили, что ничего не видъли, что знать меня не знаете, а теперы все-таки выдали?"

"Ахъ, вы милый мой господинъ (возражаетъ обыкновенно тогда старикъ), да поймите же вы хорошенько. Я-то чъмъ тутъ виноватъ? Самъ-то по себъ, въдь, ни гугу! А вотъ проклятый филистеръ-то жаловался! Ну, г. синдикъ и приказали именно-то мнъ открыть виновнаго, словно угадали, что чортъ меня тогда натолкнулъ на самое мъсто происшествія. А сами вы въдь знаете г. синдика; у нихъ одинъ только конецъ: или подавай виновнаго, или получай отставку! Такъ какъ же мнъ тутъ быть? Въдь вамъ, милый господинъ, ей Богу, особенно большаго труда не стоитъ, посидъть маленько

^{*)} Не подходите близко ко мей! я ничего не вежу, я знать васъ не хочу!

^{**)} А ну-ка, милый господинъ X., въ следующій разъ ужъ и впрямь мис надо будеть васъ словить!

въ карцеръ; дъло, кажись, вамъ ужè привычное! А мнъ-то, старику, каково будетъ хлъба насущнаго-то лишиться при полдюжинъ дътей!"

"А сколько дней-то мив карцера будеть за это?"

"Не много, ей Богу, не много! Больше трехъ дней не будеть. Въдь шалость это была, а не преступление! Ну право, милый господинъ, не сердитесь!"

"Да ладно же, не сержусь я".

"А въ сенатъ-то сегодня къ 12-ти часамъ явитесь?"

"Явлюсь!"

"То-то, милый вы мой господинъ! не забудьте только; а я въ другой разъ такъ и заслужу вамъ; какъ только примъчу васъ издали, тотчасъ въ другую сторону и поверну!"

И вогь старыя дружескія отношенія опять налажены.

Разберемъ же, наконецъ, также и суть третьяго, не менъе, если не болъе еще важнаго фактора тогдашней деритской университетской жизни, т.-е. духъ студентовъ двадцатыхъ годовъ. Такъ какъ съ тъхъ поръ протекло болъе 60-ти лътъ, то я и знаю, что нынъшнее покольніе а priori опредвлить этотъ духъ единымъ, весьма любимымъ въ наше время, громогласнымъ словомъ: "отсталость." О словахъ и выраженіяхъ спорить я считаю напраснымъ трудомъ; а такъ какъ та эпоха, о которой я вспоминаю, по летосчисленію действительно "далеко отстоить назадъ" оть текущаго 1891 года, то, пожадуй, и духъ деритскихъ студентовъ тогдашней эпохи, можно (въ томъ же, конечно, летосчислительномъ только смысле) называть "отсталымъ." Съ другой же стороны, думаю я, что есть понятія, которыя никогда не старвють, т.-е. такія, которыя искони въ одинаковомъ смыслъ существовали у всъхъ народовъ, да и впредь никогда не потеряютъ истиннаго своего значенія. Таковымъ понятіемъ считаю я, между прочимъ, понятіе: порядочный человъкъ. Что обыкновенные - воръ, грабитель, разбойникъ и т. п. не принадлежатъ къ сонму порядочныхъ людей, въ этомъ и сомнънія быть не можеть.

Столь же мало оспоримо, въроятно, и то, что лънь, шалость и виверство собственно-то еще не суть пороки, а только слабости, и что можно быть лънтяемъ, шалуномъ и виверомъ, все-таки не переставая быть порядочнымъ человъкомъ. Къ какому же, однако, разряду людей слъдуетъ относить тъхъ инди-

видуумовъ, которые считая себя и свои матеріальныя (иначе сказать, животныя) влеченія центромъ всего соціальнаго міра, въ тайникъ своей души не признаютъ ни воли ни правъ другихъ, и въявь только потому ихъ не нарушають, что боятся преследованія законовъ? Это те самые индивидуумы, соціальный принципъ которыхъ гласить: "нраву моему препятствовать не моги". Ихъ бываетъ два разряда, которые другь отъ друга ярко отличаются, но именно-то и единственно отличаются одною только внъшностію: одни въ обществъ иногда пользуются больше или меньше выдающимся положеніемъ, въ большей или меньшей мъръ утонченными удобствами культурной жизни; другіе же, какъ по своему положенію, такъ и по житьюбытью своему представляють прямую противоположность первыхъ. Подобное различіе, впрочемъ, ничего не значитъ, и существуеть также между порядочными людьми разныхъ классовъ. Но между двумя разрядами непорядочныхъ людей существуеть еще и другое, котя также лишь внешнее, но весьма разительное различіе. Первый разрядъ всёми усиліями старается на сколько можеть, подражать вившнимъ соціальнымъ обычаямъ и манерамъ порядочныхъ людей интеллигентнаго міра и этимъ самымъ невольно высказываетъ признаніе высокаго моральнаго преимущества последнихъ. Другой же разрядъ слишкомъ тяготится этимъ моральнымъ перевъсомъ разума и добра надъ животнымъ здомъ, а потому ръшидся возставать противъ всвхъ обычаевъ цивилизаціи подъ предлогомъ, что будто "следуетъ во всемъ сливаться съ простымъ народомъ. " Но, къ сожалънію, они избради себъ образцомъ не настоящаго русскаго крестьянина труженика, а фабричнаго разгульнаго лентяя, т.-е. они являются — выражаясь словами графа Л. Толстого, — "плодами просвъщенія", а еще върнъе сказать: "плодомъ преднамъренно-изуродованнаго просвъщенія". Это никакъ не типъ русскаго народа; это смёсь завистливаго хищничества и надменнаго своеволія, напускнаго невъжества, грубаго животнаго увлеченія и совершеннаго безбожничества подъ флагомъ набачнаго либерализма.

И въ этомъ отношении я совершенно согласенъ называть "далеко отсталымъ" духъ дерптскихъ студентовъ двадцатыхъ годовъ. Правда, что и между ними также встръчались и лънтаи, и забубенныя головы, шалуны, и слабохарактерные ви-

веры, но всё они безъ исключенія были все-таки вёрными, честными товарищами, и поэтому самому уже не могли не быть порядочными людьми, изъ какого бы сословія они ни происходили. Главнёйшей же гарантією противъ всякаго пронивновенія въ кругъ тогдашнихъ дерптскихъ студентовъ хотя бы даже однёхъ лишь идей, руководящихъ "героевъ вашего времени," служили "землячества" или "ландсманшафты" съ ихъ принципами и уставами.

Принципомъ этихъ уставовъ служило убъжденіе, что "буршу" прежде всего слъдуетъ быть "порядочнымъ человъкомъ", т.-е. такимъ, который умъетъ не только поддерживать собственное свое достоинство, но также и не нарушать достоинства другихъ; другими словами: отъ бурша требовалось соблюденіе "рыцарской чести" и "рыцарской учтивости" *). По уставамъ всъхъ корпорацій, всякаго рода перебранка, а тъмъ паче ручная драка между буршами строжайше запрещалась. При возникновеніи всякой ссоры между двумя буршами, угрожавшей зайти за предълы простаго недоумънія, присутствовавшіе другіе товарищи обязаны были развести ссорившихся, и если не удалось уладить недоумънія примиреніемъ, то по крайней мъръ прекратить дальнъйшее личное столкновеніе антагонистовъ, предоставляя имъ единственно только право ръшить возникную ссору правильной по уставу дуэлью (Paukerei).

Дуэли по внъшней своей обстановкъ раздълялись на нъсколько разрядовъ сообразно съ степенью обиды, а эти степени находились довольно ясно опредъленными въ уставъ корпораціи. Въ сомнительныхъ же случаяхъ столкновенія между буршами подвергались даже обсужденію и опредъленію третьейскимъ судомъ, который составлялся изъ трехъ сеніоровъ землячества и четырехъ секундантовъ.

Низшій разрядъ дуэли былъ установленъ за ссору изъ-за какого-нибудь колкаго, неприличнаго выраженія. Этого рода дуэль происходила на выточенныхъ эспадронахъ (или палашахъ) при полномъ предохранительномъ вооруженіи и бывала двухъ нюансовъ: въ рубахахъ и безъ рубахъ. Процедура нодобнаго поединка была мною уже описана въ главъ XVI. Въ случаъ подобныхъ столкновеній, по предварительномъ раз-

^{*)} Courtoisie.

борѣ обстоятельствъ ссоры вышерѣченнымъ судомъ, не считалось постыднымъ дѣломъ, когда, конечно до выхода еще "на мензуру" (на позицію между очерченными на полу предѣлами разстоянія), обидчикъ объявлялъ, что сказанное имъ было послѣдствіемъ необдуманной запальчивости, а не намѣренія дѣйствительно обидѣть товарища. Тогда, какъ само собою разумѣвается, дѣло оканчивалось частной "примирительной" пирушкою на счетъ кающагося обидчика. Если же объявленное извиненіе противникомъ не было принято, тогда третейскій судъ имѣлъ право сократить дуэль, опредѣливъ быть ей лишь "одноходною", т.-е. съ прекращеніемъ ея послѣ перваго уже "туша". Съ другой же стороны бывшему обидчику, за отказъ въ принятіи его извиненія, предоставлялось право вызвать противника на новую дуэль.

Изъ приведеннаго въ упомянутой главъ описанія обычнаго разряда дуэли между буршами, можно легко убъдиться въ томъ, что, благодаря полному предохранительному вооруженію, "пауканты" (т.-е. сражающіеся) никакъ не рисковали чемъ-либо болве, какъ только получениемъ какого-нибудь "шмисса" или на верхней части груди, или на верхней части руки. А подобныя раночки, въ сущности всегда бывали такъ незначительны, что никогда не требовали ни тщательнаго за ними ухода, ни соблюденія строгой діэты, ни даже особеннаго покоя. Пишу я это по собственному опыту; ибо агь гръщный каюсь, что пять разъ быль самъ "паукантомъ", а на 3-мъ разъ отъ противника-лъвши (имъвшаго, слъдовательно, значительный "фортель" надо мною) получиль по правому плечу "порядочный" *) шмиссъ. Но этотъ шмиссъ, послъ умълаго слъпленія его, ни мальйше не препятствоваль мив тотчасъ напялить форменный сертукъ, участвовать въ тотъ же вечеръ въ частной пирушкъ, а затъмъ ежедневно выходить какъ ни въ чемъ не бывало, что однакоже не мъщало нормальному, не далъе какъ чрезъ недълю времени, совершенному сростанію разсвики. Шрамъ конечно остался, да въ этомъ развъ особенная какая бъда?

Болъе опасными, правда, являлись высшіе разряды дуэлей,

^{*)} Порядочнымъ шинссомъ называлась въ два дюйма длины и въ полдюйма глубины.

поводами къ которымъ бывали болъе серьезныя ссоры. При каждомъ высшемъ разрядъ поединковъ опасность для дуэлянтовъ возрастала отъ постепеннаго убавленія частей предохранительнаго вооруженія, а два наивысшихъ разряда были соединены также съ измъненіемъ самаго рода оружія.

При поединкъ 2-го разряда котя набрюшникъ, галстукъ и боевая перчатка сохранялись, но шлемъ былъ замъненъ ваттированной шапкою съ большимъ четыреугольнымъ кожанымъ козырькомъ.

Когда обида требовала еще болъе строгаго удовлетворенія, тогда вызывавшему приходилось предварительно выписаться изъ числа студентовъ и тъмъ вынудить противника послъдовать его примъру. Такъ какъ, слъдовательно, эти дуэли про-исходили не между настоящими студентами, а между лицами, не принадлежащими уже къ университетскому міру, то таковые поединки назывались "филистерскими" (Philisterpaukereien).

При филистерскихъ дуеляхъ низшаго разряда оружіемъ служили тъ же студентскіе эспадроны и сохранились предохранительные набрюшникъ, галстукъ и боевая перчатка, но только въ гораздо меньшихъ размърахъ, въ особенности послъдняя; а на голову надъвался простой цилиндръ.

Высшимъ затъмъ разрядомъ считалась обывновенная, такъ называемая "французская" дуэль на шпагахъ, а наивысшимъ разрядомъ — поединокъ на пистолетахъ.

Оставляя въ сторонъ всякое разсуждение объ исключительномъ допущении или безъисключительномъ воспрещении вообще землячествъ и дуэлей въ студентскомъ міръ, не могу я, однакоже, не указать на тотъ никъмъ—какъ я увъренъ— не отрицаемый фактъ, что въ описываемое мною время не только не слышно было про какой-либо случай грубой перебранки или того хуже кулачной расправы между студентами, но что дъйствительно послъдніе строго соблюдали между собою тотъ тонъ товарищества, который предписывался корпораціонными уставами. И это легко объясняется. Порядочный человъкъ охотно подчинялся уставу, который, вполнъ совпадая съ собственными его воззръніями на общественныя отношенія, гарантироваль ему безъ всякихъ дальнихъ хлопотъ полное удовлетвореніе за нарушеніе личнаго его права на уваженіе

со стороны товарищей. А что касалось "непорядочныхъ" людей, порывы грубой ихъ натуры обуздывались именно карою, установленною студентскими правилами о чести и товариществъ, потому что "непорядочные люди" почти безъ исключенія бывають трусами. Спросять, пожалуй, о томъ, неужели между дерптскими студентами никогда не проявлялись "бреттёры?" и неужели я считаю бреттёровъ "порядочными людьми?" На последній вопросъ, конечно, я могу отвъчать только отрицаніемъ; и этимъ я себъ не противоръчу, ибо въ сущности бреттёръ, несмотря на кажущуюся его "бравурность", все тотъ же трусъ. Развивать въ себъ фектовальное искусство до наивысшаго совершенства можетъ безъсомивнія всякій, кто отъ природы одаренъ эластичнымъ, здоровымъ твломъ; это зависить отъ настойчиваго труда и отъ посвящаемаго ему времени. А кто овладёль этимъ искусствомъ въ подобной степени, тотъ знаетъ, что, имъя огромное преимущество, онъ ничемъ не рискуетъ. Изъ сего возрождается самоувъренность въ непобъдимости, которая при врожденной нахальности непременно доводить до бреттёрства. Лучшимъ же доказательствомъ тому, что бреттёры не оживлены настоящею храбростію, служить съ одной стороны то, что въ военныхъ сраженіяхъ они постоянно выказывали себя легко растерявшимися трусами, а съ другой стороны, что они всегда придирались только къ такимъ лицамъ, которые имъ казались не довольно опытными въ фехтовальномъ искусствъ. Въ мое время въ Дерптв бреттёровъ не оказывалось. Говорили, что прежде бывали такіе субъекты, но въ 1820-мъ или въ 1821 г. удалось положить конецъ нахальному бреттёрству благодаря солидарному дъйствію земляческих корпорацій. Мнъ воть что разсказывали. Поступиль тогда въ Дерптскій университеть нъкій Зелинскій, изъ виленскихъ студентовъ, который быль необычайный мастеръ въ фехтовальномъ искусствъ, но вмъстъ съ тъмъ нахалъ въ высшей степени. Этотъ господинъ началъ изъ всякихъ пустяковъ заводить грубыя ссоры съ вновь поступавшими фуксами, и тъмъ заставляль ихъ вызывать его на дуэль. Эти "фуксы", конечно, обыкновенно бывали также новичками и въ фехтовальномъ искусствъ, а бреттёръ, пользуясь своимъ превосходствомъ въ ономъ, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы ранить ихъ именно въ лицо.

Въ особенности преслъдоваль онъ богослововъ, и хохоталь надъ тъмъ, что воть онъ "изсъкъ имъ физіономіи" и тъмъ, конечно, портилъ имъ карьеру. Это продолжалось, можетъ быть, съ полгода, въ течение котораго удалось ему ни про что, ни за что изуродовать лица болъе 20-ти молодымъ людямъ. Тогда сеніоры незадолго предъ тъмъ образовавшихся трехъ землячествъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ, устроили общую сходку, на которой было решено воспротивляться распространенію бреттёрства, а ради примъра наказать этого Зелинскаго. Для этой цёли каждая изъ трехъ названныхъ корпорацій, избравъ изъ своихъ членовъ по три лучшихъ фехтовальщика, поручила имъ вызвать онаго бреттёра на филистерскую дуэль "до трижды трехъ тушей" съ каждымъ. Это равнялось 27-ми уставнымъ поединкамъ, а такъ какъ къ тому же эти поединки имфли быть филистерскими, слъдовательно довольно серьезными, то "храбрый" бреттёръ струсилъ и удралъ навсегда ночью предъ тъмъ днемъ, когда ему назначено было предстать предъ первымъ по жребію изъ назначенныхъ ему карателей.

XIX.

Поздиве всвит установилась корпорація "русскаго землячества" подъ названіемъ "Ruthenia". Это было въ 1826 году.

До того времени въ Дерптскій университетъ вообще мало поступало студентовъ изъ уроженцевъ дъйствительно русскихъ (т.-е. не остзейскихъ и не польскихъ) губерній; а въ упомянутый годъ сразу оказалось ихъ около двухъ десятковъ, изъ числа которыхъ помнятся мнъ еще имена только немногихъ.

Прежде всъхъ, безсомнънно, слъдуетъ назвать Николая Михайловича Языкова, ставшаго, въ концъ тъхъ же еще двадцатыхъ годовъ, однимъ изъ замъчательнъйшихъ нашихъ лирическихъ поэтовъ. Затъмъ помню двухъ сыновей тогдашняго корпуснаго командира, графа (впослъдствіи: фельдмаршала и свътлъйшаго князя) Витгенштейна; двухъ сыновей извъстнаго основателя газеты "Съверная пчела" и журнала "Сынъ отечества", Ник. Ив. Греча; сына бывшаго Московскаго генералъгубернатора (предшественника графа Ростопчина) Тутолмина;

и двухъ братьевъ Прокофьевыхъ, сыновей директора Русско-Американской компаніи. Именно-то этихъ восемь лицъ и слѣдуетъ считать основателями дерптской корпорапіи: "Ruthenia", создавшейся, впрочемъ, преимущественно по идеѣ и иниціативѣ Языкова, который и былъ избранъ первымъ старшиною (senior) этого русскаго землячества.

Николая Михаиловича я впервые увидёль 6-го декабря 1826 г. (когда я быль секунданеромъ гимназіи); это было на торжественномъ обёдё, а затёмъ балё, данныхъ творцомъ недавно только появившагося перваго русскаго соціально-юмористическаго романа: "Похожденія Ивана Ивановича Выжигина", т.-е. Өаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, въ подгородной своей мызё "Карловъ" (собственно-то "Karlhof") въ честь пріёзжаго "знаменитаго гостя, друга и покровителя своего" (какъонъ выразился въ тость) Николая Ивановича Греча.

Тогдашній карловскій помъщичій домъ былъ весьма просторный, двухъ-этажный: весь бель-этажъ, роскошно (на деньги пресловутой "тантхенъ") отдъланный и меблированный, занималъ самъ Булгаринъ съ "своей семьею", а въ нижнемъ этажъ (rez-de-chaussée) помъщались его "пансіонеры", русскіе студенты: Языковъ, братья Гречъ и братья Прокофьевы.

Н. М. Языкову въ то время было 22, либо 23 года. Наружностію своею представляль онъ настоящій типъ великорусскаго молодца приволжскаго края. Роста онъ былъ больше чемъ средняго, широкоплечь и съ выдающеюся впередъ грудною клъткою, а лицо у него было кровь съ молокомъ. Затъмъ открытый широкій добъ подъ густыми кудрями свётло-каштановаго цвъта; слегка вздернутый носъ; добродушно улыбающійся, довольно широкій роть съ пухлыми губами и небольшіе, плутовски веселые сърые глаза. Нрава онъ быль отличнъйшаго: острякъ и балагуръ отъ природы, любилъ онъ подшучивать; но шутки его бывали всегда благодушно-наивныя и никогда. не пошлыя, да и самъ онъ не обижался дружескимъ подтруниваніемъ, такъ что нельзя было не любить его. Вообще Языковъ былъ превосходный товарищъ, бравый буршъ всей душою, мастеръ фектовать и далеко не врагь веселыхъ пиршуекъ. Очень многіе изъ распъваемыхъ, во время коммерсовъ "Рутеніи", въ русскомъ переводъ, студентскихъ пъсенъ были плодомъ Языковской музы. Помню, что между прочимъ онъ перевель также двъ изъ любимъйшихъ застольныхъ пъсенъ того времени:

"Крамбамбули питье зовется", и "Съ высотъ Олимпа боги дали радость"*).

Объ остальныхъ русскихъ достаточно сказать, что они были, что обывновенно называется "славными ребятами", т.-е. бравыми буршами и товарищами. Съ нъкоторыми изъ нихъ сдучалось мив въ поздивищее время (между 1835-мъ и 1845-мъ годомъ) встръчаться въ Петербургъ, напр. съ Алексвемъ Гречемъ (1836) который и представилъ меня своему отцу **). Около того же времени видълся я также и съ старшимъ изъ упомянутыхъ выше двухъ братьевъ Витгенштейнъ, съ кн. Алексъемъ Христофоровичемъ ***), а нъсколько позже (1847) встрътилъ я случайно и младшаго кн. Николая Христофоровича ****). Изъ всёхъ этихъ основателей "Рутеніи", кром'я Языкова, увы! никто ничвиъ не ознаменовалъ себя выдающимися трудами на пользу нашего отечества! Но зато въ числъ буршей, нъсколько позже поступившихъ въ русское землячество, я съ особеннымъ удовольствіемъ могу въ этомъ отношеніи указать на двухъ, уже впрямь, моихъ сотоварищей-однольтковъ. Это

^{*)} После боле чемъ 60-летняго промежутва, въ продолжение котораго мие ни разу не приходилось не только самому петь, но даже котя бы лишь услишать эти песни, немудрено, что въ моей памяти ничего не сохранилось кроме заглавнихъ стиховъ. Имевшаяся же у меня "коммерсовая тетрадь" (т.-е. рукописный сборникъ нашихъ студентскихъ песенъ) пропала у меня вместе съ частию моего багажа, во время войни 1831 года.

^{**)} Ал. Ник. Гречъ въ 40-выхъ годахъ, по разводъ знаменитаго художника-живописца Карла Брюллова съ его женою, женился на последней, но, къ сожалению, года чрезъ два умеръ.

^{***)} Князь Алексъй Витгенштейнъ, по выходе изъ университета, поступивъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, въ 1836 году былъ уже поручикомъ, а чрезъ годъ заболелъ (кажется чакоткою) и вскоре скончался. Характеромъ онъ былъ весьма симпатичный молодой человекъ; лицомъ и фигурою онъ чрезвычайно походилъ на отца своего, который въ молодости своей считался однимъ изъ красивейшихъ гвардейцевъ временъ императрицы Екатерины Великой и императора Павла Петровича.

^{****)} Это случилось у графа Вл. Ал. Соллогуба. Князь Николай Витгенштейнъ быль высокаго роста, сухощавь и съ угрюмою физіономіею. Въ то время, когда я его встрътиль, онъ впрочемъ имъль полный поводъ быть угрюмемъ, потому что его жена, открыто разставшись съ нимъ навсегда, увхала за границу, чтобы соединить свою судьбу съ судьбою Франца Листа.

были Викт. Ст. Порошинъ*) (внукъ бывшаго воспитателя императора Павла Петровича) и графъ Влад. Ал. Соллогубъ**).

Но наша русская "колонія" (какъ ее по праву можно было называть) вр до времи состоити не исклюдительно дочеко изр "буршей Рутеніи"; къ ней примывало не малое число какъ вольныхъ слушателей, такъ и кандидатовъ прочихъ русскихъ университетовъ. Эти последніе, по постановленію министерства народнаго просвъщенія, были прикомандированы къ Дерптскому университету для окончательной подготовки себя на занятіе впослідствіи профессорских кабедрь, каждый въ своемъ университетъ и по предмету своей науки. Они составляли особое, конечно временное только, учреждение, которое носило название "профессорскаго института". Среди этихъ дицъ, число которыхъ простиралось, кажется, чуть ли не до трехъ десятковъ, встръчались очень и очень многіе, имена которыхъ нынъ красуются на скрижалахъ исторіи развитія у насъ высшихъ наукъ. Со всеми съ ними я лично не былъ знакомъ, а потому я помню имена тъхъ только изъчисла гг. кандидатовъ русскаго профессорскаго института, съ которыми я имълъ честь, - искренно повторяю: честь, - болъе или менъе лично сближаться. Съ медиками: Николаемъ Пироговымъ***) и

^{*)} Викторъ Стенановичъ Порошинъ издалъ въ 1844 г. "Записки Семена Порошина о цесаревичъ Павлъ Петровичъ". Пополненнымъ явилось 2-е изданіе при "Русской Старинъ" за 1881 годъ.

^{**)} Изв'єстный писатель, авторъ романа "Тарантась" и пов'єстей "На сонъ грядущій", графъ Соллогубъ бнуъ добродушнівшій малый самаго веселаго нрава, большой острявь и превосходний товарищь, но беззаботень и легкомислень иногда до беззаберности. Пов'єсничать доставляло ему высшее удовольствіе, и его крайне забавляло, если выкидываемые виъ сюрпризы нарушали китайскій этикеть въ залахъ гордой его родни. Въ особенности приводиль онь этимъ въ отчавніе матушку своей жены (Софія Миханловны), т.-е. графиню Віельгорскую (урожденную принцессу Биронь, дочь посл'єдней герцогини Саганъ-Курляндской), хотя она, всегда обезоруживаемая неотрицаемымъ остроуміемъ его выходокъ, невольно разсм'явшись, прощала "son grand terrible enfant", и тымъ бол'єе, что и тесть, графъ Миханлъ Юрьевичь, будучи самъ веселаго характера и съ крайне либеральнымъ возврініемъ на чопорно-этикетный формализмъ, всегда первый хохоталъ надъ этими нарушеніями строгихъ обичаевъ "прекраснёйшаго" общества.

^{***)} Впоследствии попечитель Харьковскаго учебнаго округа. Пироговъ прославился не только какъ признанный всёмъ міромъ нервейшій операторъ, но также и своими глубокомисленными педагогическими статьями. Въ нашемъ студентскомъ кругу онъ (какъ и Иноземцевъ) выказывался симпатичнымъ "камрадомъ." Въ 1845 году

Иноземцевымъ *) познакомилъ меня упомянутый уже выше пріятель мой Н. Б. Анке **). О достоинствахъ и огромныхъ заслугахъ этихъ двухъ свътилъ Харьковскаго и Московскаго университетовъ мнъ нътъ надобности распространяться: ихъ знаеть вся Россія, а имя перваго извъстно даже всей цивилизированной Европъ. У профессоровъ римскаго права Брёкера и у ректора Эверса (читавшаго намъ лекціи о русскихъ законахъ и о политикъ) я сошелся съ П. Гр. Ръдкинымъ***) и съ Ивановскимъ****); у профессоровъ: статистики — Блума и исторіи — Крузе познакомился я съ Мих. Сем. Куторгою †), а чрезъ него и съ братомъ его Степаномъ ; наконецъ у профессоровъ: математики — Бартельса и астрономіи — Струве съ гг. Остроградскимъ +++) и Филомафицвстрвчался Я жимъ++++).

я навъстиль его въ Петербургъ и биль весьма дружески имъ принять. Объ оритинальности его можеть между прочимъ свидътельствовать и слъдующій анекдотъ.
Разъ, побывавь въ Медицинской Академіи, на Выборгской сторонь, и возвращаясь
оттуда пъшкомъ, онъ, не дойдя до Самсоніевскаго моста, увидъль шедшую по
ульщь старую бабу съ огромнымъ наростомъ на шев; этотъ наростъ привлекъ его
вниманіе, и онъ остановиль бабу, предложивъ ей "продать ему этотъ наростъ,
который онъ самъ желаеть выръзать". Баба, испугавшись, начинаеть его ругать
и бъжнть отъ него; а Пироговъ все за ней, да кричитъ: "Давай наростъ, четвертвую дамъ!" Всв прохожіе останавливаются: скандаль! Будочники, наконецъ, кватають и бабу и самого Пирогова; является даже квартальный. Дело объяснилось
тутъ же, и его превосходительство, конечно, съ миромъ отпустили. Какъ и что
было насчеть нароста, отомъ и самъ разсказчикъ (докторъ Тарасовъ) не сумъль
мнъ сказать.

^{*)} Онъ потомъ былъ профессоромъ Московскаго университета; въ 1860 и 1861 годахъ проживая въ Москвъ, я довольно часто съ нимъ видался.

^{**)} Cm. rj. XVII.

^{***)} Впоследствии профессорь и даже ректоръ С.-Петербургскаго университета.

^{****)} Г. Ивановскаго я впоследствім (въ 1847 г.) встретиль въ Петербурге, где онъ быль профессоромъ университета по предмету публичнаго права.

^{†)} Впоследствии профессоръ истории при С.-Петербургскомъ университетъ.

⁺⁺⁾ Онъ быль въ сороковихъ годахъ цензоромъ въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ состоялъ профессоромъ естественныхъ наукъ при Московскомъ университетѣ.

⁺⁺⁺⁾ Впоследствіи профессоръ математики при С.-Петербургскомъ университеть, директоръ тамошней обсерваторіи и членъ Академіи Наукъ; прославился всемірно своей теоріею волнъ.

⁺⁺⁺⁺⁺⁾ Онъ былъ потомъ профессоромъ астрономів при Харьковскомъ университеть, но вскоръ умеръ, не достигми, кажется, и сорока лътъ.

Изъ числа же вольныхъ слушателей помню я только трехъ: медика Александра Петровича Загорскаго*), который посъщаль еще и прежде домъ моихъ родителей, и числившихся по министерству иностранныхъ дълъ: барона Ник. Людв. Штиглица**) и товарища его Геймбюргера***), которые бывали постоянными моими сосъдями въ аудиторіи на лекціяхъ ректора Эверса (о политикъ),

Если, съ одной стороны, "буршамъ Рутеніи" центромъ товарищескихъ сходокъ служили фехтовальный залъ корпораціи и квартира сеніора, т.-е. Языкова (а послѣ Ник. Прокофьева) въ нижнемъ этажѣ Карловскаго "дворца", то, съ другой стороны, общественная жизнь русской колоніи въ Дерптѣ преимущественно сосредоточивалась въ салонѣ гостепріимнаго семейства профессора русской словесности, Перевощикова. Весьма помѣстительная его квартира находилась какъ разънасупротивъ главнаго университетскаго зданія, въ первомъ этажѣ огромнаго казеннаго дома, выходившаго однимъ фасадомъ на ярмарочную площадь, а остальными тремя на три довольно широкія, опрятныя улицы.

Г. Перевощиковъ составилъ себѣ въ исторіи русской филологіи весьма почетное имя своимъ сочиненіемъ о корняхъ славянскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и основательнымъ доцентомъ, который умѣлъ не только развивать въ юныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ нашей литературъ, но также и приспособлять ихъ къ ясному,

^{*)} Въ 50-тыхъ годахъ встречался я съ нимъ въ Петербурге довольно часто; онъ состоялъ тогда профессоромъ Императорской военно-медицинской академіи и председателемъ Совета медицинскаго департамента (или чемъ-то въ роде того). Въ 1827 году, по иниціативе и подъ дирижерствомъ Загорскаго, который самъ владель пріятнымъ теноромъ, составился изъ русскихъ уроженцевъ мужской хоръ любителей церковнаго пенія, который по большимъ праздникамъ участвовалъ въ исполненіи литургій въ городскомъ православномъ соборъ. Насъ насчиталось около 15 человекъ.

^{**)} Старшій сывъ основателя нівогда знаменитой банвирской фирмы, баронъ ПІтиглицъ и K^0 , и братъ (нынів также уже умершаго) директора государственнаго банва барона Александра Штиглица. Скончался года чревъ два или три по окончаніи университетскаго курса.

^{***)} Онъ быль воспитанникъ стараго барона Людвига Штиглица. Ознаменовалъ себя своими познаніями по части государственныхъ наукъ и быль впоследствіи товарищемъ министра иностравыхъ дёль.

логическому и сколь возможно популярному изложенію своихъ мыслей на отечественномъ языкъ*). Къ сожальнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограниченно, потому что лекціи его посъщались преимущественно, можно даже сказать: почти исключительно только членами русской колоніи.

Въ то время геній Пушкина не вполнѣ еще распустиль свои крылья, и слава Державина и Карамзина довольно твердо еще держалась, котя она, конечно, съ появленія Жуковскаго на высотѣ русскаго Парнасса, замѣтно уже начала меркнуть. Пере вощиковъ, какъ само по себѣ разумѣется, былъ горячимъ поклонникомъ послѣдняго, и тѣмъ болѣе еще, что онъ находился съ нимъ въ сродствъ, такъ какъ супруга нашего профессора была урожденная Воейкова.

Семейство Перевощикова, кромъ жены, состояло изъ сына, котораго, однакоже, тогда въ Дерптъ на лицо не было **), изъ дочери лътъ семнадцати (очень хорошенькой и къ тому же весьма умненькой брюнетки), да еще изъ 3-хъ или 4-хъ подростковъ, малъ мала меньше. У нихъ собирались всегда по воскресеньямъ, а такъ какъ въ этомъ семействъ господствовалъ духъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, т.-е. естественная непринужденность въ предълахъ столь же естественныхъ требованій приличія, въ соединеніи съ традиціоннымъ радушнымъ хлъбосольствомъ, то, конечно, молодежи тамъ было чрезвычайно весело и пріютно. Вслъдствіе того воскресные посътители обыкновенно являлись къ Перевощниковымъ въ довольно числительномъ количествъ, преимущественно изъ среды "рутенійцевъ" и членовъ "профессорскаго института".

Бывала русская колонія также и у карловскаго пом'ящика, у Булгарина, но не вся: являлись къ Өаддею Венедиктовичу въ гости преимущественно его же "пансіонеры" да кое-какіе другіе изъ студентовъ, отцы которыхъ (какъ напр. мой отецъ)

^{*)} Съ глубокой признательностію я считаю долгомъ при этомъ случав выскаъть, что безсомивно только руководству этого достойнаго наставника я обязань, о исторія и духъ отечественнаго языка не содвлались для меня чуждыми, не-

инѣ помнится, находился въ Москвѣ, бывъ студентомъ тамошо математическому факультету. Въ 30-хъ же годахъ состоялъ профессоромъ того же или Петерб. университета.

состояли въ личномъ съ нимъ знакомствъ. Бывали, впрочемъ, и такіе, которые не отказывались отъ его приглашеній по той причинъ, что авторъ "Выжигина" любилъ и умълъ угощать на славу, и охотно щеголять и своимъ поваромъ и выборнымъ своимъ запасомъ иностранныхъ винъ. И впрямь, великій его талантъ относительно знанія гастрономическихъ тонкостей, по общему нашему тогда уже сужденію, превосходиль даже его, въ сущности все-таки до извъстной степени не отрицаемый, писательскій таланть. Должному нормальному развитію послъдняго очевидно мъшало полное въ Булгаринъ отсутствіе серьезной научной подготовки. Онъ владель быстрой, что называется, смъкалкою, не мало читалъ образцовыхъ романовъ (въ особенности французскихъ)*), и имълъ большую житейскую опытность, такъ какъ прошелъ, какъ говорится, огонь и воду; а насчетъ литературной отшлифовки, ореографіи и грамматической правильности, такъ дъйствительно Н. И. Гречъ оказался ему необычайнымъ другомъ и покровителемъ. Булгарина можно было по всей справедливости сравнить съ "Жиль-Блазомъ де Сантильяна", на котораго онъ вполнъ походилъ жарактеромъ, и въ особенности смъдымъ самомнъніемъ: сдълавшись редакторомъ "Съверной пчелы" и главнымъ фельетонистомъ ея, онъ весьма отважно взялся писать критики по части всёхъ возможныхъ наукъ и искусствъ, и нималейше не конфузился безчисленными обличеніями его въ совершеннъйшемъ невъдъніи самыхъ элементарныхъ познаній того, о чемъ онъ брадся печатно разсуждать **). Внъшность его какъ нельзя

^{*)} Преимущественно, какъ не разъ я отъ него самого слыхиваль, любиль онъсочинения Ле-Сажа и Бомарше.

^{**)} Со времени вхожденія моего (въ 1840 г.) въ вругъ проживавшихъ тогда въ Петербург'в русскихъ литераторовъ и музыкальныхъ деятелей, я возобновиль также и прежнее знакомство съ О. В. Булгариномъ, довольно часто встречался съ нимъ и даже раза три или четире заходилъ въ нему для "дружескихъ объясненій". Когда въ 1852 году, чревъ рекомендацію Василька Петрова, я былъприглашенъ А. Очкинымъ въ музыкальные фельетонисты русскихъ С.-Петербургскихъ В'ядомостей, изложилъ я во вступительной моей стать плохое состояніе тогдашней нашей музыкальной критики, находившейся въ рукахъ некомпетентныхъсудей и даже полныхъ неучей, какъ напр. Булгарина, н'якоего Элькана (изв'ястнаго фарсёра еврейскаго происхожденія) и т. п. Чрезъ н'ясколько дней по выход'я моей филиппики встр'ятился и съ Оаддеемъ Венедиктовичемъ на Невскомъ проспекть. Онъ остановиль меня: "Эхъ, эхъ! что же ты, братецъ (Бургаринъ им'ялъ

· TOPPE SK

болье соотвътствовала его внутреннимъ качествамъ. Въ 50 тыхъ годахъ сталъ выходить альбомъ рисунковъ къ Гоголевской поэмъ: "Мертвыя души"; такъ тамъ и поглядите на фигуру, лицо и позы героя этихъ похожденій; это, почти двъ капли воды, живое изображеніе Өаддея Венедиктовича. Манеры, однакоже, у него были грубъе чъмъ у "деликатнаго Чичикова", и онъ старался по возможности прикрывать этотъ недостатокъ личиною добродушнаго простяка, въ родъ тъхъ, какихъ старинная французская комедія любила выводить въ роляхъ "aimables grondeurs", съ нарочитой брюзгливостію въ тонъ и съ выговоромъ, будто ротъ наполненъ горохомъ.

Забавлять онъ насъ, это правда; но чуткое чувство прямодушной молодежи не обманывалось его личиною: мы его не любили, и онъ также насъ не любилъ. Студентскіе порядки и обычаи онъ ненавидёлъ и не одинъ разъ нападалъ онъ и даже доносилъ на нихъ; но, конечно, неудачно, потому что нашъ ректоръ Magnificus Эверсъ пользовался безпредёльнымъ и заслуженнымъ довёріемъ не только министра, но и самого Государя Императора.

Осенью 1826-го года, должно быть, Булгаринъ сдълаль подобную же въ этомъ родъ попытку, и это дошло до свъдънія студентовъ. Устраивались сходки оскорбившейся молодежи, сначала частныя по отдъльнымъ корпораціямъ, а затъмъ всеобщая сходка, и было ръшено учинить ему "Pereat monstruosum". На другой день на плацу предъ почтовой станцією собралось до трехсотъ буршей, а оттуда въ строжайшемъ порядкъ отправились на близлежащую мызу Карлово. Дойдя до господскаго дома, бурши подъ самымъ балкономъ чинно выстроились полукругомъ, и по знаку, по-

привычку "тыкать" всёхъ молодыхъ людей), сразу такъ и наткинулся на насъстариковъ! Вёдь ты только что начинаеть, а я-то, ты нойми, сколько уже лётъ пишу!" — "Что жъ миё дёлать, Ө. В.? это долгъ мой, доказать читающей публике, что такія критики вздоръ да чепуха." — "Ну, ужъ и чепуха! будто не понимаю я музыка! вёдь и я также музыканть". — "Полно-те, Ө. В.! Ну, какой же вы музыканть?" — "Да, братецъ! музыканть я, музыканть: на флажолетё поигрываль! Ты — смотри, не больно на меня нападай; вёдь отвёчать пожалуй, стану". — "Отвёчайте! Вамъ же хуже будеть, потому: спотыкнетесь на музыка". — "Ладно ладно! воть жалёючи развё только тебя: съ твоимъ батькой вёдь хорошо мы были знакоми. Да ты, пожалуйста, и самъ меня-то старика не черезчуръ уже распекай! Помягче, слышишь?"

данному сеніораму существовавших тогда пяти корпорацій*), три раза прокричали "pereat!" Отъ громоваго гула раздавшихся трехсоть молодецкихъ голосовъ затряслись зеркальныя окна карловскаго палаццо. Изъ-за длинныхъ кисейныхъ гардинъ мелкомъ виднълись испуганныя женскія лица. Изъ дверей нижняго этажа (подъ самымъ балкономъ) вышелъ лакей съ побледневшимъ лицомъ и едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ: что приказываютъ многоуважаемые господа? **) — "Пускай выйдеть самь г. Булгаринь!" объявили спокойно стоявшіе впереди сеніоры. — "Господина "фонъ" Булгарина дома нътъ!" трусливо пробормоталъ дакей. "Bulgarin heraus!" грохнулъ громогласно весь хоръ. Лакей, чуть ли не присъвши на корточки, юркнулъ за двери. — "Bulgarin heraus!" пронесся еще сильные возглась трехсоть голосовь. Отворилась дверь на балконъ, и показался Оаддей Венедиктовичъ, облеченый въ роскошный халать, съ вышитой золотомъ шапочкою на головъ и съ необыкновенно сладкой улыбкой на пухломъ лицъ. "Мейнэ геэртенъ Херренъ", заговорилъ онъ, взявъ хриплымъ, бурливымъ своимъ басомъ наивозможно мягкую нотку, "мейнэ Херренъ... ***), но до спича дъло не дошло, потому что онъ былъ прерванъ общимъ крикомъ: "Шапку долой!" Булгаринъ побагровълъ, но шапку-то снялъ. И опять и еще слаще началь: "Мейнэ Херренъ!" И опять не дали ему продолжать, а закричали: "Въ шлафрокъ неприлично! Одъваться, одъваться!" Нечего было дълать! Пошель нашъ Өаддей Венедиктовичъ назадъ, а минутъ черезъ десять воротился одътый въ установленную по тогдашнему обычаю для визитовъ форму; тогда ему дозволили окончить свою рѣчь.

Булгаринъ всёми средствами бурсовой реторики изощрялся увёрять, что онъ себё объяснить не можетъ, чёмъ онъ имёлъ несчастіе навлечь на себя гнёвъ гг. студентовъ, который

^{*)} Ruthenia, Livonia, Esthonia, Curonia, Fraternitas Rigensis a Corporatio academica (Allgemeine Burschenschaft).

^{**) &}quot;Was befehlen hochgeehrte Herrschaften". Этоть обороть у нёмецкихь дакеевь служить обычной "деликатной" формою для выраженія вопроса: "что вамь угодно?"

^{***)} Какъ на французскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ Булгаринъ очень свободно объяснялся, но выговоръ у него былъ ужаснѣйшій, — впрямь, что называется, антиполицейскій!

несказано поражаетъ его сердце; что онъ глубоко уважаетъ достойныхъ сыновъ "almae matris Dorpatensis"; что онъ горячо имъ сочувствуетъ и т. д., и т. д. Студенты довольно терпъливо его выслушали, котя отъ времени до времени, да именно-то въ самые "трогательные" моменты патетическаго этого спича, они не въ состояніи были удержаться отъ громкаго, довольно непочтительнаго хихиканья, которое никакъ не могло служить знакомъ одобренія и сочувствія. Это неодобреніе-то и было ясно и кратко высказано Фаддею Венидиктовичу сеніоромъ Ливоніи (фонъ-Энгельгардтомъ), который напередъ уже былъ избранъ "спикеромъ" экспедиціи. Смыслъ его отвъта заключался въ томъ, что ръчь многопочтеннаго (vielehrenwerthen)*) г. Булгарина совершенно противоръчитъ неоспоримымъ фактамъ, т.-е. доносоподобнымъ его статьямъ, а потому, несмотря на неотрицаемыя реторическія красоты его длиннаго спича, слова многопочтеннаго г. Булгарина, къ сожальнію все-таки никакой выры не заслуживають, вслыдствіе чего отвътомъ ему можетъ только служить: "Pereat calumniator!" **) "Pereat! pereat! пружно и неистово грянулъ весь хоръ. А затъмъ бурши повернулись задомъ къ фронту дома и къ находившемуся на балконъ Булгарину и ровнымъ тихимъ шагомъ, съ соблюдениемъ прежняго церемониальнаго порядка, возвратились опять въ городъ. Въ то время, извъстно, свътописание вообще не было еще изобрътено, а способъ "минутнаго снятія и того менве. Объ этомъ стоитъ однакоже сожальть, потому что фигура и физіономія многопочтеннаго г. Булгарина при неожидаемомъ имъ, послъ столь патетическаго его спича, повтореніи ему "оваціи" поистинъ заслуживали бы увъковъченія.

XX.

Домашняя обстановка студентовъ бывала, конечно, весьма различная. Тамошніе уроженцы, какъ само собою разумвется, живали въ своихъ семействахъ; прівзжіе же изъ другихъ мвстностей богачи нанимали отдвльныя, болве или менве комфор-

^{*)} Это выражение въ пармаментарныхъ спичахъ преимущественно употребляется въ проническомъ смыслъ.

^{**) &}quot;Да погибнетъ клеветникъ".

табельно устроенныя, пом'вщенія. Но всеобычная обстановка и тіхть и другихть не дала бы никакого вітрнаго понятія о настоящемъ студентскомъ "гніздів", а потому займемся домашнымъ устройствомъ настоящаго "вольнаго" бурша, да къ тому же такого, который, располагая кое-какими только средствами, могъ жить, хотя и не богато, но все-таки и не мизерно.

Про меблированныя комнаты, какія нынѣ содержатся многочисленными, спеціальными по этой части, аферистами и аферистками, въ то время и помину еще не было. Но у домовладѣльцевъизъ мелкихъ мѣщанъ всегда имѣлись двѣ-три квартирки въ однуили въ двѣ комнатки, преимущественно въ мезонинахъ одночили двухъ-этажныхъ домиковъ. Кромѣ того много находилось и ремеслениковъ и "будикеровъ"*), которые охотно отдавали въ наемъ студентамъ одну-другую имѣвшуюся въ собственномъихъ помѣщеніи излишнюю комнатку съ мебелью, а иногда и съ "прокормленіемъ"**).

Если отдъльно нанимаемая у домовладъльца квартирка небыла омеблирована хозяиномъ, то нужная студенту мебель бралась напрокать за весьма небольшую ежемъсячную плату. Устройство студентского жилища всегда оказывалось ad nec plus ultra***) простымъ. Да и до убранства ликомнаты было юношъ-буршу, мечтавшему уже въ послъдніе предъ тэмъ годы только о томъ, когда же наконецъ онъ вырвется изъ все болью и болве ствсияющихъ его ствиъ родительскаго дома, чтобы зажить привольной студентской жизнью въ обществъ бравыхъ и веселыхъ товарищей. Для него собственно-что же такое квартира-то? Берлога, гдъ бъ ему можно спать ночью въ тъхъ случаяхъ, когда ему не приходится прогудять ее всю напродеть на пирушкъ съ товарищами, - келья уединенія, когда настанеть необходимость "оксить" ****) ради приближающагося времени экзаменовъ. Ну, да надо же, наконецъ, и имъть свой уголъ, гдъ можно бъ было спокойно пить утренній свой кофе и объдать. А для удовлетворенія столь скромныхъ претензій многаго ли нужно? Были бы кровать, столь, два стула, полка для книгь, комодикъ для бълья, въшалка для платья, тазъ съ кувшиномъ

^{*)} Будикеръ (отъ слова "Bude", лавка), лавочникъ.

^{**) &}quot;Mit Kost". —

^{***)} До-нельзя болье.

^{****)} Слово "ochsen" означаеть безустанно работать, какъ воль (Ochs).

для умыванія, да шкапчикъ вмісто буфета — и все туть; а буде хозяева ставили еще диванчикъ (ein Sofa), лишній столикъ предъ нимъ, ширмочки около кровати, да вішали между окнами нічто въ роді тусклаго зеркальца, тогда и товарищи всі восклицають: "Ein famoses Nest!"*)

Нанявши себъ комнату, молодой буршъ принимается за размъщеніе большаго или меньшаго скарба своего, а если позволяють его средства, такъ и за украшеніе своего пріюта. Прежде всего онъ въшает надъ кроватью (а если есть диванчикъ, то надъ нимъ) крестообразно два эспадрона и пару фехтовальныхъ перчатокъ, а подъ ними коммерсовую свою трубку**). Потомъ, — но, конечно, только тогда, если буршъ особенный обожатель изящныхъ искусствъ, — помъщаются на стънахъ нъсколько гравюръ или литографическихъ картинъ***). Въ комодикъ укладываются мундиръ съ широкимъ золотымъ шитьемъ на воротникъ и принадлежности къ нему, да бълье (но за лоригинальность студентскаго порядка" не взыщите!); на полкъ кое-какъ устанавливаются книги, а на столъ между окнами

^{*)} Преславное гивадо.

^{**)} Трубка этого рода весьма достойна описанія, потому что такія трубки едва ли еще гдъ обрътаются. Въ началь уже 60-ыхъ годовъ, когда я значительно долго прожиль въ Лейпцигв, гдв преимущественно сохранилось очень много еще старинныхъ студентскихъ обрядовъ и обычаевъ, мнв ни разу однакоже не пришлось видеть у какого-либо студента трубку реченнаго калибра. Самое главное и самое видное заключалось въ такъ называемой "головъ" ся, т.-е. той части, во внутренность которой набивается табакъ. Эта голова, выточенная изъ толстаго корня корельской березы, желто-коричневаго цвёта со множествомъ пятенъ разныхъ оттенковъ, имела обывновенно съ боковыхъ сторонъ видъ цветочной вазы шириною отъ 3-хъ до 4-хъ, а вышиною отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ. Но ваза была не круглая, а сплющенная, такъ что въ поперечникъ находящагося по серединъ углубленія для набиванія табакомъ оказывалось не более одного дойма. Спереди, свади и кнезу это трубочная головища оканчивалась кантомъ, образуемымъ выпуклыми боковыми сторонами. Эти стороны служили въ роде памятныхъ скрижалей, потому что на нихъ находились собственноручныя подписи товарищей, весьма искуссно вырёзанныя потомъ опытнымъ граверомъ, иногда изъ числа самихъ буршей. Чубукъ въ этой трубкъ быль коротенькій, эластичный, а самый мундштукъ длинный, вруго согнутый, изъ свътло-съраго или чернаго рога. Къ чубуку привъшивались всегда въ четыре ряда шелковые шнуры и пара толстыхъ кистей трехъ цейтовъ, составлявших в карактеристическую эмблему той корпораціи, къ которой принадлежаль владёлець трубки.

^{***)} Олеографія изобрітена была гораздо позже, въ 50-ыхъ годахъ; да и сама-то литографія въ то время существовала не боліве какъ только около 10-ти літъ.-

широко раскладываются тетради и прочія бумаги да весь приборъ для письма. Въ концъ же концовъ (а бывало и прежде всякой другой уборки) наполняется и шкапчикъ самой необходимъйшей посудою, между которою главное мъсто занимаютъ старый жестяной портъ-менажъ и огромный кофейникъ-инвалидъ. Затъмъ выглядываютъ изъ разныхъ угловъ на разныхъ полкахъ посудины, употребляемыя при утоленіи жажды, и строгій критикъ студентской морали, пожалуй, тотчасъ заметиль бы несоразмерность въ числе, въ величине и въ ценности посуды для различной цели: для воды имеются небольшой глиняный кувшинъ да единный, весьма простенькій стаканчикъ, а для — вина довольно видный розовый стаканъ богемской работы съ вышлифованными на немъ прозрачными медальонами и четыре — пять красивыхъ "рёмеровъ" *) весьма почтеннаго размъра. Тутъ же дежать на старой газетъ двъ надломленныя будки и початый толстый ломоть ржанаго хлеба, а воздъ видны (непремънно треснувшіяся уже) тарелки съ остатками масла, да колбасы или ветчины и огромная фарфоровая чашка весьма затъйливой формы.

Въ углу же у печки, торчитъ пара ботфортъ, къ которымъ прислоняется довольно толстая, изъ можжевельника, палка коричневаго цвъта съ черными пятнами, такъ называемая дигенгайнская дубинка" (Ziegenhayner Knüppel).

Что касается вопроса: много ли, мало-ли буршъ наслаждался своимъ "buon retiro"? такъ это, конечно, зависъло отъ его личнаго темперамента. А такъ какъ различнымъ оттънкамъ человъческаго темперамента счету нътъ, и такъ какъ описаніе того, какъ препровождали свое время студенты различнаго темперамента, потребовало бы излишняго мъста въ моихъ воспоминаніяхъ, то я предпочитаю предоставить собственной фантазіи многоуважаемаго читателя разрисовать себъ самыя разнороднъйшія картины житья-бытья то бурша-холерика, то бурша-сангвиника или флегматика, то студента прилежнаго, то лънтяя или гуляки и т. д.

Конечно, всъ они имъли еще одну, общую, кромъ спанья и пищи, потребность, а именно — потребность въ "какой

^{*)} Рёмеръ есть шарообразный, на коротеньких в ножкахъ, бокалъ зеленаго цвъта, и употребляется для питья рейнвейна.

ни наесть прислугь: ибо надобно же было, чтобы кто-нибудь чистиль ежедневно студенту сапоги да одежду, вариль бы ему кофе по утрамъ, убираль бы комнату, носиль бы ему объдь изъ кухмистерской, да разнашиваль бы городскую его корреспонденцю. Учрежденіе городскихъ почть тогда еще не существовало. Само собою разумъется, что студенту-небогачу, обитающему въ одной только комнатъ, невозможно было содержать особливую, спеціально одной его персонъ себя посвятившую прислугу. Поэтому-то мало-по-малу въ теченіе четверти въка со времени возстановленія (въ 1802-мъ году) Дерптскаго университета, образовалось какое-то, точно особенное, сословіе "общей поденной студентской прислуги обоего пола.

Это сословіе, чтобы такъ ужъ и выразиться, было далеко не многочисленное; едва ли въ немъ насчитывалось и до полсотни лицъ. Но въ этихъ индивидуумахъ — ей, ей! — все было крайне оригинально, начиная отъ данныхъ имъ студентами сословныхъ наименованій до употребляемаго ими между собою и съ студентами жаргона*) включительно. Наиболъе же характеристическою особенностію должно считаться то, что я никакъ не помню, случалось ли мев двиствительно видеть хоть кого-либо изъ числа этихъ индивидуумовъ съ лицомъ безъ несмътнаго количества морщинъ? Они, словно гномы, всв казались равныхъ летъ неопределеннаго возраста. А такъ какъ тъ, которые называли себя мужчинами, всъ безъ исключенія тщательно брились, да обыкновенно пищали высокимъ теноровымъ фальцетомъ, между темъ какъ у выдававшихъ себя за членовъ "прекраснаго" пола у кого торчавшіе на губахъ и на подбородкъ остатки подстриженныхъ волосъ, а у кого ворчливый басовой голосъ противоръчили этому показанію, то и впрямь, всё эти персонажи различались между собою единственно только своею одеждою. Индивидуумовъ этого рода въ мужской одеждъ мы называли "лёфелями" **), а въ женской одеждъ — "бэзенами" ***).

^{*)} Jargon, исковерканное наржчіе. Это была смісь, основавіємъ которой служить неправильный німецкій языкъ, съ прибавленіемъ произвольно созданныхъ словъ латышскаго, чухонскаго и даже русскаго корней.

^{**)} Löffel, somea.

^{***)} Bèsen, merma.

Леффель являлся всегда въ широкой, темно-сърой курткъ и въ широкихъ черныхъ панталонахъ, съ огромнымъ картузомъ на затылкъ; бэзенъ всегда въ темно-синей съ красными цвъточками коленкоровой юбкъ и въ коричневой изъ шерстяной матеріи кофть, съ огромнымъ изъплотной кисеи чепцомъ на головъ; сверхъ того и тотъ и другая съ привязаннымъ спереди, сверхъ платья, длиннымъ, широкимъ передникомъ. Несмотря на впрямъ комическую свою наружность, это были честнъйшіе люди и самые заботливые слуги. Не бывало никогда случая, чтобы деффель или бэзенъ оказались ворами; даже случайно уроненную студентомъ и гдв-то въ углу вадавшуюся мелкую монету, когда они ее находили при уборкъ комнаты, даже и ту всегда возвращали "dem jungen Herrn" *), да еще съ порядочной, не очень-то церемонною нотацією за легкомысленную небрежность. А въ отношении добросовъстнаго убиранія комнаты и аккуратнаго исполненія порученій, такъ нынъшняя, даже и самая дорогая, прислуга имъ и въ подметки не годится. Что же касалось чистки платья и сапоговъ, такъ не только последние всегда блистали какъ зеркала, а на первомъ и слъдовъ не виднълось отъ пуха или пыли, но старательные леффель или бэзенъ каждое утро тщательно также осматривали платье и, где нужно да возможно было, либо пришивали недостающую пуговицу, либо чинили оказавшуюся дырку или распоровшійся шовъ. И при этомъ не должно забывать, что у каждаго леффеля или бэзена было на рукахъ до 12-15-ти студентовъ, живущихъ въ разныхъ домахъ! Да! это были крайне смъшные по виду индивидуумы, но весьма достопочтенные, честные и добросовъстные слуги!

Отношенія между студентами, жившими какъ квартиранты въ семействахъ "бюргеровъ" **), и этими ихъ хозяевами бывали самыя патріархальныя и дружескія. Жильца-бурша въ такомъ домъ иначе не называли какъ "unser junge Herr" ***), и не только "Frau Meisterin" ****) и ея обыкновенно многочисленныя чада съ домочадцами, но и самъ

^{*)} Молодому барину.

^{**)} Bürger, горожанинъ, мѣщанинъ.

^{***)} Нашъ молодой господинъ.

^{****)} Хозяйка, жена (цеховаго) мастера. .

"Негт Meister" дорожили имъ, всячески старались ему угождать и вообще обходились какъ бы съ "возлюбленнымъ сыномъ дома, радостію и надеждою всего семейства". Да и впрямь, не считая, хотя и небольшихъ, а все-таки пренебреженію не подлежавшихъ матеріальныхъ интерессовъ, вообще таковое квартированіе бурша у какого-нибудь "филистера" доставляло послъднему также и не мало выгодъ другаго рода.

Во-первыхъ, филистеръ, который имълъ студента своимъ квартирантомъ, этимъ самымъ обстоятельствомъ быль болъе или менъе гарантированъ противъ всякихъ шуточныхъ студентскихъ продълокъ, потому что, по тогдашнимъ "отсталымъ" нашимъ понятіямъ о требованіяхъ собственной чести, буршуквартиранту, въ подобномъ случав, надлежало бы вызвать шалуна на дуэль. А духъ товарищества и взаимнаго уваженія до того глубоко проникъ въ тогдашнее дерптское студенчество, что всякій буршъ, чувствоваль неспобразность подобныхъ последствій, и изъ уваженія къ товарищу оказываль уваженія также и квартирному его хозяину. Бывали, конечно, исключительные случаи, но и тъ большей частью не доводили товарищей до дуэли. Квартирантъ филистера посылалъ на другой день къ виновному другаго товарища за объясненіемъ случившагося и съ вопросомъ: помнитъ ди онъ то, что дълалъ, и какое его было при этомъ намъреніе? Если виновный отвъчаль, что помнить и что ему такъ хотълось, то онъ тутъ же и бывалъ вызванъ на дуэль установленной формулою: "X. lässt dir sagen, du seist ein dummer Junge!"*) Но, кромъ двухъ какихъ-то особенныхъ случаевъ, въ которыхъ главной двигающей силою являлась любовная ревность, я не помню, чтобы въ мое время приходилось кому-либо выйти на дуэль изъ-за своего хозяина-филистера. Обыкновенно эти дъла оканчивались очень дружелюбно. Виновный, объявивъ, что ничего не помнитъ и никого обидъть не желалъ, отправлялся съ посланнымъ товарищемъ къ пославшему, и, послъ не долгаго съ нимъ дружескаго объясненія, шелъ съ нимъ къ хозяину-филистеру. "Nun, lieber Meister! **) не сердитесь на меня; это вышло ненарокомъ! Сами, въдь, по-

^{*)} Х. велить тебъ сказать, что ты глупый мальчишка!

^{**)} Ну, любезный хозяинъ.

нимаете, — голова была не въ порядкъ! Не сердитесь, дайте руку!" этимъ все и улаживалось, и всъ были довольны. "Der Herr Studente hat sich bei mir entschuldigt"*), разсказываетъ самодовольный филистеръ своимъ сосъдямъ; а тъ одобрительно киваютъ головою: Nu, dann ist ja alles gar schöne in Ordnung! Nur man den richt'gen Respekt, das ist die Hauptsache!"**) А, въдъ, о "решпектъ" и помину даже не было! Но "блажены върующіе!"

Бывала, наконецъ, отъ квартиранта-бурша еще и другая, напередъ уже ожидаемая и почти всегда удававшаяся польза. Дерптскіе зажиточные ремесленники тогдашняго времени были честолюбивъе большей части, нынъшнихъ даже, московскихъ мъщанъ, и живя въ городъ, который представлялся центромъ все болве и болве распространявшагося въ оствейскихъ провинціяхъ просвъщенія, оказывались весьма податливыми вліянію общаго духа. Вследствіе же того они посылали своихъ дътей въ школы. Если же они и считали, что для сына, долженствовавшаго нъкогда поступить на мъсто отца-мастера и хозяина ремесленной "фирмы", совершенно достаточно пройти два класса убоднаго училища, то, съ другой стороны, за довольно ръдкими только исключеніями, они не отказывали младшимъ сыновьямъ въ разръшении посвятить себя пасторской, докторской, адвокатской или учительской карьерв. А насчеть дочекъ, такъ "Papà-Meister", подъ вліяніемъ своей "Frau Meisterin", ужъ совсъмъ не скупился и непремънно отправлялъ ихъ учиться въ городскую "Töchterschule" ***). Когда же эти дочки становились варослыми невъстами, тогда само собою, конечно, требовалось подыскать имъ подъ стать будущихъ муженьковъ, а для сего лучшимъ и върнъйшимъ средствомъ оказывалось принятіе въ свой домъ квартирантами иногородныхъ студентовъ. Это однакоже устраивалось съ великой осмотри-

^{*)} Г. студентъ извинился предо мною.

^{**)} Ну, тогда въдь все въ прекрасивитемъ порядкъ! Было бы только должное почтеніе, вотъ что главное!

^{***)} Школа для дъвицъ; въ буквальномъ же переводъ "школа для дочерей". Эти школы у нъмцевъ впервыя появились въ средней Гермавіи, послъ освобожденія отъ французскаго ига; устройство ихъ, только конечно съ значительнымъ расширеніемъ программы научныхъ предметовъ, служило прототипомъ нашниъженскимъ гимназіямъ.

тельностію. Квартирантами въ свой домъ дипломатъ-филистеръни за что не допускалъ сыновей ни дворянъ, ни богатыхъ купцовъ, ни чиновниковъ. Этой чести исключительно удостоивались лишь сыновья, прежде всего, цеховыхъ же "мейстеровъ", а затъмъ "неважныхъ" купцовъ, да много, много, если еще школьныхъ учителей или деревенскихъ пасторовъ.

Не было однакоже никакихъ причинъ сожалъть о судьбъ товарищей, попавшихъ въ съти честолюбивыхъ филистеровъ, потому что большею частію дочки этихъ послъднихъ, за исключеніемъ быть можетъ способности "парлировать" на французскомъ языкъ, не только не уступали, но даже иногда первенствовали надъ тамошними баронессами въ основательныхъ и практичныхъ познаніяхъ, а тъмъ паче въ искусствъ домашняго хозяйства и въ отсутствіи всякаго рода претензій. Относительно же естественности въ обхожденіи съ молодыми людьми и наивной, истинно дътской, чистосердечной веселости, да наконецъ же и относительно здоровыхъ миловидныхъ личиковъ, такъ, по правдъ сказать, ни одна изъ высокородныхъ "фрейлинъ" тамошняго beau monde съ ними сравниться не могла.

Немудрено же послъ того, что на балахъ "бюргермуссы" *) встръчалось несравненно болъе студентовъ (изъ всъхъ сословій) **) чъмъ въ академической и большой муссъ, куда являлись дамы и дъвицы "отборнаго" деритскаго общества. Насколько въ послъднихъ господствовала скука, на столько царило въ мъщанскомъ клубъ искреннее веселье и истинная молодая жизнь!

Какъ бы строго и ръзко ни отдълялись другъ отъ друга сословныя общества тогдашняго Дерпта, но я былъ свидътелемъ одного случая, когда весь городъ, безъ всякаго различія, словно подъ вліяніемъ сверхъестественной волшебной силы, былъ одушевленъ однимъ и тъмъ же чувствомъ общей радости и общаго восторга, и когда всъ сословія одинаково были проникнуты мыслію и думою о томъ, чъмъ и какъ бы поторжественнъе выказать таковое свое чувство. Это было ранней

^{*)} Bürgermusse, мащанскій клубъ. Musse, клубъ.

^{**)} Не видно было тамъ некогда однихъ только немецкихъ бароновъ; но мм, русскіе студенти, частехонько туда звлялись, за что тамошній beau monde довольно косо и свисока на насъ поглядиваль.

- our transportation American 104 M. Konsteller Miller Miller I FOR ALL MENT HAT SHE 11 - William Andrew Andrews Constitution Constitution Proper were recommended assurance district Artyr (Amanus's 1.11. Alphorph Art Phone The Control of the Co dicin province while you have Marchae & Marchaell We MARKE KARKER & and made for programments the tipent г сы Сериск шенерией ен насе THE HARMAN a. His aban's the market Million Hild rant il plate alle Verille amerii of the topology of the confidence ्राः मः वर्षा यम् प्रश्तिकारम् to total and the state had e erener à herrichers à tours ા ભાગમાં મામાં મામાં માના માના 🕩 🚺 were a sense a na cake me Bigging in the michael Haple capit by the trivillate the

and the formation of the sound of a factor of the sound of th

ротники студентского мундира укранналнов богатайнимъ волотымъ шитьемъ на маноръ шитья на норочникахъ л.-ги, Проображенскаго полка, съ тою тольно разницию, что на последникъ изображены давровыя вътии, и на нашихъ бывшихъ отудентскихъ — вътви дубовыи. Запросто из мундиру посились того же цебта длинный панталовы и фуркжий (ныившинго же покроя); но для "полной парадной" формы, при шпать и съ треугодкою, надъвались узкіе штаны имь бълаго сукна и офицерскія ботфорты со шпорами. Эти-то "принадлежности" къ парадной формъ, конечно, имълись у немногихъ тольно ивъ студентовь; равномърно же оказывалась часто разница такжо и въ самыхъ то мундирахъ, относительно большей или меньытоньог быльные или бынькой и коряют итропина быш (т.-е. богатетва) шитья. Что для почетного ивраула из Импараторской четь следуеть и будуть выбирать не стольно по личному достоинству, сколько по свъжести и влегантискти парадной формы, это поняли наши бурши сами отъ себя; промъ того, однакожъ, весьма многихъ (и проимуществение изъчисла тамошнихъ бароновъ) напугаль еще быстро распростраы ившійся слухь, что участвующих ь нь нарауль напой-то пріважій рительно обучать вожив нараульнымъ офицеръ бударичинамъ нашлось на другой день ме пріемамъ болье 1 а) человъкъ, явившихся въ полной парадей частію петербургскіе уроженцы и около non. офессорскаго института 4). Когда мы иступили заль академического сената, им промъ обичъ его, увидъли собраншихся туда еще многихъ и офессоровъ, да сидвишихъ воздъ рентора Паррота ь знакомаго старика полицеймейстера и другаго израсивато молодато полковника въ военномъ сертукъ бантами **). Это и быль тоть "прівзмій" офицерь. ть мы, по долгу учтивости, расшаривлись, но новечно, стекому", да и подошли въ ревтору, кавъ само собою

жь тисяв, какь и очень живо помии: Пироговь, Ипоненцевы и Радыяди, что это быль единственный случай, когда этинь достоельнымы нажимы приходилось прохаживаться нь ботфортахы и инорахы да продышагою: «на-прауль!»

осенью 1829 го года, когда пришла оффиціальная въсть, что Государь Императоръ съ Государыней Императрицею, на своемъ пути изъ Риги въ Нетербургъ, намърены посътить Дерптъ и даже пробыть въ немъ три дня.

Болве же всвхъ это радостное волнение охватило членовъуниверситета, такъ какъ изъ сообщения рижскаго генералъгубернатора барона фонъ-деръ-Паленъ (онъ же былъ, какъвыше уже упомянуто, вмъстъ съ тъмъ и кураторомъ университета) оказалось, что главною цёлью августейшей четы было обозрвніе университетскихъ учрежденій, и что Императоръ Николай Павловичъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, соизволилъ на устройство, на время пребыванія Ихъ Величествъ въ Деритъ, почетнаго къ нимъ караула изъ студевтовъ. Послъднее-то, конечно, занимало насъ преимущественно: какъ и къмъ это устроится почетный караулъ изъ насъ, и въ чемъ будутъ состоять обязанности этого караула? Въ тотъ же еще день на публикаціонной въ университеть доскъ появилось объявление "его великольния г. ректора", что изъ "гг. студентовъ, у которыхъ имъется полная парадная форма, со всъми къ ней принадлежностями, желающіе участвовать въ чести составленія почетнаго къ Ихъ Величествамъ нараула, приглашаются явиться на следующее утро въ академическій сенать, облеченные въ реченную форму".

Выраженіе полная парадная форма, со всеми принадлежностями" въ настоящее время едва ли кому-либо будетъ понятно. Теперешняя форма студентовъ своею простотою, безъвсякаго спора, оказывается во всвхъ отношенияхъ несравненно цвлеобразнве, чвмъ та форма, которая была установлена въ описываемое мною время. Но это, съ другой же стороны, никакъ не мъщаетъ признанію, что наша тогдашняя, и въ особенности полная парадная форма была столь же несравненно красивъе и роскошнъе. Цвътъ какъ мундира, такъ и сертука студентской формы быль, какъ и нынь, общій для вськъ нашихъ университетовъ, только не зеленый, а синій. Воротники же были бархатные, и для нихъ каждому университету быль присвоень особый отличительный цвъть; такъ напр. у дерптскихъ студентовъ воротники были черваго цвъта, у петербургскихъ ярко-краснаго, у московскихъ темно-малиноваго и т. д. Вивсто нынвшнихъ простыхъ петлицъ, въ то время во-

ротники студентского мундира украшались богатышимъ 20лотымъ шитьемъ на манеръ шитья на воротникахъ л.-гв. Преображенского полка, съ тою только разнидею, что на последникъ изображены давровыя вътки, а на нашихъ бывшихъ студентскихъ — вътки дубовыя. Запросто къ мундиру носились того же цебта длинныя панталоны и фуражка (нынешняго же покроя); но для полной парадной формы, при шпагъ и съ треуголкою, надъвались узкіе штаны изъ бълаго сукна и офицерскія ботфорты со шпорами. Эти-то принадлежности къ парадной формъ, конечно, имълись у немногихъ только изъ студентовъ; равномърно же оказывалась часто разница также и въ самыхъ-то мундирахъ, относительно большей или меньшей элегантности покроя и большей или меньшей полноты (т.-е. богатства) шитья. Что для почетнаго караула къ Императорской четь следуеть и будуть выбирать не столько по личному достоинству, сколько по свъжести и элегантности парадной формы, это поняли наши бурши сами отъ себя; кромъ того, однакожъ, весьма многихъ (и преимущественно изъ числа тамошнихъ бароновъ) напугалъ еще быстро распространившійся слухъ, что участвующихъ въ карауль какой-то прівзжій офицеръ будетъ предварительно обучать всемъ караульнымъ пріемамъ. По этимъ причинамъ нашлось на другой день не болъе 60-ти (кажется) человъкъ, явившихся въ полной нарадной формъ, большей частію петербургскіе уроженцы и около 12-15 изъ профессорскаго института*). Когда мы вступили въ конференцъ-залъ академического сената, мы кромъ обычныхъ членовъ его, увидъли собравшихся туда еще многихъ и другихъ профессоровъ, да сидъвшихъ возлъ ректора Паррота всвиъ намъ знакомаго старика полицеймейстера и другаго какого-то красиваго молодаго полковника въ военномъ сертукъ съ аксельбантами **). Это и быль тотъ "прівзжій" офицеръ. При входъ мы, по долгу учтивости, расшаркались, но конечно, по "штатскому", да и подошли къ ректору, какъ само-собою

^{*)} Въ томъ числе, какъ я очень живо помию: Пироговъ, Иноземцевъ и Редькинъ. Думаю, что это былъ единственный случай, когда этимъ достославнымъ нашимъ ученымъ приходилось прохаживаться въ ботфортахъ и шпорахъ да проделывать шпагою: «на краулъ!»

^{**)} Не флигель-адъютанть ли, впоследствін генераль-адъютанть и графь, Барановь?

разумъется, далеко не по "воинскому регламенту". Полковникъ отдавъ намъ въ отвътъ учтивый поклонъ, попросилъ насъ (на нёмецкомъ языке) "выстроиться въдве шеренги". Хотя мы туть, и встрепенулись, но съ мъста не трогались и, переглянувшись сначала вопросительно между собою, въ недоумъніи уставили на него наши взгляды. Онъ улыбнулся, а затымъ мигнулъ полицеймейстеру, и оба, подошедши къ намъ, начали намътолковать значеніе этой команды, и тогда, помощію ихъ указаній и поправовъ, мы наконецъ благополучно встали въ желаемый "фронть". По осмотръ насъ, полковникъ ласковымъ тономъ выразилъ полное свое удовольствіе и просилъ, часа. черезъ три опять собраться въ эту же залу, уже не въ формв, а въ сертукахъ, но при шпагахъ, дабы онъ могъ намъ показать пріемы "салютаціи" и "стоянія на посту". "Но я совътоваль бы вамъ, мм. гг. (прибавиль онъ), оставаться всв эти дни въ ботфортахъ, чтобы совершенно привыкнуть къ нимъ". На этомъ основании мы и прощеголяли цълую почти недълювъ нашихъ ботфортахъ и убъдились, что совътъ флигель-адъютанта быль весьма резонный и практичный. Караульнымъ и прочимъ пріемамъ полковникъ обучалъ насъ по два раза въ день, и мы вскоръ ихъ переняли, такъ что на третій день, когда долженъ былъ прибыть Государь Императоръ мы всякую къ нашей должности относящуюся команду исполняли довко и въ совершенномъ другъ съ другомъ согласіи.

Императорская чета остановилась въ покояхъ, приготовленныхъ для августъйшихъ гостей въ домъ г. фонъ-Липгардта на главной площади, близъ каменнаго моста*).

Обязанность наша состояла въ стояни на караулъ (насколько припоминаю) у шести дверей, по два человъка у каждой, что при количествъ нашей "роты" привело къ раздъленію насъ на пять смънъ; а такъ какъ, Государь и Государыня пробыли въ Дерптъ около 60-ти часовъ, и такъ какъ, каждое занятіе караула продолжалось два часа, то каждой смънъ приходилось быть три раза въ караулъ. Должность временнаго нашего командира исполнялъ полковникъ Барановъ, который при каждой смънъ и разставлялъ насъ по по-

^{*)} Сей домъ принадлежалъ прежде вдовъ фельдмаршала свътлъйшаго внязя Барклая-де-Толли, которан умерла только за два или за три года предъ тъмъ.

стамъ. По отбытіи очередной сміны насъ отпускали часовъ на щесть домой, съ тімъ, чтобы возвращаться ровно за 2 часа до вновь наступающей очереди нашей сміны. Кромі того, въ нижнемъ этажі, возлі парадной лістницы, былъ обращенный въ "караульную" залъ съ нісколькими диванами и мягкими стульями для сцокойнаго выжиданія очереди, а нашъ "командиръ" не забывалъ позаботиться о томъ, чтобы намъ подавали "кой-что" для утоленія случайнаго голода и жажды, такъ что намъ караульная наша должность очень понравилась.

Когда Государы и Государыня на третій день уважали, тогда, (какъ впрочемъ и въ день прівзда) нашъ караулъ, выстроившись у подъвзда въ двъ шеренги, бравыми молодцами отсалютовалъ по всей формъ, какъ насъ выучили.

Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Өеодоровна съ улыбкой на устахъ милостиво кивали намъ годовою на прощаніе. Вообще Государь тогда очень былъ доволенъ университетскимъ порядкомъ, какъ потомъ сообщили намъ два формальныя объявленія на публикаціонной въ университеть доскъ, отъ попечителя и отъ ректора.

Самъ же городъ въ честь августвйшихъ гостей далъ вечеромъ втораго дня "блестящій" (какъ мнв разсказывали потомъ)*) балъ въ "большой муссв", а на 3-й день (по отъвздвуже Императора и Императрицы) угощалъ простой народъ на большомъ "экзерциръ-плацв". И о томъ и о другомъ распространяться не буду: хотя и городской "ратъ" **) денегъ не жалвлъ, хотя явились туда всв окрестные тузы-помвщики съ супругами и дочками во всемъ блескъ баронскаго своего величія, но удивить, конечно, этотъ балъ могъ развъ только самихъ-то этихъ провинціаловъ. А про народный праздникъ помню только то, что пьяные чухонцы и чухонки и прочій дерптскій "рlebs" ***) возбуждали во мнъ лишь чувство сильнъйшаго отвращенія. Распьяннъйшій изъ нашихъ русскихъ мужиковъ и тотъ даже менъе выказываетъ безобразія, чъмъ то, какое тогда мнъ приходилось видъть.

Прошель годъ послъ описаннаго радостнаго событія. Съ но-

^{*)} Такъ какъ никому изъ участвовавшихъ въ почетномъ караулѣ недосужно было быть на этомъ балъ, то конечно, и я также тамъ быть не могъ.

^{**)} Дума.

^{***)} Черный народъ.

ября мъсяца 1830 года уже я началъ сдавать нъкоторые изъокончательныхъ экзаменовъ, напр. у Брёкера (римское право), и Фридлендера (политическая экономія), у Блума (международныя коммерческія отношенія: internationale Handelsbeziehungen) и т. д. Ну, слава Богу! противъ всякихъ собственныхъ ожиданій (ибо, по правдъ сказать, такъ я былъ порядочный вертопрахъ, да не изъ самыхъ прилежныхъ) сдалъ я эти экзамены довольно удачно, такъ что, по прибытіи въ Петербургъ на рождественскія вакаціи, мнъ не стыдно было явиться (какъ оно требовалось отъ меня) къ графу Е. Фр. Канкрину съ выданными мнъ отъ гг. профессоровъ свидътельствами. Министръ, просмотръвъ ихъ, ласково выразилъ свое одобреніе и, пожавъ мнъ руку, прибавилъ, что онъ оставляетъ эти аттестаты пока еще у себя и дастъ знать, когда мнъ опять явиться за ними.

Дня чрезъ два послъ того получилъ я изъ министерской канцеляріи предписаніе, явиться къ графу такого-то числа*), въ 8 часовъ утра, въ "полной парадной" формъ.

Въ парадной формъ! А ботфортъ и бълыхъ то inexpressibles я, словно нарочито, въ этотъ разъ съ собою не привезъ, потому что, послъ прошлогодняго моего участія въ почетномъ карауль, эти принадлежности къ парадной формъ ни разу мнъ не понадобились, вслъдствіе чего, по обычному студентскому порядку", я и не заботился о чисткъ бълыхъ "невыразимыхъ". Про то, что въ Питеръ могла бы привлючится надобность въ нихъ, мнъ и въ голову не приходило. Но въ нашей съверной столицъ въдь такого рода обстоятельства не служатъ помъхой: отецъ мой хотя и распекъ меня порядкомъ, но все-таки снабдилъ нужными деньгами.

Въ предписанный день и часъ я, наряженный въ указанную форму, стоялъ въ пріемной графа Канкрина и выжидаль его выхода. Министръ вскоръ вышелъ, одътый въ малую генеральскую форму, а за нимъ курьеръ съ портфелемъ и каммердинеръ съ генеральской шляпою графа и военными его бълыми перчатками въ рукахъ.

"Я имъю сегодня докладъ у Государя, — сказалъ мнъ министръ по-нъмецки **), — и вы поъдете со мной. Такъ какъ на

^{*) 20-}го или 21-го декабря, въ точности нынв уже не помню.

^{**)} Когда возможно было, графъ Егоръ Францовичъ предпочиталъ говорить понёмецки.

сей разъ я очень доволенъ вами, то я и выпросилъ вамъ у Его Величества соизволение на счастие быть представленнымъ августвишему вашему благодетелю⁴.

Я почти обомивль отъ радостнаго испуга и едва быль въ состояніи пробормотать несвязныя слова благодарности за милостивое вииманіе его сіятельства. Графъ, будучи крайне доволень эффектомъ своего сюрприза, добродушно засмівліся, но ободриль меня и даже веліль каммердинеру подать мнів стакань воды, дабы я успокоился. Затімь мы потхали во дворець, и дорогой я успітль овладіть собою.

Немногіе и къ тому же сравнительно чрезвычайно просто меблированные покои, которые лично занималь Императоръ Николай Павловичъ, не разъ уже были описаны и даже въ рисункахъ изображены, а потому и не для чего мнъ говорить о нихъ. Объяснивъ въ немногихъ словахъ дежурному флигельадъютанту, кто я и почему здъсь, графъ Канкринъ приказалъ мнъ обождать, пока меня не позовутъ, а самъ, посмотръвъ на часы, отправился въ кабинетъ Государя. Флигельадъютантъ началъ было со мной разговоръ; но разговориться съ нимъ мы не успъли, такъ какъ дверь въ кабинетъ вскоръ растворилась и послышался голосъ графа, который меня звалъ-

Когда я вступиль въ кабинеть Монарха, то какая-то священная дрожь пробъжала по всему моему тълу, и сердце ёкнуло у меня невольно: мнъ въдь всего было девятнадцать только лъть. Николай Павловичь стояль около письменнаго стола, одътый въ форменный сертукъ л.-гв. кавалергардскаго полка; я отвъсиль поклонь, держа треуголку лъвой рукою, по предписанному правилу, у шпаги, а правую руку по швамъ; прошлогоднія указанія полковника Баранова пригодились.

Государь знакомъ приказаль мнъ приблизиться.

"Графъ Егоръ Францовичъ сказалъ мив, что онъ вами доволенъ. Я радъ тому".

Я низко поклонился; слезы у меня отъ умиленія выстунили на глазахъ, и невольно приложилъ я правую руку къ сердцу.

"На какомъ вы факультеть?" спросиль Государь.

"На философскомъ, Ваше Императорское Величество, по части камеральныхъ наукъ", отвътилъ я.

"Хорошо! быть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщъ. Я вашему отцу, за усердную его службу, охотно разръшилъ субсидію на воспитаніе сына. Помни же, юноша (тутъ Государь, сдълавъ шагъ впередъ, положилъ мнъ свою руку на плечо), что лучшею съ твоей стороны благодарностію будетъ, если ты ненарушимо сохранишь върность запонному Государю, да пріобрътенными познаніями постараешься быть полезнымъ сыномъ своего отечества".

Затвиъ Императоръ, милостиво кивнувъ головою, протянулъ руку и твиъ выразилъ, что аудіенція окончена. Я схватилъ эту руку отца отечества и отъ глубины сердца напечатлълъ на ней восторженный поцълуй пламеннаго благоговънія и безпредъльной любви върноподданнаго.

Выпуская меня изъ царскаго кабинета, графъ Канкринъ шепнулъ мнъ, чтобы, не дожидаясь его, я отправился домой.

На моихъ родителей, конечно, приключившееся мив никвмъ неожиданное счастіе произвело весьма радостное впечатлівніе, и на другой день отецъ со мною повхаль къ министру благодарить его.

"Помните, мой милый, священныя слова Государя, — сказаль мнъ графъ, — сохраните върность Царю, и постарайтесь сдълаться полезнымъ сыномъ вашего отечества"!

Это была последняя моя встреча съ великимъ финансистомъ Россіи, память о заслугахъ котораго и теперь еще жива между теми, кто вникали въ дела нашей государственной экономіи. Что же касается меня, то я не забыль и до гроба не забуду, какое необычайное счастіе объ тогда исходатайствоваль юношестуденту!

"Сохранить върность Царю"! "Сдълаться полезнымъ сыномъ своего отечества"! Первое не трудно для истаго русскаго сердца, потому что въ сущности оно всему нашему народу врождено, и одна только лжекультура, при подстрекателььтвъ нашихъ завистниковъ, могла — да и то въ сравнительно весьма немногихъ безхарактерныхъ лишь слабоумцахъ — пошатнуть это основаніе русской жизни и русской силы. Тому же, кто, будучи почти еще отрокомъ, видълъ героя-царя въ злопамятный день 14-го декабря, тому, кому онъ былъ личнымъ благодътелемъ, тому, на комъ покоилась, какъ бы благословляя юношу, державная десница Отца отечества, да кому изъ устъ его глаголемо было ласковое, словно родительское, поученіе, — тому, говорю я, и подавно не можетъ быть въдомо никакое иное

чувство, кромъ чувства глубоко вкоренившейся, ничъмъ не поколебимой сердечной преданности Царю своему.

Иное дъло вопросъ о томъ, какъ и насколько кто можетъ сдълаться полезнымъ сыномъ своего отечества? Это зависитъ не отъ насъ самихъ, а отъ благаго Провидънія, къ какому кого Оно предназначило земному пути; ръшеніе же того, былъ ли и насколько всякій изъ насъ полезнымъ членомъ народной своей семьи, принадлежитъ не столько современникамъ, сколько потомству. Главное же тутъ кажется, внутреннее искреннее желаніе и стремленіе къ посильному труду на общую пользу, не изъ корысти, а по чувству лежащаго на каждомъ изъ насъ долга гражданина. Такъ, а не иначе, мнъ всегда казалось, я долженъ былъ понять въщее поученіе великаго Государя; и какъ сладчайшее утъшеніе не разъ, въ минуты унынія, раздавалось въ моей груди незабвенное, поистинъ Царское изреченіе:

"Выть полезнымъ отечеству можно на всякомъ поприщъ"!

ПОПРАВКИ.

Стран. Строка	: Напечатано:	C s m d y e m r $:$
13 8 сверху	у ворчаль "Василій	ворчалъ Василій)
94 3 снизу	Кохавскаго	Каховскаго
111 11и12све	рху Родерихъ	Платонъ
138 21 ,,	высказываетъ при знаніе	и- выказываетъ признаніе
140 въпримъч	нан. называлась въ дв дюйма	а называлась рана въдва дюйма
144 4 снизу	пиршуекъ	пирушекъ.